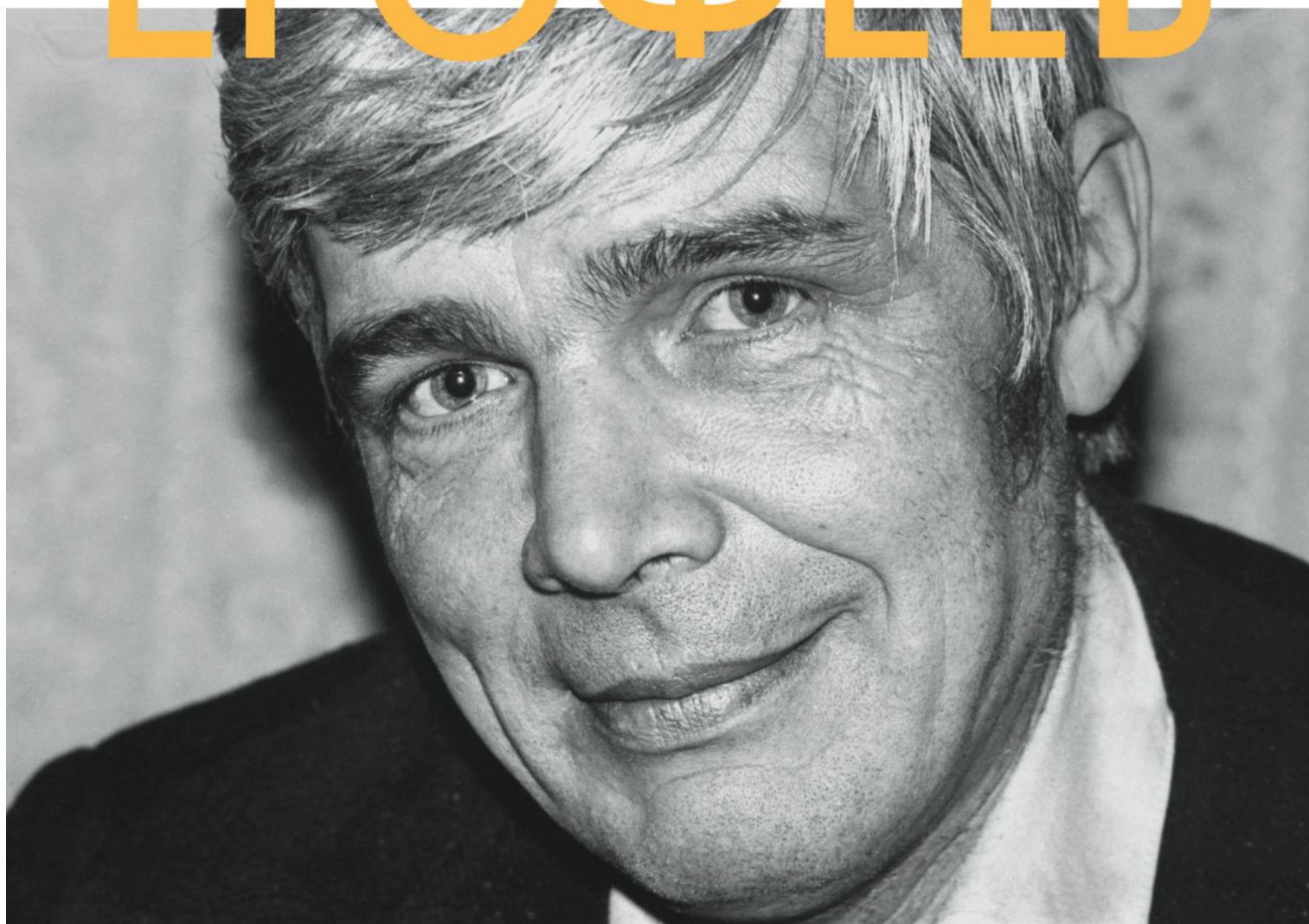

{
Биографии,
автобиографии,
мемуары
}

Венедикт ЕРОФЕЕВ

Безутешный
счастливчик

18+

И з з а п и с н ы х к н и ж е к

Биографии, автобиографии, мемуары

Венедикт Ерофеев

Безутешный счастливчик

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 82(091)
ББК 84(2Рос-Рус)6

Ерофеев В. В.

Безутешный счастливчик / В. В. Ерофеев — «Азбука-Аттикус»,
2023 — (Биографии, автобиографии, мемуары)

ISBN 978-5-389-24624-9

Венедикт Ерофеев вошел в историю литературы как автор культовой андеграундной поэмы «Москва — Петушки», которая переведена уже более чем на тридцать языков. Казалось бы, творческое наследие Ерофеева не слишком велико: «Записки психопата», «Вальпургиева ночь», эссе о Розанове и еще несколько произведений малой прозы. Между тем значительная часть наследия писателя — это дневники, которые он вел с конца 1950-х годов: сохранилось более 30 блокнотов и тетрадей, где записи биографического характера перемежаются записями по случаю, цитатами из книг, песен и бесед, анекдотами, каламбурами, своими и чужими сентенциями, и т. д., становясь по существу творческой лабораторией. Для поклонников Ерофеева — это поистине бесценный материал. В настоящем издании представлены фрагменты из дневников разных лет, включая ранее не публиковавшиеся записи 1980-х годов. Книга содержит нецензурную брань

УДК 82(091)
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-389-24624-9

© Ерофеев В. В., 2023
© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Профессор из Петушков	6
Я	8
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Венедикт Ерофеев
Безутешный счастливчик
Из записных книжек

Серийное оформление Андрея Рыбакова

Оформление обложки Валерия Гореликова

В оформлении обложки использована фотография работы Александра Кривомазова

Автор идеи Игорь Сухих

Составители Игорь Сухих, Алла Степанова

Издательство признательно наследникам Венедикта Ерофеева за согласие на публикацию и за предоставление электронного набора.

Книга подготовлена при участии издательства «Азбука».

© Венедикт Ерофеев (наследники), 2023

© И. Н. Сухих, составление, 2023

© А. С. Степанова, составление, 2023

© А. Н. Кривомазов, фото, 1982

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство КоЛибри®

* * *

Профессор из Петушков

Предуведомление составителя

Многим кажется, что писатель Ерофеев убит своим героем Веничкой и что его творческое наследие совсем невелико. «Он вообще был невероятно талантлив, и я думаю, что реализовался хорошо если на один процент, – заметил сосед и свидетель его последних лет, физик А. Леонтович. – Моя жена говорила ему по поводу „Петушков“: „Ты как Терешкова, полетел один раз – и все“. Он прямо весь изворачивался – ему было очень обидно, – но ничего не говорил».

Эта книга – плод бедного богатства, попытка доказать, что дело обстоит не совсем так.

Оказывается, юродствующий герой поэмы «Москва – Петушки» – лишь одна из масок Венедикта Васильевича Ерофеева, который не только с золотой медалью окончил школу, но вполне мог претендовать на должность профессора далеко не заштатного университета. Пожалуй, литературу Серебряного века он знал лучше многих профессоров. Но, кроме этого, интересовался историей и музыкой, философией и еврейским вопросом. Не говоря уже о таких специальных вещах, как цветоводство и третья охота (так упомянутый в «МП» В. Солоухин называл сбор грибов). Свидетельством всего этого, фундаментом недо- и непостроенного остались записные книжки, которые В. Ерофеев вел с конца 1950-х годов.

Ерофеева-записочника систематически издавали дважды. Два тома записей 1960–1970-х годов вышли под редакцией А. Яблокова в славящемся своим антифилологизмом издательстве «Захаров» (2005, 2007). Предполагавшийся третий том (1980-е годы) так и не появился.

В. Муравьев в покойном «Вагриусе» («Бесполезное ископаемое», 2001, и несколько переизданий) выковырял изюм из булки, отобрал – вне всякой привязки ко времени – наиболее вкусные цитаты, афоризмы и изречения, превратив Ерофеева в профессионала-ирониста вроде Станислава Ежи Леца или Сергея Довлатова из «Соло на ундервуде». Так, впрочем, не раз издавали Чехова, Илью Ильфа.

Однако структура ерофеевских записных книжек, как, впрочем, и чеховских, и ильфовских, сложнее. Это не только «творческая лаборатория», но и телефонная плюс долговая книги, и тетради для конспектирования прочитанного, и фенологический плюс интимный дневник, и история известной болезни.

В нашем издании предложен третий, компромиссный путь: в огромном корпусе записей (более 100 авторских листов) обнаружить сквозные сюжеты ерофеевской жизни и комментарии к его главной книге, наброски ненаписанных книг и неизданных антологий, любовь к одному и идиосинкразию к другому. В общем – психологический портрет неуловимого Венички («Беги, Веничка, беги!»).

Так постепенно сложилась структура книги. В первом разделе из потока записей выделен собственно дневник, прихотливая вязь жизни Венедикта Ерофеева, привязанная к хронологии. Одновременно курсивом представлены записи, в которых на основе биографии уже строится предварительный образ, тот, который мы видим в знаменитой поэме. Хотя нет никакой гарантии, что «Я» этих кратких афористических набросков не относится к другим, так и не воплощенным замыслам.

Остальные главы строятся на лейтмотивах, повторяющихся темах разной степени важности. Хронология здесь не имеет решающего значения, хотя отбор все равно делался на основе дневниковых записей и, значит, как-то привязан ко времени. Однако нужно помнить, что датировку записей, их шифры и подтексты далеко не всегда можно установить. Ерофеевские записи нередко идут с нарушением хронологии: они либо вносились позже самого события, либо занимали свободное место в тетради. Составителям пришлось учитывать и то, что некоторые герои-

современники В. Ерофеева еще здравствуют, поэтому время для публикации тех или иных фрагментов еще не пришло.

Эпиграфы к разделам большинство заинтересованных читателей должны помнить наизусть. Автор все-таки привязан, прикован, пришпилен к своей знаменитой книге.

Предлагаемое издание – это и «*Ерофеев в жизни*», и «*Ерофеев contra Веничка*».

Льщу себя надеждой, что книга избранного из записных книжек (а это примерно треть изначального объема) существенно скорректирует образ автора поэмы «Москва – Петушки», которому поверили многие мемуаристы.

Просматривая уже готовый том, я почему-то вспоминал горькие вопросы Достоевского, которыми оканчиваются «Записки из Мертвого дома»: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром!.. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?»

Издание этой книги по разным причинам растянулось – с большим перерывом – на пять лет. Надеюсь, когда (и если) дело дойдет до серьезного, с претензией на академизм, издания записных книжек, составителю могут предъявить список не зlostных искажений, а добросовестных заблуждений.

«Вон... вон, Ерофеев из нашей Сорбонны!»

И. Сухих
2018–2023

Я ***Беги, Веничка, беги!***

Биография. Приоткр. начало

1 сентября 1945 – лето 1946 г., ст. Хибин. 1-й класс.
1 сентября 1946 – весна 1947 г., станция Зашеек, 2-й класс.
Июнь 1947 г. – определение в детский дом г. Кировска.
Июнь 1947 г. – июнь 1953 г. – 6 лет д/д г. Кировска. 3–8-й класс.
1 сентября 1953 г. – г. Кировск. 1-я средняя школа. 8-й класс.
Лето 1953 г. – лето 1955 г. – разъезд Юкспориок.
Июль 1955 г. – 1-й выезд в Москву. Поступление в МГУ.
Август 1955 – май 1956 г. – 5-я Черемушкинская, Москва, 1-й курс МГУ.
Июль – август 1956 г. – г. Кировск. Впервые после «нрзб.»
Сентябрь 1956 г. – январь 1957 г. – Москва. Стромынка.
Начало февраля 1957 г. – изгнание из Стромынки.
Начало марта 1957 г. – Москва. Ново-Грузинский переулок «Ремстройтреста» Красно-пресненского района.
Октябрь – ноябрь 1957 г. – Увольнение и амнистия.
Зима 1957–1958 гг. – Кочегар общежития. Ново-Пресненский пер.
Май – июнь 1958 г. – Подсобный приемщика посуды, ул. Горького, Москва.
Июль – сентябрь 1958 г. – г. Кировск, Мурманская область.
Октябрь – декабрь 1958 г. – г. Славянск, Сталин. обл. УССР.
Январь – февраль 1959 г. – г. Кировск. К. Новос.
Март – июнь 1959 г. – г. Славянск, Сталин. обл. УССР.
Июль 1959 г. – Поступ. в ОЗПИ г. Орехово-Зуево.
Июль 1959 г. – октябрь 1960 г. – ОЗПИ, ул. Застройная.
Зима 1960–1961 гг. – Изгнание. По част. квартирам г. Орехово-Зуево. Ю. Рун.
Апрель 1961 г. – Въезд и вселение в г. Владимир.
Июль 1961 г. – Поступление в ВГПИ, г. Владимир.
Конец января 1962 г. – Изгнание из ВГПИ.
Начало мая 1962 г. – Изгнание из Владимира и Владимирской области.
Май 1962 г. – Вселение в Павлово-Посад. Зимак.
Август 1962 г. – Вселение в Коломну. КГПИ.
Февраль 1963 г. – Изгнание из Коломны.
Весна 1963 г. – Между Коломной, Владимиром, П.-Посадом и Орехово-Зуевым.
Май 1963 г. – Оседаю на связи под Владимиром.

СУС-5. Гусь-Хрустальное направление.
«1985»

Вот клички:

в 1955–57 гг. меня называют попросту «Веничка» (Москва),
в 1957–58 гг. по мере поселения и повзросления – «Венедикт»,
в 1959 г. – «Бэн»,

в 1960 г. – «Бэн», «граф», «сам»,
в 1961–62 г. – опять «Венедикт»
и с 1963 г. – снова поголовное «Веничка» (Владимир, Колкомна).
«1966»

Из блокнотов «19»56 г.

*«Наконец, вижу, внизу, на лестнице
До вечера привожу дыхание в норму».*

21 февр. – 1-я четверть в одиночестве.
Март – апрель 56 г.: Надсон, Музыкантова, Кобяков.
24 марта 56 г. – 1-я серьезная папироса.
Лето 56 г.: подражание самым плохим стихам Бальмонта.

Из блокнотов «19»58 г.

«в тембре голоса – ноты врожденного идиотизма»

«Отсчитываю секунды и выжидаю. С наслаждением плюю в потолок. Все спокойно».

«В минуты раздраженности мне лгать нельзя, даже самая моя маленькая ложь только усиливает нервное напряжение. Когда же напряжение рассеивается – я способен врать беспредельно. Это мои лучшие минуты».

Из блокнотов «19»59 г.

«Я на небо очень редко гляжу. Я и т. д.».

«Я не люблю ничего органического. Когда-то я делал исключения для полевых цветов, но и этой последней привязанностью вынужден был пожертвовать во имя последней».

Осень. «Печень функционирует нормально. Обмен веществ восстанавливается. Соответственно угасает солнце и блекнут небеса».

1959

Декабрь

4 дек. – первое столк. В 20-й.
5 дек. – Толки. Вижу, спуск. по лестнице, в оранжевой лыжной куртке.
6 дек. – Вижу. Потупила глаза. Прохожу мимо с подсвистом.
7 дек. – Вижу: у комендантши меняет белье. Исподтишка смотрит.
8 дек. – В какой-то белой штучке с хохлацким вышитым воротничком. С Сапачевым.
9 дек. – Вижу. Промелькнула в 10-ю комн.
10 дек. – Сталкивались по пути из буфета. В той же малороссийской коффе.
11 дек. – Р«унова» в составе студкомиссии.
12 дек. – У нас с Аболенским сидит два часа. С какими-то глупыми салфетками.
13 дек. – Вижу, прогуливаясь с пьяной А. Захаровой.

14 дек. – Обозреваю с подоконника, в составе комиссии.

15 дек. – В глупом спортивном костюме. Вероятно, на каток. Вечером с Красовским проявляем ее портрет.

16 дек. – Не вижу.

17 дек. – Вижу, прогуливаясь с Коргиным по 2-му этажу.

18 дек. – Не вижу.

19 дек. – Р. с Тимофеевой у нас в комнате. Пьяно с ней дебатую.

20 дек. – с дивана 2-го этажа созерцаю ее хождения.

21 дек. – вижу ее с А. Захаровой, студобход. Подклеила Евангелие.

22 дек. – вызывает А. Сапачева.

23 дек. – вижу дважды. В пальто, с Красовским. И столкн. на лестнице.

24 дек. – не вижу.

25 дек. – с Красовским на лыжах едут за елкой, я отказываюсь. Встречаю их по возвращении. В 22-ю. Неужели забыли? Вечером обозреваю ее внизу, сидя с Окуневой.

26 дек. – Серж и Лев у них в комнате. Встречи. Послание к Синичен^{ко}. Р.: «А мне записки нет?»

27 дек. – Обозреваю Р. и К^о, сидя в вестибюле 2-го этажа. Подходит Р. и просит убрать от них постылого Коргина. Отказываюсь. Встаю и иду к Окуневой.

28 дек. – Встретившись на лестнице, не здороваемся.

29 дек. – С Тимофеевой вторгается в нашу комнату в поисках Сапачева.

30 дек. – По сообщению Аболен^{ского}, была у нас в комнате около часу, покуда я слушал музыку у Захаровой.

31 дек. – Новый год. Маралина, Окунева etc.

1960

Февраль

1–23 фев. – Поездка на Кольский п-ов.

Март

1 – Р. на кухне.

2 – Весь вечер соседство. «Кто кого пересидит». Она на левом диване, я на правом. Иногда взглядываю, иногда взглядывает. В час ночи ухожу первый.

3 – У Р. та же привычка, что у Ок., Ломак^{иной} и Буян., – входя в общежитие, непременно скосить глаза в сторону тупика. Дважды сталкиваюсь.

4 – Нет.

5 – Прошла куда-то в пальто.

6 – Ломакина, Окунева, Буянкина.

7 – то же самое.

8 – В 22-й бурно отмечают жен. день. Там вся моя комната, кроме меня. Синиченко врывается в тупик и пьяно умоляет меня посетить их. Отказываюсь.

9 – Красовский сообщает: Р. украла мою фотокарточку.

10 – Ломакина – Захарова – Окунева.

11 марта – Весь вечер и ночь в тупике под взглядом сверху Ломак. и Окун.

12 – Мельком вижу Р.

- 13 – Р. под моим окном дерется с мальчишками.
- 14 – Галдеж и всеобщие остроты по адресу моему и Р.
- 15 – Ломакина – Захарова – Окунева – Буянкина. Жюрфиксы в тупике.
- 16 – Каверза с Р. и утюгом.
- 17 – Р. и Волкова делают мне внушения за беспорядки в комнате.
- 18–19 – Молчание.
- 20 – То же.
- 21 – Д. Денисенко.
- 22–24 – Silentium.
- 25 – В третий раз посещаю 22-ю комнату. День рождения. Смотрит на меня ежеминутно и полуспуганно.
- 26 – Столкнулся с Руновой в тихой комнате по поводу альманаха.
- 27 – Окунева.
- 28 – Ломакина. «Белые ночи» в «Заре».
- 29–30 – Г. Пантелеева.
- 31 – Н. Давыдова, Р. Буянкина. Ресторан «Заря».

Апрель

- 1 – Н. Давыдова.
- 2 – Г. Пантелеева. В. Ломакина.
- 3 – Весь день с В. Ломакиной. Отплясывает канкан.
- 4 – В. Еселева. Д. Денисенко и до 3-х ночи с ней.
- 5 – Д. Денисенко.
- 6 – В. Окунева, Д. Денисенко в тупике до 2-х ночи.
- 7 – Н. Давыдова, Г. Пантелеева. Тотосик сообщает: «Ты заметил, что у тебя в тупике все прибрано и яркая лампочка! Угадай, кто это сделал». Оказыв.: Р.
- 8 – Н. Давыдова, В. Ломакина. До 2-х ночи с Дин^{ой} Денис^{енко}.
- 9 – В. Окунева, Н. Давыдова, В. Ломакина. С Д. Денис. в поисках курева. До 4-х ночи в тупике. Ровно в 4, перед рассветом, Д. Денисенко говорит: «Смотри-ка, Юля вышла на балкон».
- 10 – В. Ломакина, Г. Пантелеева. В постирочную к нам с Ломакиной приходит Ю^{лия} Р^{унова}.
- 11 – Н. Давыдова, Д. Денисенко, Г. Пантел^{еева} и Есел^{ева}. Ю., проверяя уборку коридора, заглядывает к нам с Д. Денис.
- 12 – Р. здоровается за день два раза. Плеврит. И семь нянек: Хомченко – Денисенко – Давыдова – Буянкина – Ломакина – Пантелеева – Окунева.
- 13 – Плеврит, те же няньки. Р. И ее бумажка с надписью «Плеврит. Плеврит. Плеврит».
- 14 – Н. Давыдова и сцены в тупике. Весь вечер и до 3-х ночи Дина Ден. в темном тупике.
- 15 – Страстная пятница. С Гуревичем, сто раз наталкиваюсь на Р. С Гуревичем занимаем денег у Ю. Р. и В. Еселевой. Н. Давыдова и гитарный звон. Давыдова изгоняет Ломакину.
- 16 – Предпасхальные разъезды. Всенощная с Г. Пантелеевой.
- 17 – Пасха со песнями и гитарами. С Н. Давыдовой.
- 18 – Новости о Р.
- 19 – До 2-х ночи с Диной Денис. В 11 вечера заглядывает Р., и опять по случаю мытья полов.
- 20 – У буфета вижу Р. дважды.
- 21 – Н. Давыдова. Р. Буянкина. Д. Денисенко.
- 22 – Весь день с Денис. и Хомч^{енко} по случаю дня рожд. Сапачева.

23 – Наблюдаю за сборами глупых туристов. Р. прячется от меня за колонной. Г. Пантелеева, В. Окунева.

24 – Встречаю вернувшуюся из похода Р.

25 – Грехопадение Д. Ден. и Б. Уткина. Весь вечер с Д. Ден. Денис. на коленях. «Ты недостойна, Денисенко, сидеть у меня в тупике. Ты будешь стоять весь вечер». – «Хорошо. Я буду стоять».

26 – Вечер с Г. Пантелеевой.

27 – До 5-ти утра пьянствую с В. Окуневой и К^о по случаю их распределения на Псковщину. Слезы.

28 – До 2-х ночи пьян. с Д. Денисенко. Слезы etc.

29 – До полпервого пьян. с В. Ломакиной. И опять слезы.

30 – Предпраздничное запустение. Пантелеева, Романова и Буянкина.

Май

1 – Весь день с утра до ночи с Г. Пантелеевой и Г. Романовой. Первомай.

2 – то же самое.

3 – те же плюс Д. Ден.

4 – В. Ломак. изгоняет из тупика Д. Ден., как прежде сама же изгонялась Н. Давыдовой.

5 – Н. Давыдова с водкой.

6–7 – Silentium.

8 – Все вокруг Н. Давыдовой и Д. Ден. Р. в желтом платье входит в общ., как всегда испуганно озираясь на тупик.

10 – День рожд. Закирова. В. Ломак. и ее гнусное пение «Хоть пора мне спать давно» и т. д. До часу ночи с В. Ломак.

11 – В. Ломак^{ина} и первая вылазка в лес.

12 – Весь вечер на скамейке сквера с Д. Ден. Говорю оскорбит. С балконов ей кричат: «Спокойной ночи, Дина».

13–18 – Р. не вижу 6 дней. Попеременно все.

19 – вижу, когда сижу за столом с Пантелеевой. Пуколкина издев. над Ломак.

20 – Предзачетное.

21 – На балкон вечером выходит Р. Обмениваемся длинным взглядом.

22 – Бесконечное скопление людей у меня в тупике.

23 – Хвалков о какой-то записке с Р-ской фамилией.

24 – Сталкиваюсь у буфета с Рун. и Курахтан. Р. стушевывается и почти не отвечает на приветствие. Дина.

25 – За черемухой.

26 – Странное письмо от Р.

27 – Зачет по старославянскому». Вижу Р. – она срывается с места и удирает.

1961

Ноябрь

11 нояб. – Подарки от Садковой. Веч. – Садкова.

12 нояб. – Все еще не переселяюсь. Веч. отвожу душу с Садковой.

13 нояб. – Никуда: ни в институт, ни на частную. Отправ. корот. письмо к Р.

14 нояб. – Прощальная беседа с Юзенковой. «Прощ.» беседа с Садковой. «Ты будешь приходить ко мне на частную?» – «О, буду, буду».

15 нояб. – Приказ завтра же съезжать. Весь вечер и ночь бок о бок с Садковой.

16 нояб. – Въезд на частную. В инстит. – вторая беседа с третьекурс. Зимаковой.

17–18 нояб. – Кратковрем. набеги в общеж. с целью увидеть Садкову.

19–20 нояб. – Silentium.

21 – В общ. Я в малиннике: Тепаева – Садкова – Юзенкова. Сверхблагосклонность.

22 – В общ. Садкова вручает мне письмо от Ю. Р. Злое и глупое письмо.

23 – В инст. приветствую Садкову и Зимакову.

24 – Третья беседа с Зимаков. Расспраш. об «ореховской девушке» etc etc etc. Говорит, что на 3-м курсе вчера был общий диспут относ-но меня и т. д.

25 – Садкова у меня. Половина общежития – у меня на частной.

26 – У меня Зимакова. Провожая по морозу до Зол. ворот.

27 – Слезы Садковой. Инстит. вестибюль, и все поворачиваются ко мне, куда ни пойду.

28 – Опускаю письмо к Ю. Р., самое длинное и самое туманное из всех писем к ней. 3-й курс биофака и 3-й курс филфака смотрят на меня в упор, проходя. Беседа с Зимаков. и игра в загадочность.

29 – Столкнувшись с Зимаков., не останавливаюсь. Так лучше. Миронова. Провожая Садкову до общ. и весь вечер у нее.

30 – Миронова. Банкет в ресторане «Клязьма».

Декабрь

1 – С Сорокиным отправляю записку к Зимаков. с приглашением на вечер 4 дек.

2 – Миронова. Нянька у моей постели. Конфеты и лекарства. «Прогони меня, прогони».

3 – Весь день с Зимаков. Снежные скамьи. Учю пить ром из горлышка. Прощение.

4 – Вместо банкета вторжение в общеж. Миронова. Садкова.

5 – Продолжение конституц. банкетов.

6 – Рест. «Клязьма». Письмо от Рун., посланное 2/XII. «Очень прошу выполнить одну мою просьбу – писать о себе». И т. д.

7 – Первое знакомство с Н. Ивашкиной. Зимаков. ненормальна.

8 – Первое знакомство с Н. Николаевой. «Вы Ерофеев? Мне нужно с вами поговорить» и т. д. Крат. бес. с Ивашкиной. Примирение с Зимаковой.

9 – Смехотворно. Сидя в вестибюле, кропаю статью об Ибсене. Ивашкина. Подходит Зимакова – Ивашкина вскакивает и отходит. Зимакова садится рядом. Спустя час подходит Наина Николаева – Зимакова вынуждена вскочить и отойти.

10 – Посылаю корот. письмо к Ю. Р.

11 – Опять Ивашкина и Миронова.

12 – Миронова в кругу своих однокурсниц. Смотрит на меня испуганным, «руновским» взглядом.

13–14 – Надежда столкнуться с Зимаковой.

15 – Николаева говорит, что все это безобразие. Ивашкина в восторге. Ибсен и Гамсун. Зимаков. нигде нет.

16 – Письмо от Ю. Р. с приглашением приехать в Орехово. «В 20.00 встретимся на автобусной остановке около общежития. Я буду готова выслушать любой „приговор“. Ты согласен приехать? Напиши». Весь вечер с Садковой. Зим. нигде нет.

17 – Никуда не еду, ни в какое Орехово. Ожидаю Зим. Взамен себя посылаю Ю. Р. письмо с обещанием заехать к ней на полчаса между 19/XII и 22/XII.

18 – Радост. столкновение с Зим. Идиотка Садкова.

19 – Попеременно: Ивашкина – Зимакова – Миронова.

20 – Приглашаю Ивашкину на Нов. год. С Зимаковой весь вечер в рестор. «Клязьма».

21 – Миронова – Зимакова. Стыдливая и кроткая Миронова. И самонадеянная Зимаков. с курсом «на очарование» и непреложность.

22 – Ивашкина – Зимакова – ссора с Зимаков. С Ивашкиной в ресторане «Клязьма». Иваш. рассказывает: сегодня на занятиях ее курса все бросились к окошкам, когда кто-то крикнул во время лекции: «Девочки! Кто Ерофеева не видел? Вон он пошел – со своими оруженосцами».

23–24 – Не еду в Орехово. Суббота – воскресенье. Ивашкина впервые у меня в гостях. Сборище у меня на квартире.

25 – С Зимаковой в темном вестибюле допоздна. Миронова и Ивашкина неприятно удивлены.

26–27 – Предновогодняя нервозность. Новые сборища.

28 – Посылаю телеграмму Ю. Р.: «В пятницу не уезжай. Ероф.» С Зимаков. в ресторане.

29 – Поезда отменены. Ивашкина.

30 – В Орехово-Зуево. Вечер с Ю. Р.: Договариваюсь назавтра ехать во Влад. на Нов. год.

31 – Утро. Размежевание с Ю. Р. окончательное. Тягостное прощание во Владимире. Конец Ю. Р. за 10 часов до конца 61 года. Р. отъезжает назад в Орехово. Врываюсь к себе – Ивашкина – «срочно выпить, Ивашкина». С Ивашкиной на Нов. год в общежитие.

Помню, летом 60 г. в Орехове меня называют великим трагиком.

1962

Январь

5–6 – Новые перипетии: Зимакова – Миронова. Зим. о Мироновой: «Ну нельзя же до такой степени влюбляться, это же глупо, она ходит как шальная» и т. д. Весь вечер с Зимаков. в рестор. «Клязьма». Всю ночь – скамейка, холод и милые глупости. Ночь перед Рождеством.

7 – Рождество с Солдатовой. «О тебе у нас на курсе много говорят, и больше по ассоциации с бедной маленькой Садковой». Ночь в комнате Ивашкиной. Ивашкина: «Ты не представляешь, что начнется завтра!» Всего-навсего милые шалости. Утром все женское общежитие следит, когда я выхожу от нее, коварно улыбаясь.

8 – Все факультеты, проходя по вестибюлю, в упор смотрят на нас с Зимаковой, щебечущих на диване, хотя в вестибюле сидит больше сотни и есть на кого смотреть.

9–10 – Смуш. Миронова. Ищу Зимакову. Товарищеский суд над Ниной Ивашкиной.

11–12 – Влюбленная Тюрина. Эпидемия захватила и мой курс.

13–14 – Ссора с Зимаков. и примирение с Ивашк.

15 – Первый экзамен в ВГПИ. Триумф. Гитары и ресторан. Гости из ОЗПИ.

18 – Беседа с деканом. «Вы не имеете права учиться здесь, Ерофеев. Если даже вы постоянно будете отличником. Надеюсь, вы меня понимаете. Послезавтра, в субботу, вы должны прийти ко мне и сказать свое слово. Вы самый заметный человек в институте, вы это знаете» и т. д. Решаем с Ивашкиной, если меня в субб. выгонят, перепиваемся в стельку.

19 – Ивашкина умоляет декана не изгонять Ерофеева. Тюрина подымает на ноги 1-й курс филфака. Тяпаева – 2-й курс филфака. Зимакова – 3-й курс филфака. Юзенкова – 5-й курс биофака. Ивашкина – 4-й курс филфака. Николаева – 5-й курс филфака и т. д. Ресторан «Клязьма».

20 – Единственный на курсе сдаю на отлично экзамен грозному Иорданскому. Бедная Миронова – Зимакова коварно не дает ей поговорить со мною и 7 минут. До 2-х ночи с Ивашкиной.

21 – Ивашкина устанавливает диктатуру. Ректор ВГПИ передает через декана: «Я хочу поговорить с Ерофеевым». Зимакова оттесняет Ивашкину. Взбешенная Ивашкина швыряет телефон, трубку на ул. Нариманова.

22 – С Иваш. дурно. Однокурсницы выносят ее из аудитории. Беседа с ректором. Зимакова и К^о, Тюрина и К^о, Тяпаева и К^о ожидают. Ресторан «Клязьма».

23–25 – Пятикурсники говорят: «За всю историю ВГПИ не было, чтобы такая масса людей ждала одного человека с экзамена». Полсотни ребят и сотня девчонок со всех факультетов. Выхожу: отлично. Пьем с Зимаковой на чердаке института.

26 – Галина Герасимова. Ресторан «Клязьма». Тюрина в ужасе.

27 – Плюю на все. Еду в Орехово-Зуево.

28–29 – В Ор. – Зуеве. Никакого желания заглянуть в общ. ОЗПИ.

30 – Н. Ивашкина: «Не буду больше, не буду больше тебе помогать за все твои подлости!» Иисус-Мария! За какие же подлости? Зимаков. исчезла.

31 – Н. Ивашкина. Приказ об отчислении. «За идейное, дисциплинарное и нравственное разложение студенчества института».

Февраль

1 – Целых пять дней не видал Зимаков. Столкновение. И до 6-и утра с ней.

2 – Ивашкиной предложили в ректорате: «Или Ерофеев, или институт». Она обещала подумать etc.

3–6 – Все на каникулах. Переселяюсь на кв. «аристократки». Призываю всех ребяташек адрес держать в секрете.

7–9 – Первой узнает адрес Ивашкина. Плачет ни о чем у меня в гостях. Зимакова спрыгивает на ходу с поезда и находит меня, и вторгается.

10 – С Зимаковой едем куда глаза глядят. «Плюнь на свой институт». Едем. Орехово-Зуево.

11 – В вокзал. ресторане Ор.-З. с Зимаковой. Кишкин – Моршанский. В магазине сталкиваемся с моими старыми ОЗПИ-цами: Налбалдян, Еселева, Моторина. Через форточку – в общеж. позапрошлого года. Киреев, Сапачев, Ломакина, Красовский. Зимакова. Возвращ. во Влад.

12–24 – Silentium. Полоса нокаутов. Родителей Ивашкиной вызывали во Владимир из Москвы, родителей Зимаковой – из петушин. деревни. Всем дали послед. предупреждение. Серия комсомольских собраний на всех пяти факультетах. Запрещено не только навещать меня, но даже заговаривать со мной на улице. Всякий заговоривший подлежит немедленному отчислению из ВГПИ. Неслышанно.

25 – Изоляция кончается. У меня в гостях Н. Солдатов. Отважная девочка.

26 – Наина Николаева и Нина Солдатов.

27–28 – Еще серия нокаутов. Отчисление из института всех моих: Федорова, Зоткина, Сорокина, Модина. Ивашкина насильственно отправляется в академический отпуск. Зимаков. провалилась неведомо куда.

Март

1 – С вином и Солдатовой и девятью ребяташками – по всему Владимиру.

2–3 – Статьи о Гамсуне заканчиваю. Модин наз. их солнечными. Ищу Зим.

4–6 – Вторжение в институт моей пьяной кавалькады. Поручил им в канун отъезда выкрасть Ивашкину и привезти ко мне. Выкрадывают и привозят.

7 – Канун женских торжеств. Неожиданность – после почти месячного антракта – появляется Зимакова в сопр. Мироновой. Бездна вина и куча вздора. В полночь удаляется сумеречная Миронова. Зим. остается. Грехопадение.

8 – Весь день с Зим., и теперь плевать на все остальное.

9 – Прощание со своими. Мой домик не просыхает от народа.

10 – Зимаков. исключается из института. Дело в горьком комс. Галина Герасимова.

11 – Вторжение Ивашкиной с перцовкой и истериками.

13 – Знаменат. вечер в ресторане «Клязьма». 5 оруженосцев, Нина Солдатова и Нина Ивашкина. Неожид. в рест. всплывает Зимакова. Триумфаторша Зим., коварно улыбаясь, Иваш. и Солдат. с присвистом. Зимакова к Ивашкиной: «А давайте-ка, Нина, кто кого перепьет». И т. д.

1964

Апрель

1. Сделать выписки из псалтири.

2.

Среда:

12:20 Немецкий

1–2 Немецкий

3–4 История КПСС

Четверг:

1–2 Введение в литературоведение»

3–4 Латынь

5–6 Немецкий

Пятница:

1–2 Введение в языкознание»

3–4 Введение в лит.

5–6 Логика

Суббота:

1–2 Физкультура»

3–4 Немецкий

5–6 Немецкий

Понедельник:

1–2 Введение в языкознание

3–4 Введение в языкознание

5–6 Немецкий

Я на небо очень редко смотрю.

Я не люблю небо.

Кто ждет от меня утонченности, будет разочарован.

См. у них (трудяг) черная зависть к состоятельным и добившимся положения. Воспитание подростка в Груздеве. Ср. в 57 г.: мне подносят спичку и заискивают за одно то, что я знаток и ценитель декад. стихов.

1965

Июнь 1965 г. Караваево¹

Июль 1965 г. Мичуринск

Август 1965 г. Липецк

Сентябрь 1965 г. Липецкая обл.

осень 1965 г. Орел.

17. VI. Способность на самоубийство признаем высшей духовной способностью. Все остальные подвиги, совершаемые и совершенные, сопряжены с опасностью, в которых, что там ни говори, много шансов на благоприятный исход. Самоубийство его исключает.

Бенедикт Ерофеев – самое целомудренное существо на свете. По его же собственным подсчетам (15–20/VI) – он тает всего лишь от каждой 175-й юбки по среднему исчислению.

Бенедикт Ерофеев, защитник моральных завоеваний человечества.

Амур выстреливал в меня 15 раз и всякий раз промахивался.

Скверный сын, скверный брат, скверный племянник, я захотел быть хорошим отцом.

Я вынашиваю в себе тайну. Потому я капризен, меня тянет на кислое, на горькое, я отяжелел в своих душевных движениях.

Я не лежу, а протираюсь.

Вздорные трудности, с которыми я расправлялся, как с филистимлянами Самсон.

Все доброе во мне – от Евангелия. Все дурное – все еще от сопротивления ему.

Я подотчетен только Господу Богу.

Умереть, уснуть и проснуться в слезах.

В сердце моем две уже уместились, и еще место осталось.

Не вольнить, но и не пороть горячку.

¹ Караваево – село в Петушинском районе Владимирской области; в караваевской средней школе работала Валентина Зимакова (жена В. Ерофеева в 1966–1975 гг.).

23/IX-65 г. Замечаю по себе, как дезорганизует физический труд, как губителен для здоровья свежий воздух.

27 сент. – 5 октября

5 октября – переселение в Становую.

8 октября – переселение в вагончик.

7 октября – начало болезни.

12 октября – конец болезни и известие о переброске.

11 октября – первый снег и пурга.

15 октября – из Брянска в Москву.

Орловская обл., Орловский р-н, Неполовский с/совет, дер. Булановка, Новиковой Зое (для Ерофеева).

22 октября – Из Москвы в Орел.

14/XI-65 г. На станции Скуратово пью пиво и впервые слушаю: «Это ландыши все виноваты».

1966

Я занят изучением моральных процессов. Тихонов – мой ассистент.

Мне не нужна стена, на которую я мог бы опереться. У меня есть своя опора, и я силен. Но дайте мне забор, о который я мог бы почесать свою усталую спину.

И когда же будет день (5 лет ожидаемый) с quantum-satis-ом моих житейских неприятностей? 19/VI.

Лично я убежден в историчности Адама и Евы!

5. VI. Мой малыш, с букетом полевых цветов в петлице, верхом на козе, возраст 153 дня.

17–18/VI. Вот оно, обалдевание прежних времен, с метанием к северо-востоку и дорожной немотой. «Пограничная ситуация» вечером 17/VI. Фрязево – Москва.

22/VI. Передислокация: Брянск – Орел – Мценск – Ефремов – Становая.

Ночь на 1/VII – поет колыбельную на лермонтовский текст с музыкой собственного сочинения.

4/VII – Нарушение обетов и еще раз передислокация: Становая – Елец – Задонск – Липецк – Лубна.

Ночь на 6/VII – Во сне переживаю ситуацию, радующую совершенным отсутствием светлого исхода.

3/VIII. Двенадцатый день не пью, и замечаю, что трезвость так же чувствительна, как физический труд и свежий воздух. Мелкое наблюдение: я никак не могу вспомнить один редко употребляемый и более крепкий синоним к словам «мракобес», «ретроград», «реакционер», «рутинер» – который уже день не могу вспомнить. Бьюсь об заклад, как только сниму с себя зарюки и выпью первые сто грамм, припомню немедленно.

3/VII. В июне, в Мышлине², я все это (и самые тонкие яства вроде Рильке и Малера) «кушал без аппетита». Теперь очень понятно, что значит «жрать все подряд» – только бы утолить голод. От этого голода (т. е. ни одной мелодии и ни одной стихотворной строчки за полмесяца) – самая естественная слабость, головокружение, «неречистость» и все такое. Если бы я вдруг откуда-нибудь узнал с достоверностью, что во всю жизнь больше не услышу ничего Шуберта или Малера, это было бы труднее пережить, чем, скажем, смерть матери. Очень серьезно. (К вопросу о «пустяках» и «психически сравнимых величинах».)

6–7/VII. Лубна – Лебедянь – Красное – ограбление вишневого сада и сразу в Знамение – Становое-Красное – Куймань – Лубна.

8–11/VII. Меня в моих странствиях сопровождают «Два белых голубка» Самюэля Барбера.

Ночь на 12/VII – Первая ночь в Тамбовской области. Избердеевского р-на.

13/VII – Хомутец – Липецк – Хлевное – Задонье – Елец – Становая. Расх. новости.

С 15/VII я каторжанин.

Ночь на 16/VII – В районе Знаменки, под звездным небом. Всеми оставленный малыш – почему никто и не взглянет? – всхлипывает в своем углу. Подхожу, обнимаю его и уношу с собой.

Ночь на 20/VII – Посреди селения Дон-Избище, у входа в палатку.

Стоило только поправить кирпич над входом – рушится весь фасад пединститута.

Спросить у Зимаковых, не обрушилась ли мышлинская печь.

Жена Геббельса курила сигареты: отучить Зимакову курить.

29/V. Спросить у Зимаковой, у Г., у Р., у М. Весь день последовательно деревенею, хотя и всеми силами «размягчаю душу». Вернее, даже так, пью весь день и, не пьянея, сосредоточиваюсь на каком-то очень громадном и очень пустом чувстве (и очень сковывающем), которому нет ни имени, ни причины. Все проходит стороной. Спросить, что случилось.

3/VII. Великолепное «все равно». Оно у людей моего пошиба почти постоянно (и потому смешна озабоченность всяким вздором). А у них это – только в самые высокие минуты, т. е. в минуты крайней скорби, под влиянием крупного потрясения, особенной утраты. Это можно было бы развить.

– Это кто тут у вас, Ерофеев, все стреляет? – спрашивает она.

– Это Амур, – отвечаю, – стреляет мне в сердце, жестокая девушка.

отсутствие динамичности в моем характере

все потеряно, кроме индивидуальности

И вот еще, как мне говорить о вкусах: мне ненавистен «простой человек», т. е. ненавистен постоянно и глубоко, противен и в занятии, и в досуге, в радости и в слезах, в привязанностях и в злости, и все его вкусы, и манеры, и вся его «простота», наконец. Запомнить вечер в Брянске 19/VI. О, как мои слабые нервы выдерживают такую гигантскую дозу раздражения. Я посидел от того, что в милом старом веке называли попросту «мизантропией».

² Мышлино – деревня в Петушинском районе Владимирской области, где жила Валентина Зимакова.

А вот еще одна моя заслуга: я приучил их ценить в людях еще что-то сверх жизнеспособности.

1967

Зима 66/67 гг.

5/III-67 г. запомнить. Во Владимире, к вечеру я напился уже до такой степени, что часы у меня пошли в обратную сторону, я давал всем слушать и смотреть, все видели, слушали и говорили, удивляясь: «А по тебе и незаметно».

Придумал для младенца новую игру, 22/XII, «мудозвончики» называется.

Если сын смотрит на меня две минуты подряд, то что это – хорошо или плохо? Говорят, что неприязненные взгляды всегда короче обожаящих; спросить у знатоков.

А младенца своего надо заставить приготовить к 50-летию Октября какой-нибудь аттракцион: показывать, например, фиги или на пузе сплясать «Интернационал».

«Хорошо сохранился» за эти 6 лет. И тогда был опухший от водки, и теперь вот (на свидание к сестре).

*В одну телегу впрячь не можно
Меня и трепетную лань.*

Я прикован к скале. Ко мне подлетает коршун, тюкает один раз мою печень, морщится, сплевывает и улетает обратно.

Врожденно это или нет? Меня трогает любое упоминание в сочинениях классиков о зиме, метели, вообще севере, холодах etc. То же – неприязнь ко всяким проявлениям «зноя», бурности, голубизны и п«одобного».

Что же мне-то останется, дамы и господа?

В моей долине не умолкнет свирель и т. д. Так выбирай же между суетой и блаженством.
26/II – Посл«едний» день в Мыш«лине», если не вернусь. Смирение...

27/II – Предпоследние сутки зимы. С Зимачихой выезжаем в свет. Петушки. От«езд» в больницу. Четвертинка и солнце в петушинских лужах. Оставляю. Москва. Обнадеживающие новости. «Мир в душе».

28/II – Владимирский вояж. С Тих«оновым» встреча в Петушках. С апельсинами в гостях у Зим«аковой». Владимир. У Сор«окина» в гостях. До 3-х ночи беседы с Сор.

1/III – Владимир. Просып. с Сор. Автопоилка. У Тихонова пусто. ВГПИ. В новом общ«житии ВГПИ. Тих., Маслов, Сор., я, дев«ушки». Пикник в жен. ком«нате». В обл. биб«лиотеке». Растет наше число и наши финансы. На всех площадках. У Тихонова. Шпик, Маслов, Люд«мила», Сор., Тих. и пр. За полночь. Бестолковая наглость и перипетии.

2/III – В поисках опохмелки. По Владимиру. Пьяные «нрзб.». Ограбление Люды. Сходка в подъезде Авдошина. Втроем уезжаем из Владимира.

3/III – Утро – Люберцы. Урезанная премия. В кафе Октябрьского поселка поправление «прзб.». В библиотеке МГУ. У Нины Фроловой. В меру прелестно.

4/III – Вот это мне нравится. С Боре́й Сорокиным» просыпаемся у Нины Фроловой. Пиво. Вторжение на Пятницкую. Нахрапом отставляю» Любчикову и Жанну. Подымаю всех, и едем. Водка – Петушки – пиво – триумф. Встреча на вокзале – в бегах – на Б. Московской наше число удваивается – ресторан «Лада» – ресторан «Заря» – проникательный» Цар. – вино – вино – у Алисы – за полуночь» по всему Владимиру» – ночь у Тих., вповалку.

5/III – Еще день во Владимире» – чудовищно», пиво и все такое – у Люды в гостях – 6 часов ржания – исходим – к ночи уединяем»ся с Тих. – редкое нездоровье.

6/III – Неслыханно. По Владимиру». Увеличитель et cetera. Прощание. В автобусе до Пекши. Умоляю до Мышкина» тракториста». Занятная встреча. И – посту – возврат к давно не бывшему. Бога нет, и все позволено.

7/III – Возрождающийся» и клокочущий. Рецидивы ночи. Из школы с водкой. Вбираю конфеты и сладости», и проч.

8/III – Женские торжества в Мышине.

1969–1970 гг.

Когда отступаешь от идеалов, напоминай обвинителям, что быть совершенно благородным скучно.

Сыну завтра надо построить теннисный корт, и площадку для гольфа, и комнату для игры в бридж.

Нет в мире ничего шуточного, я это знаю лучше всех, потому я «легкомыслен». А все легкомысленные – замкнуты, зато и свирепы.

И вот тогда-то я научился ценить в людях высшие качества: малодушие, незрелость и недостаток характера.

14 июля – 19 июля – Зимкова» у меня. Расстроенная» встреча на Курском и бестолковость прощания» на линии Москва» – Петушки.

С 20 июля – возобновление» голодной» работы» и публичной» библиотеки.»

25 июля. – Еще попытка вырваться в Мышкино». Неудача.

Подожду» еще неделю. Возобновление» трезвой» работы» и публичной» библиотеки».

3 сентября. – Все так. Мне ничего не надо. Относително» Руновой?» – посмотрим. В тиши и тьме восстанавливаю» честь и равновесие.

4 сентября. – И никогда так легко не переносилась» нищета и одиночество. Вечером – Ист. библиотека» и Брюсов. У Тихонова» – освобожденный» из Горького Петяев и Свиридов» – вдребезги.

5 сентября. – «Никогда так легко», потому» что абсолютная» свобода от всякой эротики, светлой и темной. Вечером» – вхолостую пролетаю по московским» знакомым в «размышлении», чего б покушать». Никого.

1972

Июль – август

Оставьте мою душу в покое.

А может, Он ждет вопросов крупнее и ему кажутся мелким узколобым вздором все наши «waгит?», «woзи?», «зачем?», «суз?», «отчего?» и т. д. Как мне кажутся смешными вопросы моих коллег.

У него бездна ответов, и он удивляется: почему так мало вопрошаем, почему ленивы, и нелюбопытны, и суетны?

Видеть сны необходимо мне вот для чего: для упражнения и удостоверения в моральных принципах и чтобы понять: одинаково ли оставляют след страхи и горести сна и яви. В конце концов, горе – внутренняя категория, и оно не обязано иметь под собой основание. Граф Тостой или Федор Достоевский выдуманные потрясения и утраты переживал острее и глубже, чем иной свои основательные и т. д.

Несовершенство наших душевных процессов: сравните, как отлично работает наш кишечный тракт. А здесь – застой, тошнота без вытащивания, неспособность вовремя освободиться от того, что накопилось нечистого, и т. д.

Каждая минута моя отравлена, неизвестно чем, каждый мой час горек.

СМУ ПТУС. Оказывается, есть и люди порядка Хеладзе, сказавшего полгода тому: «Ерофеев вне всякой дисциплины».

А что сделал в мои годы Нерон? Ровным счетом ничего.

Случай во Владимире: я наш уже до такой степени, что у меня часы пошли в обр. сторону.

Мой сын снимает майку через ноги и трусы через голову.

Уже на 3-м курсе спрашиваю: а на каком я учусь факультете?

Надо быть искушенным во всех грехах, чтобы отвратиться от них от всех. Маленькая ложь и привычка к ней необходима как средство против той, гигантской лжи... (см. прививка оспы, etc.).

Мы с каждым днем все хуже. И каждый, и все человечество с каждым днем все хуже. И поэтому, если говорить о качестве людей, то лучше всего тот, кто это чувствует, то есть тот, кому с каждым днем все хуже и хуже.

Мы все так опаскудились мозгами и опаришили душой, что нам 13-летняя привязанность кажется феноменом. Мы, правда, живем в мире техники и скоростей, ну что ж, пропусти технику, иначе действительность собьет, протиснись сквозь все эти такси и иди, куда тебе надо.

Август – сентябрь

8 августа – 13 сентября

8 августа – Водка за 3.62. Мур., Скор., Н. Скор., Шр., Бис., Ер.

- 9 августа – Водка за 3.62. Ркацител. Сапери. Вермут. Алексанян, Лапин, Шеремет., Ер.
- 10 августа – Экстра, вермут. Алексанян, Шеремет., Лапин, Ер.
- 11 августа – Тырново, сливянка, экстра. Рун., Ер.
- 12 августа – За 3.62. Экстра. Рун., Ер.
- 13 августа – За 3.62. Зим., Ер.
- 14 августа – Солнцедар. Зим., Ер.
- 15 августа – За 3.62. Чача. Вермут. Алексанян, Шеремет., Лапин, Богат., Сталин, Лавеч., Ер.
- 16 августа – Английский джин, шотландские виски, сапери. Э. Костюх., Е. Костюх., В. Мур., Ю. Шр., Робинс, Мокс., Ю. Ром., Ер.
- 17 августа – Портвейн. Серак., Н. Серак., Смич., Бардин, А. Друг., Л. Друг., Ер.
- 18 августа – Английский джин, шотландские виски, алжирское, за 3.62, экстра, рымнинское. В. Мур., В. Скор., Ю. Рун., Н. Скор., Н. Ром., Ю. Шр., В. Губ., Г. Губ., Ер.
- 19 августа – 3.62, болгарское сухое, экстра. В. Тих., Л. Любч., Э. Костюх., А. Петяев, Я. Пит., Ер.
- 20 августа – Фруктовое, красное крепкое, 3.62, Рубин. В. Тих., А. Арх., Н. Арх., Л. Любч., Ер.
- 21 августа – Виски клуб 99, 3.62, Рубин. Ю. Шр., В. Тих., Алексис., Л. Любч., Ер.
- 22 августа – Солнцедар. Ер.
- 23 августа – Солнцедар. Зима., Ер.
- 24 августа – лосьон «Кристалл», Огуречный лосьон. Рубин. Шампанское. Экстра. 3.62. Самогон. Брага. Искра. А. Пит., Е. Пит., Я. Пит., А. Пит., И. Авд., Б. Сор., Цедр., Т. Мих., С. Мих., А. Сид., Т. Сид., М. Арац., Н. Арац., пятеро неизвестных, Ер.
- 25 августа – Шампанское, прутское, рубин, гранат, 3.62, брага. А. Пит., Я. Пит., Б. Сор., Цедр., И. Авд., Б. Авд., Т. Мих., С. Мих., А. Сид., Т. Сид., М. Арац., Н. Арац., А. Арх., Н. Арх., шестеро неизвестных, Ер.
- 26 августа – Шампанское, прутское, 3.62, гранат, брага, микстура валерианы, А. Пит., Я. Пит., В. Сор., Б. Сор., Цедр., Т. Мих., С. Мих., А. Сид., Т. Сид., М. Арац., Н. Арац., А. Арх., Н. Арх., Белообр., трое неизвестных, Ер.
- 27 августа – 3.62, прутское, брага, А. Пит., Я. Пит., В. Сор., Б. Сор., Цедр., Т. Мих., С. Мих., А. Сид., Сид., М. Ар., Н. Арх., Белообр., четверо неизвестных, Ер.
- 28 августа – Дульче, Мицне, одеколон «Жасмин», Рубин. Б. Сор., В. Сор., Л. Черныш., А. Франц., В. Куран., А. Архип., Ер., оркестранты ресторана.
- 29 августа – 3.62, портвейн, херес. Коб., В. Хроп., Ер.
- 30 августа – Мицне, портвейн. Гиссар., В. Хроп., Ю. Рун., В. Ес., Ер.
- 31 августа – Алжирское, 3.62. Ю. Рун., Ер.
- 1 сентября – Экстра. Молдаванское. Ер.
- 2 сентября – Молдаванское. В. Зим., Н. Зим., В. Митр., Ер.
- 3 сентября – Молдаванское. В. Зим., Н. Зим., В. Митр., Ер.
- 4 сентября – 3.62, Мицне, Кебер., Ер.
- 5 сентября – Ипаниури, 3.62. В. Софр., Н. Фрол., Ер.
- 6 сентября – Гиссар., Алжирское, Мицне. Кара-чинах. В. Свирид., Ер.
- 7 сентября – Гиссар., Алжирское. Кара-чинах, 3.62. Л. Люб., Н. Арх., А. Арх., В. Свир., Я. Пит., А. Пит., Ер.
- 8 сентября – Кара-чинах, Фруктовое. В. Свир., Н. Арх., А. Арх., Л. Люб., В. Ломон., Я. Пит., А. Пит., Ер.
- 9 сентября – Мицне. Рубин, Ипаниури. Портвейн. Экстра. В. Софр., Н. Серяк., М. Серяк., Ворм. Друч., Ю. Ром, Г. Ис., М. Ис., трое неизвестных, Ер.

10 сентября – Кагор, Румынское сухое, 3.62. Л. Люб., А. Авд., Б. Сор., Н. Арх., А. Арх., Ер.

11 сентября – Одеколон «Свежесть», одеколон «Жасмин», одеколон «Фиалка». Б. Сор., А. Арх., Л. Люб., В. Тих., Ер.

12 сентября – 3.62, Н. Тих., Н. Дерг., Н. Пок., Н. Богат., А. Арх., А. Кург., А. Алекс., В. Клитко, В. Хелад., И. Ур., А. Завален., Ер.

13 сентября – Болгарское сухое. В. Ес., Ер.

14 сентября – ничего. Ер.

Июльские ночлеги:

ст. Железнодорожная, ул. Шверника.

Ст. Электроугли, придорожная трава.

Ст. Железнодорожная, ул. Юбилейная.

Ст. 43 км, придорожная трава.

ул. Фадеева, 43.

Москва Шереметьевская.

Москва, 8-й проезд Марьиной Рощи.

Москва, Бутырский Вал, Москва, ВДНХ.

Москва, 10-й проезд Марьиной Рощи.

Владимир, Сидоровы. РУС.

Ногинский район, Обухово.

Кудиново, пр. совхоза.

Павлово-Пасад, друг вишни.

Павлово-Пасад, переулок Маяковского, Ст. – Павлово, Б.

Орехово-Зуево, вокзал.

Бескудниково, 19.

Москва, Лосиноостровская.

станция Петушки.

Мыш. Петуш. района.

станция Видное, Ленин...

ул. Готвальда

Орехово-Зуево, Гагарина

1973

Мой путь саморастрачивания ничуть не хуже и не лучше других. «Что есть польза?» – спросил бы прокуратор Понтий Пилат.

Два вояжа через Оку: 23/VIII и 25/VIII. На исходе лета.

Я ортодокс. Бог обделил меня. Ни одной странности.

Я с каждым днем все больше нахожу аргументов и все больше верю в Христа. Это все- сильнее остальных эволюций.

Меня, прежде чем посадить, надо выкопать.

Писать так, во-первых, чтобы было противно читать – и чтобы каждая строка отдавала самозванством.

В этом мире я только подкидыш.

Август

8 – Пушино³.

15 – Тяжелый четверг. Утро у Улитиных. Сдавлено еду в Петушки.

16 – Пушино.

17 – Пушино.

18 – Пушино.

19 – Пушино.

20 – Пушино. Наконец-то она появилась. С Еселевой.

21 – Пушино.

22 – Пушино. С Ес. первая вылазка на ту сторону Оки.

23 – Пушино.

24 – Пушино.

25 – Гнуснейший из пущинских дней.

26 – Паршивейшее и злобнейшее из расставаний.

Сентябрь

1 – Мышлино.

2 – Мышлино.

8 – Новоселье и день рождения у Тих.

9 – Весь день у Тих.

14 – Мышлино.

15 – Мышлино.

16 – Мышлино.

17 – Мышлино.

18 – Мышлино.

Октябрь

23 – Из Мышлино в Москву. В Поломах – опохмелился. У Серяковых в Павлово-Пасаде еще. В Москве – звоню Еселевой с предложением у нее отметить день рождения. Ночь у Ес.

24 – День рождения. Переполнен бог весть чем и памятно. «Слышен голос». Звоню Лодыжной. Гости и прекрасно: Седаковы, Кобяков, Муравьевы, Натали, Лён, Величанские, Еселева.

25 – Продолжение дня рождения. У Ес. опохмеляюсь алжирским на лестнице. Появление Ледика за сумкой, еще похмеляемся. Прекрасно. Едем с Ледиком на день рождения неизвестной. Бородач Александр и 3 девицы. Ночлег.

26 – Все чаще и с трудом к полуночи подымаюсь до нормы. У Александра и его девиц. Пиво и Алжирское. К вечеру – к Нине на день рождения. Семейство Фроловых. После всего минувшего невыносимо. У Фроловых.

³ Пушино – город в Московской области; Юлия Рунова работала там в Институте биологической физики АН СССР.

27 – Утро у Фр. Пиво и пиво, и не на потребу. У Авдиева Сорокин не пьет. Алжирское. С Авдиевым к новичку Эжену Павлову. С ним к К° – на вечеринку на Пушкинской. Куча девиц и черт знает кого. Сумбурный ночлег.

28 – Хоть сегодня, может быть, доберусь до Петушков. Первая половина дня – в месте вчерашней вечеринки. Похмелье и похмелье. Совсем пустой и без копейки – в Петушки. Ночь на Петуш. вокзале.

29 – Утром просыпаю 1-й автобус и ехать невозможно. Возвращение в Москву через Павлово-Посад. Весь день валяюсь у Др., исходя дурнотой и испариной. Ослабевший до последней степени – в Москву к Ес. за сумкой. У Ес. Элла.

30 – Утро у Ес. Элла и вялая беседа. Пивбар «Останкинский». Некуда идти. Кузнецкий Мост и гроб Буден. Столкновение с Сукачом. Продажа.

31 – Ночь на вокзале Петушки. Добираюсь.

1974

Перед отправкой в Среднюю Азию⁴

Хорошо, я нашел эту тетрадку (она застряла в оберютах), в особенности за 2 дня до отправления в Среднюю Азию – конспект лекции (аудитория – куда «большие полсотни» и лектор бородатый и очень умный). Лекция на тему «Отличное настроение должно быть ежеминутным» (со ссылками на Восток и пр.) на квартире Мельниковых.

Лектор, старикашка лет 25–35. Единственное средство добиться добродушного расположения духа – щелочно-кислотное равновесие организма (то есть тогда тебе будут по хую все потрясения личного, национального и общественного порядка). Только кислотно-щелочной баланс заслуживает того, чтобы о нем и думать, его поддерживать и за ним следить.

Избыток солнечной, или умственной, или какой угодно энергии повышает кислотность. Необходимо (в случае избытка) нейтрализовать клетки и ткани щелочными элементами (чай и кофе, ни в коем случае не водка). Так происходит очищение структур.

Итак, отрицательные эмоции следует устранять щелочными продуктами, а также молитвой и самовнушением. (На одной из московских квартир лекция: «Отличное расположение духа должно быть ежеминутным».)

Лунное дыхание и солнечное дыхание. Лунное дыхание – через левую ноздрю (это охлаждает мозг при усиленном перегреве от избытка мыслей или избытка солнца). Солнечное дыхание через правую ноздрю (при морозе и индифферентизме). В первом случае (при лунном дыхании через левую ноздрю) нейтринно – носители разума – пробивают наши ядра и через гипоталамус и эпифиз извергаются ввысь или просто вон.

(Из цикла «Московские салоны»)

Мир совсем не плох, если в него смотрит человек, умеющий очищать свои структуры.

Он самый строгий и самый длинный из нас, как литургия Василия Великого – самая длинная и самая строгая из всех литургий.

⁴ В мае – августе 1974 г. В. Ерофеев работал в Узбекистане лаборантом экспедиции ВНИИДиС по борьбе с окрыленным кровососущим гнусом.

И тут же до зарезу необходимы выдержки из другого лектора (православного) о том, что дыхание через левую ноздрю – лунное дыхание – успокаивает душу, умеряя мозговые процессы и размышления о будущем и пр. и пр.

Как ты хочешь умереть? Как-нибудь паскудно и в то же время ослепительно. Например, я сижу у себя на даче в деревянном туалетике, какая в грозу, и тут в меня ударяет молния.

22 сент. – утро в столице. С арбузом и виноград. – хор. – в Мышлино. В порывах заскак. Зимак. День встреч.

23 – Мыш. В ожид. – в Караваево, на крыльце водка и виноград. В 12.00 – едем в больницу. Еще пьем. До завтра в П.-Посад. Банкет. У Серяковых и коллег.

24 – утро у Серяковых. Уже без коп. Едва похм. сухим вином, с пом. Дружинина. Зим. едет в больницу, я в Москву за деньгой. Останав. у Тихонова – о среднеоз. впечат.

25 – Утром с Тих. во ВНИИДИС.

26 – В поисках средств до завтра. Пиво и пр. К. Кобякову.

Первая встреча с Коб. в кабинетике. Мы с Тих. отпр. к В. Мур. Безобраз. Тих. Костюхин и К^о, Слугин. Отправ. к Тих. на ночлег.

27 – Получаю деньги во ВНИИДИСе. Разгул продолж.

28

О красавица молодая!

Я твой раб на всё готовое.

29

30 – К Авд. Пьем у Люб. Серг. Куча вина. Тих. сбегает – еду в Мыш. Ночую не то в электрич. Не то в Петушках.

Октябрь

3 – весь день в Мыш. Утром – безобразно. Трактористы решают спасти: едем в Караваево. Антенны, шифер, водка и пр. Почти здоров.

4 – С утра – сборы в дорогу. В 12:00 – из Мыш. в прекр. расп. духа. С Фафаем красное на траве. В Москве – к Тих. за 110 руб. – от него ночевать к Гудочкам. Первая встреча с полуночниками – гудочками.

5 – в поисках пиджака и пальто – на чёр. рынок на Преображ. Только пальто и варежки. Но чув. – уже поздно. Решаю с вином ворваться к Другин. Вечер у них. Выделяю ему на вечер встреч с одноклас. Хоккей. Очень мило.

6 – Похмеляемся у Друг. Он уговаривает остаться. Еду к Зим. Встреча у больницы. Обещаю быть к след. воскресенью. Еду назад – заскак. – к Друг. и с Гапоткиным вино в рест. В Москву.

7 – у Еселихи весь день.

8 – утро у Еселихи.

9 – Первое столк. с Н. Козл. и Г. Нос.⁵

10 – Первое столк. с Ю. Р.

11 – Утро у Ю. Р. К Сапгиру. Сапгир, Кира, Бордачёв и К^о.

12 – Утро у Бордачёва. Помираю.

⁵ Речь идет о знакомстве с Галиной Носовой, которая жила в коммунальной квартире в центре Москвы (проезд Художественного театра) и приютила В. Ерофеева у себя, а в 1976 г. стала его женой.

13 – У Нос. Всё планы и планы вылазки в лес.

24 – День рождения. Авдиев, О. Целков и его невеста, Лён и Наталья, Мочалов и К°, Седакова и Лазаревич, Носова, Усачёв, Коргин и две девы из МГУ, Ю. Ким с гитарой, В. Лапин и К°. И пр.

25 – Утром вторжение Ирины Согальской, Коргина и Авд. с бут. водки. Едем в Медведково. Шумно и вес. Коргин деградирует. Согальская обольстительна. Ночь у Согальской.

26 – Утром умираю с похмелей.

Ноябрь

1 – Нина Поперная и О. Седакова. Потом одна Седак. Веч. – лечу встречать Ю. Р. Прошу Носову уйти – потом стечение: Сорокин, Седакова, Козлова, Авдиев, Ирина П. Шумный выход. Слезы Руновой. Побег. И т. д.

10 – Б. Успенский у меня в гостях.

14 – Носова и вермут. Вторжение Аллы, Любы и Авд. Проводы. Тамара Икс. с Авд. – к Мур, у Мур: Лёдик, два неизвестных, пьем без умолку. Сорокин с вином. За полночь – у подъезда Мур. Прощ. С Сор. Прихожу. Нина Козл. Ночью с Ниной Козл.

1975

Надолго затянувшаяся подсудимость у каждого из нас (прикосновенность) и выработанная этим привычка быть прокурором ближних и адвокатом себя самого.

Тебя окружают сплетни, меня – легенды, у тебя позывы, у меня – порывы.

Ты – дельный, а я – беспредельный (порывы – позывы).

Чем занимаешься? Проникновением в суть вещей.

За всю жизнь не совершил ни одного обдуманного поступка – апостериорность, то есть во всем. Заметил в 25 лет впервые, что родился и продолжаю жить.

Поведение в транспорте. Их и меня. У меня во что бы то ни стало показаться обычным, у них необычным и громким, как только возможно.

Прежде медики писали: «Тоны сердца чистые». Так вот, у меня тоны нечистые.

Вот что входит в список моих функций: видеть, ненавидеть, дышать, держать и гнать.

1976

Галина Носова мне, 16/III: «Я-то хоть жена великого писателя, а ты кто?»

На меня обращены взоры всего прогрессивного человечества.

Я продвигался вперед, как месть неумолимая, как гроза.

Май 75 – май 76. Полоса мелких административных триумфов.

Я. в 48 г.: «Удивляюсь, как пропустили и почему не сажают, слышу песню „Наши бедные желудки были вечно голодны“».

И белокаменная девушка Рунова.

Я родился через 3 недели после Мюнхенского сговора.

Отмечать 14 мая день рождения Израиля (1948).

Город Магадан, заложен в 33 г. Всего на пять лет постарше меня.

Операции мне не удавались, удавались необдуманные диверсии.

Кольская повседневность⁶. Рядовая застенчивость (мгновенно прячешь все писанное, закрываешь то есть) – значит и т. д. У них у самих сложная практика аллегорических переговоров, систем полунамеков, умолчаний и недомолвок.

Работать с простодушными неофитами, то есть там, где нога сверхчеловека не ступала.

На рыбной ловле 13/VII. Выпускают щуку без нутра. Плышет и хватает – проскакивает скрозь.

С 12/VII. На вертолете – на побережье реки Мудайок. Гора Лешая и гора Балда. Озеро Миккель – Кухтэльявр.

С 12/VII. Уловы.

11 – 1 форель

12 – 1 щука

13 – 3 щуки, 1 сиг и 1 окунь

14 – 2 щуки, 5 сигов и 2 хариуса

15 – 1 щука, 3 сига и 3 окуня

16 – 2 сига

17 – 2 щуки

18 – 2 сига и 2 щуки

Как в июне (21–22/VI) – после выздоровления начинает цвести морошка и черника. Так в июле (25/VII) после выздоровления – первая начинающая краснеть морошка. Облегчение сердцу.

С 26/VII. К северу на правый берег Вороньей. С вертолета на вездеход. «Голицынская избушка». К озеру Рулюзеру. Река Белоусиха, впадающая из громадного Пакхъяври в Рулюзеро. Озеро Кумужье.

И живи примерно так, будто твою жизнь пересказывает Плутарх.

4/VIII. Возвращение на базу, почти без традиционной бодрости. И все – «откуда ни возьмись»: морошка (2/VIII), грибы (2/VIII), черника (4/VIII), темные ночи (на 6/VIII).

Странный звук в лесу, урчания вроде, похолодел: повторился снова, – оказалось, бурчание в животе (10/VIII).

Больше всего в людях мне нравится половинчатость и непоследовательность.

Отметить, например, в этом году (спрыснуть) тридцатилетие со времени моей последней пляски (вприсядку).

Я – ровесник «Катюши». Осень 38 г., совместно Блантер и Исаковский.

С 9/VIII. На северо-запад. Форсируем речушку Мартимьяврйок. Щуки, лось. Оседаем у бурно на север текущей речки Макиок, вытекающей из озера Митрипанеспадъявр и впадающей в озеро Макиокъявр.

Моря морошки (10/VIII), моря черники (13/VIII), морошковое варенье на костре (10–11–13/VIII), черничное (12/VIII). Возврат лета. Оглушительная гроза с ливнем вечером 13/VIII.

⁶ С 27 мая по 20 сентября 1976 г. В. Ерофеев был в экспедиции на Кольском полуострове.

16/VIII. Сквозь обложные туманы, грозу, чернику и подосиновики – возвращаемся на базу. Уже с вечера 16/VIII – нехорошо.

17/VIII. Попеременно читаю Некрасова и Маяковского «Заблудившихся».

И почему-то в вездеходе, по шоссе. Если нет того, то это все маленькое и неизвестно для чего сделанное махонькое недоразумение, это все трудно словесно выражаемо. И глядя в глаза собаки на пьянке у Гассана – то же самое. (18/VIII.) И «какой я же штабс-капитан» до того больше оборотной фонетической стороной.

В природе более 80 000 видов грибов, в том числе мухомор, белый гриб, плесень, дрожжи, парша, стригучий лишай, септическая ангина и пр.

21–23–25/VIII. Начало грибного сезона.

Грибы за то, что они хлорофилла не содержат, обзывают низшими растениями.

От Мурманска до Кандалакши морем ровно 1000 км.

С 27/VIII – вертолетом в сторону Лявозера, самый пронзительный и зябкий из маршрутов. Под всеми ветрами у озера Спиридон. Снег 29/VIII.

30–31/VIII – 1/IX. Лучшие из всех маршрутных дней вчетвером. И умиротвореннейшее из возвращений 2/IX, вертолетом.

Узнаю из энциклопедии. В 1970 г. Кировск – 38 тыс. жителей. Апатиты – 46 тыс.

Славные городишки: Воркута и Магадан. В Воркуте 90 тыс. жителей, в Магадане – 92 тыс. В Магадане драматический театр и краеведческий музей, а в Воркуте драматический театр и кукольный театр.

Больше в этих местах меня не видели, в других местах – тоже не видели.

Ночь на 3/IX – первое сияние. Все 3/IX – на вертолете по верховьям Лицы и Харловки. 4/IX – банные суеты и чай с гитарами. В ночь на 5/IX снова сияние, иней и лужи во льду.

Дивная косность. Утром 5/IX идти за черникой или не идти? Смотрю на часы: рано, нет еще 11, то есть черники нет.

Полеты 3/IX, 8/IX, вездеходство 10/IX, мучительный полет 13/IX, легче 17/IX.

13-го Северный Ледовитый океан.

С 25/IX до отъезда 3/X – неделя в Москве. Родители Носовы. В. Тихонов. Б. Сорокин. А. Питяев. Н. Авдиев, М. Фрейдкин, В. Муравьев, Т. Муравьева, А. Кушнер, Л. Любчикова, О. Седакова, Р. Еселева, В. Герасименко. Прохоровы. Иофе.

1977

Постоянно помню о песне «Наша милая картошка» и мой детский гнев: отчего не посадят хормейстера пионерлагеря и пр.

5/VI – Обилие гостей от Фроловых до Грабарей, от Прошки до деда. Табуном в столицу. Рун. на перроне.

5/VI – Переговоры с фр. переводчиком.

17/VI – Несостоявшееся свидание с Белоусовым.

24/VI – Состоявшееся свидание. Письмо от Ардис. Довер.

25/VI – Первая незабудка на балконе⁷.

3/VII – Круиз по абрамцевским⁸ местам. Розовое озеро – пристрелочный овраг – дом. Громадная сковорода грибов.

4/VII – Последняя служба.

5/VII – Опять круиз. Хотьково – Васильевское – к ландышевому холму – сквозь грозы – палатка и костер на крутизне – от холма через Соснево – домой на попутных.

7/VII – Путешествие впятером на юго-запад от дачи: к артемовской поляне и родникам на берегу р. Сумерь. Зверобой на костре.

10–14/VII – Самое долгое из посещений дачи, 5 дней. И самая людная дача, 13 рыл.

15-е, ночь на 16/VII – Переговоры с Парижем. Каплан, Якир, Чердынцев и К°.

17/VII – В Москве на балконе: 20 незабудок и раскрывается первая ипомея.

19/VII – Самый грибной из всех этих грибных дней. Блуждания в районе деревни Уголки. Весь вечер план похода на Монблан.

22/VII – День в Москве. Подарки из Парижа, ипомеи и Любчикова. Назад в Абрамцево, с Лёном и спиртом.

22/VII – Под качелями – 2 белых, 1 подберезовик, 1 моховик, 2 сыроежки и 5 свинушек.

25/VII – Еще белый под качелями. Конец кризиса 23–24/VII.

26/VII – 6 сыроежек на даче.

С начала июля становлюсь специалистом – микологом.

Я противоударный и флагонепроницаемый.

Теперь уже прочно; на вопрос: кто твои любимые? – Петрарка, Игорь Северянин, Данте, Прутков, Фет.

И никому не подчиняюсь. Я только для формы признал сюзеренитет турецкого султана.

Вот в эти сухие дни сокрушает больше всего маломочность, скудость и преснятина всего входящего в голову.

Жидкие аплодисменты в 70–71-х гг. во Влад. Громкие в 72-м – Вильнюс и т. д. Бурные, в овацию переходящие, в 76–77-м. Так что совсем не дают говорить.

Последние пять лет моей жизни – это летопись трудовой славы.

7/IX – Почти весь день в Хотьково – на травах с Черных. Вечером сообщение о Проффере в Москве.

8/IX – Вторжение Галины. Опять прощай опята. В Москву – к Дисе – деньги, подарки, Аргентина, Швеция, Германия, Италия, Португалия.

10/IX – Назад на дачу, с утра. Лён на даче. Вечером – вторжение Сор. и Белочки.

11/IX – Отъезжают вечером Белочка и Гал.

12/IX – Отъезжаем мы с Борей. Опохм. под абрамцевским магазином. Вечером – Слугин. Вместо Проффера.

13–16/IX – Безвылазно в Москве. От Слугина к Мухаммед. От них к Наталье Логиновой и Костюхиным. У Мур. и Костюх. – Логин. Сов. пьян.

17/IX – Неистовейшая погода.

⁷ Весной 1977 г. В. Ерофеев с женой переехал в квартиру на Флотскую улицу (дом № 17, корпус 1).

⁸ Абрамцево – поселок в Подмоскowie, куда с 1975 г. В. Ерофеев приезжал на дачу к своему приятелю Вадиму Делоне (эмигрировал в 1975 г.) и его деду академику Борису Делоне.

18/IX – С утра на дачу с Гал. Пров«ожаю» ее в колхоз. С Кобяковым весь день.

19–20/IX – Тихое умирание и поправление умирания.

21/IX – Умирание окончательное. «Нрзб.»

22/IX – День пробуждения. Возврат к грибам. Выздоровление и радости. Весь сбор грибов в пределах дачи (моховики, подберезовики, несколько сотен опят, 3 чернушки).

23/IX – Долгий опыт социальности говорить с астрами и пр., потому что не с кем. С собою. Так уж и быть бесстыдно, дам я тебе еще 100, только вот это съешь и вот это сделай. Но утром, за чернушками – опять нервная невмогота. В Москву.

24–25/IX – В Москве. Один у себя дома и в гостях у Прошек. Наезд Носовой из колхоза.

26/IX – Весь день в Москве с Нос. «За окнами шумит метель». Лучший из дней.

27/IX – Гости. Авдюшка, Степанов и К°.

28/IX – В Москве по-прежнему. Один, безденежен и потерян.

И я спокоен. И если б был циником, сказал бы: «Что может случиться с Матильдой моей?», вернее: «Кто может случиться с Матильдой моей?»

Она у меня домовитая.

29/IX – По зову Прошки. Новые подарки и дубленки. Коньяк и шампанское.

29/IX – 1/X – У Шатуновых в ожидании Гал.

2/X – Галина с двухнедельного картофеля. С кучей денег и с подарками – на такси домой.

3–4–5/X – Дома. Коньячки и шурыга.

6/X – Тамара Вас. Втроем – на дачу.

7/X – На даче. С Там. Вас. В усадьбе Абрамцево. Дрова и печи.

8–9/X – По-прежнему на даче. Превосходнейшее из настроений. Сукач, чернушки.

10/X – Лучший день года. Утренняя прогулка на Сумере с гостями. Вечером в Москву. Проводы Тамары.

11–12–13/X – В Москве. Опохмелья ежедневные и ежевечерние. Всех приглашаю на дачу.

14/X – Покров. Один еду на дачу. Печь. Вторжение на машине Свирида, Авдиева и К°. Вслед – Лён и его приятель. Вслед – Галина.

15/X – Я по первому снегу бреду. С Лёном и К° в Абрамцево. Магазин.

16/X – Вместо Сукача – вторжение Лазаревича. Седак., Мирки и Булгачихи. Весь день – костры, прогулки, вино и пр.

17/X – В Москву.

18/X – на дне рождения у Клавдии Андреевны

21/X – Снова на дачу. С шурыгой.

21–23/X – На даче. Прогулки по начинающим таять снегам. Пиление.

23/X – Возвращение в Москву в сумерках. Слугин и Вера.

24/X – День рождения. Состав:

1) Именинник

2) жена его

3) шурыга

4) Якир

5) Людмила его

6) дед Делоне

7) Тихонов

8) Авдиев

9) Филиппов

10) племянница Елена

- 11) Любчикова
- 12) Лён
- 13) Скуратовский
- 14) Каплан
- 15–20) шесть французов
- 21) Слугин
- 22) Вера его
- 23) Свиридов
- 24) Черных
- 25) Азарх
- 26) Седакова
- 27) Лазаревич
- 28) Марк
- 29) Булгачиха
- 30) Фрейдкин
- 31) Шатуновская
- 32) Тимачев

25–30/X – Ни минуты на воздухах. Гости и опохмелъе. От Кобякова до Свиридова, от Тихонова до Тим. Тепло.

31/X – Первый выход на улицу. Лён. Мух. Тещи и тестяги.

1978

С 14/I – Все больше и чаще гостей и пропорции вина «Скурвление».

19/I – День трудоустройства и экстры.

21–22/I – Двое суток предсмертия, сотрясений и неукротимых рвот.

23/I – Реанимация. Но никуда ни ногой. Гости: Сухач и К°, Балажанова и К°, Тимачев, Мухаммед., Филиппов. И пр.

29/I – Впервые в гостях: Нина Козлова и Светлана Мельникова. Отлично.

3/II – Первый после 19/I выезд в свет. Балашиха. Надежда Дорофеева. Шампанское и пр.

4/II – По пути из Балашихи – у Шатунят.

6/II – При Прощке в гостях новое издыхание.

В ожидании весны вот чем еще взбадриваюсь.

День 7.00 21 декабря увеличивается:

На 1 час – 22 января

На 2 часа – 2 февраля

На 3 часа – 20 февраля

На 4 часа – 5 марта

На 5 часов – 18 марта

На 6 часов – 31 марта

На 7 часов – 13 апреля

На 8 часов – 26 апреля

На 9 часов – 11 мая

На 10,5 часов – 21 июня

Сижу это я на лавочке и грущу, как Богоматерь.

Из цикла смутных желаний:

Хочется в чем-то погрязать, погрязать, но до донца не погрязнуть. Хочется во что-нибудь впасть, но непонятно во что, – в детство, в грех или в идиотизм.

Эстет, я хочу, чтоб меня убили розовым резным наличником и бросили мой труп в зарослях бересклета. И такое чувство, как будто ты помолвлен и не знаешь, когда и с кем.

Хочется дать кому-нибудь достойный отпор, но кому, если никто и не нападает?

Дача с 17 мая. Царскосельская жизнь.

А зачем мне трудиться? Фарида Ахунова даст мне хлопка. Николай Мамай уголька мне подкинет, мелкого, правда, но и т. д. Мария Заглада молочка мне надоит. И т. д.

А Джимми Картер защитит мои человеческие права на тунеядство.

Середина марта. Я в Абрамцеве пробую освободить от снега согнутую в семь погибелей ольху, ломается пополам.

Ср. «Прости, девка» на Кольском полуострове, заметив отросток березы.

Изгнание меня со службы в конце апреля после звонков (3-х). Никакого наблюдения тут, собственного, нет, есть просто неукоснительность и неусыпность.

Я вот, например, сажаю цветочную клумбу весь день 6 июня. А эти суки, под прикрытием прав человека и пр., изготавливают нейтронную бомбу.

Почему молчишь целых пять лет? – спрашивают. Отвечаю, как прежде графья отвечали: «Не могу не молчать!»

Каждое утро просыпаться с единой мыслью: работает на полную мощность Тактагульская ГЭС или не работает?

Каждое утро просыпаться с мыслью: падает или повышается влажность на пляжах Апшерона?

О непитии с 11/VI. «Земля – колыбель человечества, но нельзя же вечно водку пить».

«Из всех искусств для нас важнейшим является воздержание». «Александр Македонский тоже был великим полководцем, но зачем же постоянно водку глушить».

Муравиоффе. Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Веня.

Зимой «Немецкая волна»: две парадоксальные книги: «Москва – Петушки» и книга Зиновьева «Зияющие высоты» – их авторов и на пушечный выстрел не подпустили бы к Союзу писателей.

Стыд – совесть – честь. У меня, например, так много стыда, что совести уже поменьше, а чести так уж почти и совсем нет.

Первые дни лета и августа. Толки с Запада о браке одноглазого и плюгавого, с редкими волосиками Сергея Каузова, служащего нашей судоходной компании Совфрахт. Невеста – Христина Онассис. «Ее приданое – несколько островов и 500 млн». Его – русская душа и 15-летний партийный стаж.

Это оттеснило на 2-е место домыслы об обмене кого-то на Щаранского.

«Я ценю вас за фронт», говорили в старой гвардии. Вот. Фронта я намертво лишен.

Хочется быть чем-нибудь совершенно бесполезным, пятым колесом в телеге, пятой ножкой у собаки, припаркой мертвому и пр.

Сплю по ночам без сновидений, а днем живу без больших печалей.

1979

1 января. Продолжение со вчерашними.

2–3 января. Смерть и воскресение понемногу. Рекорд мизантропии и рекордное количество блевотины.

4–5 января. Ожил, и слишком ожил. Гостей, Бог миловал, никаких, мелочь не в счет. Стучу и стучу на машинке.

6 января. Договор с Р. У Р. Ночь перед Рождеством. И все. Я тоже. Милый и пр. Продолжение любви. 2 салюта и 2 махоньких коньячка.

7 января. С утра – домой. Продолжение бесчинств.

8 января. Вино. Вдвоем в гостях у Грабарей.

9 января. Каплан и Зоя. Боря С. Продолжение.

10 января. После подкрепления – звонок Ю. Р. Вчетвером в Б. зале конс.: Р. и Седак., Лазарев. Очень мило по оттаявшему снегу. Успен. в метро. А у нас – Марголина.

11–12 января. Это уже хуже. Лев Кобяк, водка, водка, оздоровление и не туда и не совсем, тоска по Р.

13 января. Тим., Сор. Обещаю Лодыгиной – не иду, за невозможностью. Прелестный Новый старый год. С салютом (и немислимым).

14 января. Немислимое продолжается. У Лодыгиной после звонок Ю. Р. Когда к Р.?

15 января – Наплыв: Авдиев, Цедр., Клеп., Архип., чета евреев, Петляев. Моксяков и Северянин. Все-таки как пьян.

16 января. А нынче не так. Сидя и относительно трезво принимаю О. Седак. и Гринбергов.

17 января. Умер.

18 января. Восстаю полегоньку. Оба дня спасительное безгостие. К Р.?

20–22 – Памятный выезд в Пушкино. У Риммы Ник., у Люды. Булгачата.

Зима 1979/1980 гг.

Итак, я остаюсь верен своей исторической надежде.

Чувствую с утра недостаток ядерного потенциала.

Если б меня спросили: как ты вообще относишься к жизни, я примерно ответил бы: нерадиво.

10 ноября. День милиции. Если кто-то кое-где у нас порой Честно жить не хочет, значит с ними нам вести незримый бой, так назначено судьбой, у нас с тобой Служба дни и ночи.

Русское народное. Моя милиция меня бережет, сперва посадит, потом стережет.

9 ноября. Решено соорудить снежную бабу-статую юбилейной Пахмутовой, с приклеенным орденом Ленина, вырезанным из газет.

А че это меня на север все тянет, может, я когда ни то птичкой был?

бесполезное ископаемое, вот кто я

31 декабря – Уничтожен и неподвижен. Пласт неподымающийся. К вечеру – предчувствие дурацкого пения моих демонов. Встреча нового года, я в постели и не могу даже чокн. шампанским.

1 января – Самый поражающий из дней. Начало треклятого пения в стене. Срочно водки. Не помогает. Мышки и лягушата. Срочно вызван Марк Фр«ейдкин», для дежурства. Всю ночь

приемник, чтобы заглушить застенное пение. Из метели – физия в окне. Люди в шкафу. Крот на люстре. Паноптикум. Искусственный телевизор. И пр.

2 января – Бутылка шампанского утром – и к Докучаеву. Триседила, седуксены, люминалы, чуть водки. Прекрасное освобождение от веселых демонов. Их трогательное прощание.

1981

Сколько душевной отваги, чистых и кротких порывов я в себе истребил? Сколько сжег в себе орлеанских дев, сколько утопил Муму, сколько попридавил дездемон!

А если уж писать, то что-нибудь понетленнее.

Реляции русского народа на взвинчивание цен 15 сентября. До этого повышения говорили о водяре:

Будет 6 и будет 8 —
Все равно мы пить не бросим.

Теперь, после 15-го:

Будет 10 или больше —
Тогда будет все как в Польше.

Если будет 25 —
Зимний будем брать опять.

Анамнез, говорят медики. Восстановить эти последние дни, то есть первые октябрьские.

1 октября – Ни одного воспоминания, скорее, продолжение забытья после покачиваний и гуляний 30 сентября.

2 октября – Единственное в памяти – Г. Нос. приносит «Гратиешты». Я говорю: «Это же дорого» и пр. Вечернее отсутствие Г. Нос, ее вызов (40-рублевый) машины с врачом Евгением и санитарями, укол и пр. – это все вне памяти. Итак, единственно: Гратиешты.

3 октября – Даже неизвестно, пил в этот день или не пил вовсе. Воспоминаний ни одного. Становится известно, что был долгий визит врача Льва кучера с Марком Фрейдкиным. Пил из ампул пираретам, просил вина.

4 октября – Продолжение забытья. Впоследствии обнаруживается: долгие совещания Г. Нос. с Грабарями и их знакомым врачом Мих. Мазурским. Приезд «скорой помощи» и увоз. Ничего не остается в памяти, кроме самой даты увоза – 4 октября.

4 октября и в полуснах 5 октября – выглядит так:

4 октября привезен – малый домик и предварительное заточение в нем – четверо сменяющих друг друга врачей – обсуждают реп. – с ними расхлябанный тип.

5 октября – связан и гол – и скорей бы конец, лишь отвратительные уколы – и «успеть бы опохмелиться» в соседней комнате, там пришли подземным ходом Тих., Авд., Арх., зовут, шумят, гремят посудой – наконец-то выписываюсь, но безо всего – они представляют Героя Советского Союза – говорю «Болван» или что-то в этом роде – в поддых – больно – почему-то смеются Авд., Тих. и пр. – И как это я вырвался перед ними безо всего? – Все, что осталось от 5 октября.

6 октября – Бред сложнее и прихотливей: я побывал дома, на даче у Грабарей и в ночь перед тем с Ю. Р. слетал самолетом на Кольский полуостров, я остался на аэродроме в Апатитах, меня забыли в наглухо забитом самолетном отсеке, не выбраться. Прилетаю в Москву. «нрзб.» – я разоблачил этого сверхгангстера – целится в меня, уклоняюсь от луча-прожектора – главное, сообщить Ю. Р., что через полчаса они меня убьют, потому что я все о них знаю. И пр. Позвоните. И точно знаю, что на дворе шестое октября.

6 октября – остаются загадкой 4-е и 5-е. А теперь доставлен в новое, основное отделение. Небывшие визиты – Г. Нос. с девятью бутылками пива, не ставят в холодильник. Небывший визит Ю. Р. – она говорит «нрзб.» Вот здесь мы и разместимся, а этих – в шею. Беседы врачей, в одном из которых признаю Докуч. – но не похож. О книге, о состоянии. Это уже почти «нрзб.»

6 октября – И совершенно явно вечером – вырваться в соседнюю комнату, там банкет по случаю конца сельхозработ с пивом. Звон посуды и гомон. Вырваться относительно малой нужды, уже плевать на банкет. Молю развязать, выпутываюсь долго и с болью. «Но не могу же я так...» Выталкивают. – Это самое запоминающееся – возвращение. «Ведь вот это никогда я им не прощу».

6 октября – К ночи. Рассматриваю зарешеченное окно. Я – в своем доме, но в каком-то его боковом приделе. Снова умоляю развязать, чтоб сбегать позвонить из соседнего подъезда. «Это же совсем рядом».

Во всяком случае, дежурящие врачи с 7 октября не незнакомы и гадкие. И то, что получше. С раннего утра 7 октября понимаю.

Запомнить: врач покровительствующий Михаил Борисович Засурский.

На моей койке в 1-й особой палате 1-го отделения отдал концы отец Гагарина.

«Гриша, ку-ку!» Гришка – Митюха с указами.

Гена Козлов, зять маршала Хрулева: «Есть же все-таки на свете и святые люди: Венечка Ерофеев, Мао Цзэдун...»

Его же формула предельного скепсиса: «Все говно. Кроме мочи».

Ночь на 9 октября. Смерть соседки у окна в палате № 1 отделения № 1. Румяная и индифферентная врачиха броско: «Констатирую». Сгружаем на носилки. Бойкий старик из соседней палаты: «А я бы ей пару палочек сейчас бросил бы». Смех и больных, и медперсонала. А Тонька Крыса: «Да, примета есть такая, кто мертвую бабу поимеет, тот лишних 20 лет проживет».

Один поет:

Я под солнышком сию
И на солнышко гляжу.
Все сию
Да гляжу,
Все сию
Да гляжу.
Я под солнышком пашу,
Я на дудочке пляшу.
Все пашу
Да пляшу... И т. д.

Заведующая 1-м отделением Элла Петровна, она же Эллочка-людоедка, Эльза Кох, она же Чучундра, Контрибуция.

Тут и в самом деле вседозволенность и неподлинность. Один декламирует: Союз нерушимый голодных и вшивых.

Другой поет:

Старушка не спеша
Дорожку перешла,
Ее остановил милиционер:
Свистка не слушали,
Закон нарушили... и т. д.

13 октября – Совершенно раздражен дящимся гриппом и «интенсивностью лечения».

14 октября – Поспокойнее. Покров. Весь день дождит. Перехожу из интенсивной палаты в общую. Элла Петровна о «молочных», «младенческих», «невинных» и «новорожденных» глазах.

15 октября – Невмочь. На подступах к чему-то крайне нервическому. Бешенство от пришедших с глупостями Г. Нос. и М. Фрейдк., Лён, Евг. Попов. Элла снимает тяжесть. Засыпаю со слезами.

16 октября – Поспокойнее, но чуть-чуть. Ожидаю обещанного переселения в 36-е наркологическое отделение. Нежданные гости: В. Тихонов и чета Степановых с детьми. В полдень – вселение в 36-е. Нервноутоляющие уколы. И все здешние колоритнее, на немножко лучше. Лён на машине, у подъезда.

В мой последний коматозный день 6 октября в Каире по радио убили Анвара Саддата. В день моего переселения из 1-го отделения в 36-е – скончался на 67-м году Моше Даян. 18 октября – сброшен кратковременный Станислав Каня. У Ярузельского все бразды.

Покуда я здесь, Карпов с Корчным: Карп. – Карп. – ничья – Карп. – ничья – Корч. – ничья – ничья – Карп. – ничья.

То, что мне ежедневно колют – пираретам, оказывается, колют ежедневно и лично в президентскую попу Л. И. Брежнева.

Войцех Ярузельский. В 36-й палате (отделении) – самая с воскресенья 18 октября употребительная в беседах фамилия, из титулованных.

Что ж, теперь с прояснением головы, займусь германским языком, ротозейством, баллистику.

За здоровье Петра Петровича Кащенко!

17 октября – Второй день в 36-м отделении. Утром прием гостей: Г. Нос., Нина Фролова, Марк Фрейдкин, О. Седакова. Теперь у меня обувь и свитер. Малое гуляние по малому солнцу. Вечером – Тихонов, почти часовое курение на лестнице.

С 19 октября – Начало всевозможных физиотерапий.

Прогревания УВЧ и ингаляций.

У кухонного окошка «Молния»: «Сердечно поздравляем с днем рождения тт. зав. отд. Мозиас М. Р., Ерофеева В., Некрасова О. Коллектив 36 отд.».

Мне 28 октября Эжен: «К тебе столько гостей приходит, будто ты умирать собрался».

Один из 36 отделения. Никак не хочет покидать. Рассказывает: «Приснилось – я дома – противно. Старуху свою смазал по уху – она меня и т. д. Просыпаюсь – слава Богу, я у себя, в 36 отделении».

Беседуют «вшитые»: «И квас нельзя?» – «И квас нельзя, если долго стоял». – «И „Саяны“?» – «И „Саяны“». – «А майонез?» – «А майонез, наверное, можно». И пр.

Вшившего эспераль провожают из 36 отделения: «Ну вот. Теперь ты будешь работать на себя, а не на государство».

25 октября – И снова солнце и ровность. Полуденное гуляние до Даниловского рынка (впервые так далеко). Звонок к Нине Фр. Река Кура. Пруд. Относительно спокойно. Вечерние гуляния: звонки Г. Нос. и Ю. Р. Премило. Договор о визите Ю. Р. на среду. Немецкий⁹. Солженицын.

Не «впечатление» надо говорить, а два месяца моих больничных импрессий.

4 ноября – Восстановление бодрости и оживления. В кухонных заботах, ветрах, футболах, транзисторах, кроссворды. Лён в гостях. Пухлые снежинки вращаются вокруг фонарей. Вторая ночь с малым морозом.

5 ноября – По-прежнему ровно, ср. мило. Ничтожный снег с небес. В гостях Тима. Немецкий. Гуляние. Вечером – Г. Нос. с антоновками. Прекрасно почти.

6 ноября – Утро – в снегах. Я – по-прежнему на подъеме. Хорошо. День без гостей, и к ночи снег исчезает. Прогулка до пруда, звонок к Р.

7 ноября – На территории Кашенко – пусто, без доступа. С Г. Нос. краткий разговор через шлагбаум. Парады. Чапаевы. Прогулки, ровно, Солженицын. Звонок к Мур.

8 ноября – Так же размеренно и безнервно. Звонки к Г. Нос. и Р. (нехорошо о трихополе). Снег, как и накануне, сыплет и тает. Вечером – визит Г. Нос. и Розы. Находят обновленным и пр.

3 ноября – Расписка. Я, Е. В. В., находящийся на стационарном лечении в больнице им. Кашенко, даю добровольное согласие на противоалкогольное лечение.

Лечащим врачом предупрежден, что прием любых видов алкогольных напитков во время и после лечения может привести к тяжелым расстройствам здоровья вплоть до смертельного исхода. Подпись. Дата.

В ночь с 3 ноября на 4 ноября – первый мороз этой осени –2 градуса.

С 5 ноября – начало трихополя.

И вот я, почти новосотворенный.

Так, что чуть-чуть не испустил дыхание.

15 ноября – Звоню Г. Нос. с сообщением о выздоровлении. Весь день без гостей, ровен, разумен, абсолютно спокоен. Т. Манн, немецкий язык, «Немецкая волна». Вот так следует до конца срока.

16 ноября – И сегодня то же. И мурлыканье возвращается, и деятельность. Г. Нос. удовлетворительно. Прекрасно. Тихо и по-прежнему бесснежно. Без напряжений, и без всего худого.

17 ноября – Снега все почти нет. Пыль снежная с поземкою. Г. Нос. и я прежний и ровный. Виктор Тима. с фотоаппаратом – запечатлевает меня у входа в Кашенко.

18 ноября – По-прежнему бодр. Немецкий, Тургенев, почти бесснежная поземка, без гостей, зябко. Чтение уже без аппетита. Звоню Р.

15–16 ноября – Письма Томаса Манна.

⁹ В. Ерофеев готовился к поступлению на Государственные курсы заочного обучения иностранным языкам, куда был зачислен в мае 1982 г.

«Рудин» 16 ноября
«Дворянское гнездо». 18–19 ноября

Мясо в кашенской больнице смахивает на шупальца ЦРУ.

22 ноября – последний укол.

27 ноября – последний трихопол.

29 ноября – начало радикулита взамен этого.

21 ноября – Отлично. Метели. Г. Нос. с вдохновением перевожу Гейне. Превосходно. С Сукачем вечерние прогулки под метелями до пруда. И завершается «Сильвою».

22 ноября – Чуть более вяло, но не намного. Таяние снегов, без гостей. Ожидаю с завтра начала последней недели.

23 ноября – Снова зима, второй раз в ноябре солнце. Г. Нос. с обильными приношениями, Ал. Леонотович. Подвижен, в привычных занятиях.

24 ноября – Нулевая температура. По-прежнему на подъеме, но разбросан по кроссвордам и заморрадиослушанием. Тих. утром. Вечером – Г. Нос., потом Лён. Теперь точно – до 1 декабря.

25 ноября – Самый солнечный день в ноябре. С Ю. Р. Вечером в транзисторах, германском языке, кроссворды, подъем все длится.

26 ноября – Меньше солнца, по-прежнему нуль. Утром Г. Нос., видимо, в предпоследний раз. Вечером – О. Седак. перед отправкой в Ленинград. Ровно.

27 ноября – Почти без солнца. Утром – в последний раз Тимак. Одержим немецким. Романыч говорит об упаковке чемоданов.

28 ноября – Самый безоблачный день ноября. С Г. Нос. у замерзающего пруда. Отлично. Возвращение наверх – Азарх и Черных. Красная роза. Отлично. Вечером – без чтения, без немецкого – приклеен к телевидению по случаю его 50-летия.

29 ноября – Предпоследний день в заточении. Гости не жду. Радикулит, начало. Будят Мельниковы и трое из поклонников студенчества. Опять никаких чтений и занятий.

30 ноября – Последний день в Кашенко.

1 декабря – По-прежнему ровно, но снижено. Формальности и сборы. Г. Нос., прощание – ледяной дождь, едем из Кашенко на Флотскую. Первый день на дому. Томно и без дел. Звонки от Мельник., Еселевой, Грабовых.

2 декабря – Начинаю прогулки. По книжным магазинам. Впервые брожу по центру и Преображенке, Герцена и Тургеневской. В гостях – Марголина, Фрейдкин.

3 декабря – Продолжаю прогулки. На этот раз – Войковская, «Тегеран-43». Систематизация книг.

В России теперь только два оптимиста: я и радиостанция «Маяк».

Сообщают об окончании Сахаровской голодовки 22 ноября – 9 декабря.

11 декабря – Новые имена. Итальянский композитор Нино Рота. Симфония в 4-х частях на тему: «Прощание с любовью» или что-то в этом роде. Приятно, демократично, почти традиционно, etc.

И в эти дни стал незлобимой и длинной мишенью коротких и беззлобных острот.

И, слава Богу, во всем этом нет ничего, отчего бы я затрясся.

16 декабря – Еще остатки вчерашней взвинченности. Звонок из Кировска: следует почти немедленно ехать¹⁰. Начало сборов.

¹⁰ По просьбе сестер В. Ерофеев с женой дважды в 1981 г. ездил в Кировск к тяжелобольному брату Юрию.

19 декабря – День приезда. Пробужд. у Кандалакши. Почти как вчера, я неустанен. Мороз в Апатитах. Впервые после 19 лет паузы снежные Хибины. У Т«амары» В«асильевны». Ясные небеса. Вечером – к Ю«рию» В«асильевичу» и К. Среди пьющих Ерофеевых.

20 декабря – Второй день в Кировске, и все шире круги. Тот же мороз и ясность. Трижды в гостях у Ю. В. Мы с Г. среди восьмерых Ерофеевых. Впервые в церкви. В гостях у Б«ориса» Ер., Нина и Федор с Алекс. Прекр. Впервые во дворце культуры: «Вооружен и особо опасен».

21 декабря – Третий день в Хибинах. По городу. Минералогический музей и фабрика. Прежний мороз. Весь вечер у Ю. Е. в ожидании кончины. У постели – учащенное kloкотание. К ночи – северное сияние, трижды выскакиваем.

Замечаю в дорогах на Кольский и обратно образцовейший порядок на железной дороге, то есть позволительны всякие опоздания, но бога ради, никаких опережений графиков ни на секунду, никаких обгонов.

Отмороженный голубь на подоконнике у Юрия. И маленькая заиндевелая девочка, едет в Апатиты с громадным, в снегу, контрабасом.

Ночь на 22 декабря – Смерть Ю. Стечение у него. Ночная поездка в морг. К утру будят смотреть зеленое сияние на востоке.

22 декабря – Позднее пробуждение всех. Поездка на 25-й. Оставляю записку Б. Е. Сильней ветры, морозы слабей. Похороны назначены на пятницу 25 декабря.

23 декабря – Непоседливо, и все таращу глаза на горы. Неудачная поездка на 25-й. Неудача с билетами. Вечером – опять на 25-й, в гостях у 4-х Ерофеевых. При вечернем свете срезанный Юкспор.

24 декабря – Встреча Нины Фроловой в Апатитах – небывалый мороз, а в Кировске – тепло и благодать. Втроем – по Кировску, снова по мороз. Апатитам. Билетная суeta. Вечером – снова сияние.

25 декабря – День похорон. С орк. по центру Кировска. Кладбище. Кафе. Новоселовы. У Т. В. У вдовы. Спецавтобусом в Апатиты. Дикий общий вагон. Добиваемся перемещения. Полночь.

26 декабря – День в поезде. Н. Фр. в гостях. До Мед. горы – еще немножко простуд и недомоганий. Вечером – снова отлично, как во все эти дни. Засыпаю у Лодейн. Поля.

29 декабря – По гостям. У Ольги Седак. остатки ее именин, пиршеств. Леопарди. Пет-рарка. Пушкин. Игра на волынке. К Тимаку. Тут уже весел совершенно. И Г. Нос. И басни Эзопа. И светлое возвращение.

30 декабря – Без звонка. Впервые – к немецкому и Гейне. На вечер бородинского квартета в «нрзб.». Ублагодотворенность, «нрзб.» К Р. на Вернадского. Пельмень со счастливой пуговицей. 2 оп. И никакой сонной замшелости.

31 декабря – Утро на Вернадского. Бойко покидаю девок – К «нрзб.» – трапезуем у них – отоспаться к себе – пробуждаюсь за 2 часа до Нового года. Роскошный стол, пустопорж. концерт и крохот. пузыри.

В 25-м «Континенте». Пьеса Ник. Вильямса «Алкоголики с высшим образованием». Посвящается Платону, Гиппию и Ерофееву.

Вот эти три последние месяцы 1981 года: ни-кем-не-взволнованность, ничем-не-охваченность, никуда-не-унесенность, ни-во-что-не-погруженность, ни-на-чем-не-распятость, ни-от-чего-не-ошалелость.

1982

А потом я стал замечать за собой странности: я свихнулся. Странности, например, такие: подняв ногу, я не способен стал поднять одновременно и другую. Раньше мне это удавалось.

20 января. – Симпоз. в ин-те славяноведения. Боря Успенский. Религиозно-мифический аспект рус. экспрессивной фразеологии.

«десемантизация» и «сакрализация»

«вербальный текст»

22/I. Еще раз выползаю в институт славяноведения. На втором лит. симпоз. Знакомства: Аверинцев, Вяч. Вс., Лотман, Успенский. Лён, Дафния, Сорокин, Седак., Гринбериха и пр. Головоломные прыжки Вяч. Вс. Иванова: финикийцы – будд. Упанишады – Чаадаев – Клодель – Гумилев – Э. Паунд – Плавт – Сэлинджер – 2-я кн. Самуила и Маяковский. И т. д.

Октябрьская рев., по Мих. Зенкевичу, сделала «прививку бессмертия в солнечном теле». Возвращ. без сил, сплю замертво.

В связи со свиданием с сыном: отец скончался, когда мне было 17 лет 7 месяцев 22 дня. Сейчас (в августе) моему сыну 16 лет 7 месяцев.

Во время плавания¹¹ слушаю, как английский певец Джонс поет наши «Дунайские волны» и в особенности знаменитая Матье – «Однозвучно гремит колокольчик». Вздвонован до последней степени. Сравнить недавнее наблюдение за футбольным чемпионатом.

За эти дни (21–28 июля) так упрочивается отвращение к воде, тяжелая робость перед всяким водным пространством.

14 июля – День отъезда из Москвы.

15 июля – В дороге. Те же боли. По югу Архангельской области. В час дня – Котлас. С железнодорожного вокзала на речной. Пиво. Теплоходик «Заря». Великий Устюг. Корабля сегодня не увидим. По городу. Розыски гостиницы. Гуляния с пивом, я все хмурей. Пиво не «нрзб.» Ко всем оставшимся в Москве почти индифферентен и не совсем хороший осадок. Первая ночь в гостинице «Двина».

16 июля – Утро в гостинице «Двина». Пишу и отправляю письмо к Г. Нос.

17 июля – Еще утро в устюжанской гостинице. Пишу к Ю. Р.

О Двине: масляниста, толста и самодовольна, помесь жены Генриха VIII, Екатерины Арагонской с Екатериной Фурцевой.

С полудня 14 июля и все еще по сегодня (утро 20 июля) непролазная боль в ребрах, ею все заслонено, ни малейшего желания начать путешествие. А в ремонтных работах уже с 17 июля не принимаю участия.

В Котласе вдоль всей громадной товарной пристани надпись: «Не приставать!», «Не приставать!».

¹¹ Речь идет о путешествии с Николаем Болдыревым на катере «Авось» по северным рекам.

Вологодская область. Сухой закон – понедельник. (Чудовищная давка за пивом, где оно есть.) Архангельская область: продажа спиртных напитков только с 3-х. Сухой закон: воскресенье.

Надо бы переименовать корабль «Авось» в «Постылый».

Уверен, что в Архангельске застану из писем только носовское письмо, яновское меньше вероятно, Рунов. – совсем нет.

Столовая Великого Устюга. Стишки на стенах:

«Хлеб к обеду
норму бери.
Хлеб – это ценность,
Его береги».

Или: «У нас порядок такой – поел – убери за собой».

Рядом:

«Пьяница – работник плохой,
Поэтому пьянству – бой».

Первое знакомство с Великим Устюгом вечером 15 июля. 2 главных улицы вдоль Сухоны. «В октябре 1918 года в ознаменование годовщины Октябрьской революции улица Успенская переименована в Советскую». «В окт... улица Преображенская переименована в Красную».

В Великом Устюге чайки крикливые, носятся над центральной площадью и какают на кумпол Ильича с воздуха, не снижая полета.

Итак, посланы письма из Великого Устюга: 16-го: Г. Нос., 17-го: Ю. Р., 18-го: Я«не» Щедриной». Подождать даты их ответов до востребования в Архангельск.

Вечерами 19 и 20 июля неизменно на пристани, прогревая солнцем бок, и в упор разглядываю Сухону и все, что делается на ней.

Местный интеллигент-слесарь: Ну как дела, викинги? – Ну как, отплываем, авантюристы?

И долдонящее постоянно предотъездное:

Опираясь на румпель, напевая из Грига,
Обещал он мне страны, где в цвету абрикосы.
Мы надменно следили эволюции брига,
Я раскрыла, как парус, бронзовые косы.

И все такое.

В ожидании наихудшего: 17–18–19–20-го.

Смягчившиеся боли в ребре к вечеру 20 июля неожиданно возобновились с еще не бывшей силою в первую наводную ночь с 21 на 22-е.

Вот какие пристани от Великого Устюга до Котласа: Аристово – Бобровниково – Малодвиное – Вотложба – Новинки – Котлас.

На товарном причале в затоне на Вычегде пьяный малый, отрекомендовавшись внебрачным сыном Евы Браун, дарит нам книгу лоцманских карт Большой Северной Двины.

От Великого Устюга до Котласа ровно 70 километров.

От впадения Вычегды до Архангельска – 615 километров.

18 июля – Великий Устюг. Прежняя жара и боль в подреберье. Уже совершенно отстраняюсь от работ. В гостинице «Двина». Немножко пива.

19 июля – По-прежнему индифферентен и болен. Очередь в больницу, очередь за пивом. Жара. Неинтерес ни к городу, ни к путешествию, ни ко всему бывшему в Москве. Еще очередь в больницу к травматологу, еще очередь за пивом. Весь вечер на берегу Сухоны, пустоглазый, пустоглавый, неуверенный и в завтрашнем отплытии.

20 июля – Ночую уже на складах. Отплытие и сегодня не состоялось. Две больших прогулки по Пушкарехе. Уже большее участие в общих работах. Вечером жарюсь на берегу Сухоны. Подсчитываю, кто из трех адресантов уже получил письмо и кто ответит в Архангельск. Вечером – понемножку водки, без охоты. Последняя ночь на складе.

21 июля – Рано утром спуск корабля на воду. Сегодня уже без пива: «Золотой осенью» отмечаю на Пушкарехе ровно неделю со времени отъезда из Москвы. В лопухах и репейниках. Продолжение ремонтных работ. Еще по Пушкарехе – за «Золотой осенью» в дорогу. Отплываем за час до заката. Превосходно, но свежо. Ночлег у пристани Бобровниково, с вином, костром, полубелой ночью.

22 июля – Продолжаем путь. Промерзшие за ночь. Отчаливаем и продолжаем путь к Котласу. Я за штурвалом – впервые – прекрасно. Учусь пересекать волны от встречных кораблей. В 9 часов – Котлас. Пиво. Продолжение пути – впадение Вычегды, немного вверх по Вычегде, устрашающие волны, проваливают и швыряют.хлопоты на «нрзб.» Котласе. Вниз по Вычегде. Въезжаем в Большую Северную Двину. Путь поздно вечером и ночью. Жутковато за штурвалом.

А вот какие пристани придется пройти вниз по Двине только до Дябрино: Котлас – Забелье – Шипицыно – Крутец – Неглиха – Комарица – Федотовская – Канза – Троицкое – Телегово – Наволок – Красноборск – Дябрино.

(Такие тут имена: Коряжма, Чухчерма.).

Незабываемая ночь с 22 на 23 июля. Впервые идем ночью (попеременно и я за штурвалом) от мигающих бакенов к следующим мигающим. Трехцветные огни встречных кораблей до дрожи в коленях. Седуксен. За полночь причаливаем к крутому песчаному берегу напротив большой сигнальной мачты с красными огнями, км 15 до Красноборска.

А утром 23-го все оказалось лучше, чем ожидалось при пробуждении в холодный ветер и мелкий дождь. Костер на берегу. Ромашки, львиные зевы и пр. Первый пасмурный день за столько дней, возня с кожухом для мотора. Уже 2 часа дня, а мы еще не отплыли к Красноборску.

Отплываем 23-го только в 4 часа дня. Мы ночевали, оказывается, на острове Лябля, в 7–10 километрах не доехав до Красноборска.

Город Красноборск, в сорока с лишним км к северу от Котласа. Районный центр. До Архангельска 560. Полседьмого, запасшись стаканами, хлебом и ацетоном, отплываем в 18:30.

Весь вечер до почти полной темноты я за штурвалом. Распогодилось, двигаемся прямо по солнечной полосе. Слева, на крутом берегу деревня Богоматерь. Дальше – совершенно архангельская, на самом откосе, церковь. (Пермогорье – 540 км.) Приземистая церковь, невиданной формы зеленые холмы у Федотовской (515 км). Под фиолетовыми облаками впереди – фиолетовая гладь.

Решаем плыть всю ночь, меняя вахту. Я в полночь неохотно сдаю штурвал Ник. И укладываюсь в каюте. Последнее ослепительное зрелище – колоссальная драга с длинной вереницею огней навстречу.

Весь день 23-го прошел под знаком баркаролы Шуберта. Утром по транзистору, после ночлега – вечером по фиолетовому штилю.

(А 24-го больше под знаком северянинского «Иногда, но это редко, в соблазнительном вуале, карменситная брюнетка посетит мой уголок. И качнет (но это редко). Вы при качке не бывали, И качнет мечты каюту, пол вздымая в потолок».)

24 июля – Просыпаюсь в каюте от холода перед рассветом, между 4-мя и 4:30. Шли всю ночь. Вольдемар у руля. Оказывается, только что проехали Верхн. Тойму (455). Вместе у руля: сгущенные туманы перед восходом и, как накануне вечером, совершеннейшая тишь. В тумане пристань Севтра, при впадении справа р. Севтры. С восходом и расс. тумана становлюсь у штурвала (около 5 утра). Промерзаю в пяти одеждах, окочение членов. Я один, все спят.

Деревня. Монастырек. Нижняя Тойма в 7 утра (40 км). Причаливаем за спичками в деревне Борисовская. Проплываем столб 400 км и спустя км 10 в Прилухов располагаемся на 2-х часовой бивуак напротив пристани Пучуга... Песок, жарница, сухой валежник, костер.

В полдень снимаемся с места напротив начавшимся ветрам.

24 июля – Уснуть не удастся. Двина все шире и бурнее, встречные ветры. Бешеные стихии у Херполья. Океаническая Двина с дождем и громадными валами (360 км), хлещет в каюту. То же самое у Рочегды (345), только без дождей. Ширина и бесноватость. В 5 вечера становлюсь за штурвал. Концгорье (330 км). Иду по узкой системе протоков и перекатов, садимся на мель. Впервые в узкой протоке меня обгоняют 2 бурных судна.

Усть-Вага. Причаливаем к Двинскому Березнику, райцентру. За продовольствием. От Березняка, сквозь бревна, в поисках берега для ночлега и ужина. Запани слева, запани справа. После Березника – столб 300 км. Наконец устанавливаемся у рыбацкого причала в районе Усть-Ваеньги и бесконечно рабочих поселков (приблизительно 2580 км).

Ночь на 25-е уже не движемся. Намерение прицепиться к плотовозу для экономии топлива и усилий провалилось: сломалась рукоятка мотора. Ночь на корабле. Костер.

Утро 25-го, воскресенье. Просыпаемся от холодных ветров и дождей. И все с севера. Прогулка в одиночку по прибрежному лесу. Это, оказывается, конец Усть-Ваеньги. Зеленая земляника, голубика, зеленая малина. Комары, иван-чай.

Весь день я в праздности и соглядатайстве, К^о плетет сети и ремонтирует мотор. Только в 11 часов вечера снимаемся с якоря.

«Нрзб.», ночь на 26-е. В полночь: Усть-Морж (265 км), и пока еще ничто не предвещает шторма. Около часа ночи начинаются качки и прыжки: а полвторого ночи до 2-х (Коля у руля) – шторм немыслимый. Все вверх дном в воде. «Идем ко дну» (Вольдемар). «Жаль, нет спасательных жилетов» (Ник.). Невмоготу. И еще как.

В 3-м часу стихает чуть-чуть, но почти то же. Наконец с трудом причаливаем к малой пристани Липники. Часа 3–4 спим в каюте, в мокротах.

26-е. После ночного шторма. Пробуждаемся в 9 утра у причала Липник (227 км). Выбираемся из каюты на берег, костер, солнце и дикий ветер с северо-запада, строго против течения. Волны все те же. Отвратительно глядеть. Проезжаем еще 3 км до пос. Двинское. Мраморные берега, но мне на все наплевать. Решение: больше не еду, сажусь на что-нибудь и отправляюсь в Архангельск. Предварительно послав в Москву телеграмму.

Все так и делается. Отправляю телеграмму и прощаюсь со спутниками. Пешком иду из Двинского в Липовик 3 км. Сплошь лесозаготовления. На берегу Двины бреюсь, моюсь, стираюсь. Сплю в каюте липов. пристани. Чуть не просыпаю теплоход. Благо с опозданием «Олекма». 2:30 ночи.

27-е. Проснувшись в 7 часов, наблюдаю: верстовой столб 100 км. (Я их обогнал.) Тут же Усть-Пинега, наблюдаю впадение Пинеги справа. Дальше на крутом берегу поселок с обеих сторон обнесен церквами соловецкого типа. «Это непременно Чухчерма». И точно – Чухчерма. Теперь можно спокойно вернуться к мемуарам Брежнева.

(Чухчерма – 75 км.)

И тут же, следом, окраины Холмогор по левому берегу с ослепительно-зелеными, даже под серыми небесами, холмами, параллелепipedными холмами. В 40 км, вдали, видны трубы Новодвинска. Новодвинск – в дыму, слева Архангельск. Сормово. В полдень – Архангельск.

27 июля. Архангельск. Проезжая вдоль берега, все-таки взволнован. Впереди – почтамт. Все оказалось не так, как я думал: письма о Г. Нос. нет. Два письма: от Я. Щедриной и Ю. Рун. Не знаю, с которого прежде начать. Все-таки начинаю с Я. Щедриной.

Удар: Г. Нос в Москве отсутствует. Наилучшее из писем (вечером, получаю и третье от Г. Нос.) – руновское. Она, оказывается, целую неделю жила ожиданием письма «не обещанного, но ожидаемого».

И Г. Нос.: «Дорогой мой, Ерофеев... Считаю тебя своим, несмотря ни на какие превратности судьбы».

По Архангельску. Неприкаянно, бесчувственно. Здесь еще пух с тополей – что мне до того? Каменный гость без поступи. Убогий странник без песни. Вдоль улиц и по скверам – клевер, репейник и иван-чай.

И нищета, со слабой надеждою на завтра. Не могу позволить себе воду с сиропом, газету, белый хлеб. Сдать в камеру хранения свой сак. – уже убийство в 15 коп.

28 июля – Архангельск, весь день. В верхнем и нижнем залах ожидания. С черным хлебом и С. Черным. Периодически то всматриваюсь вверх по Двине – нет ли нашего корабля, то бегаю вниз по Двине, к почтамту – не присланы ли деньги.

И вот в 5-м часу вечера наша шлюпка причаливает. Обед из собачьей миски, собачье варево. Я часто помню буду этот беспрецедентный аппетит. И – на почтамте – деньги. Еду на железнодорожный вокзал, с маху покупаю билет, возвращаюсь на речной вокзал, прощаюсь с экипажем. В 22 с чем-то отъезжаю из Архангельска. Превосходно. Почти пустой вагон. Немножко угощают соседи, проворонившие свою станцию.

17 августа – Вот и звонок от Ю. Р. Приехала в Москву для отправки в Среднюю Азию. Долгая и экстремальная беседа, окончательное решение разъединиться с Г. Нос, обменять квартиру на две, иначе нельзя, клятвенные заверения о невозможности жить друг без друга и пр.

Больница, 4 сентября. Разговор утром двоих: сидят, курят: «Сегодня какое? 27-е?» – «27-е». – «Июля?» – «Июля».

Ночь со 2 сентября на 3 сентября. Бреды сразу четырех или пяти связанных. Прimitивность и бесприказность бредов. «Полбутылки пролил, ебанный по голове!», «Проолифить надо было сначала, дура!», «Ноги поотрываю!», «Аферисты! Стрелять их мало!».

Сколько же, сколько крыс в пищеблоке больницы им. Кащенко.

Вот, например, что ввели в вену В. Ерофееву за один только день 30 августа (30-я реанимационная палата):

1. Гидрокарбонат натрия 4 %, 200 г.

2. Глюкоза 5 %, 400 г.
 3. Новокаин, 400 г.
 4. Инсулин 4 ед.
 5. КСЛ 10 % – 10 г.
 6. Кокарбоксилаза, 150 мг.
 7. Гемодез, 400 г.
- (Это внутривенно, остальное внутримышечно.)

Развлечения этих дней:

31 августа – «Укротительница тигров».

2 сентября – эстонский «Ультиматум Матильды, или Кто написал „Домового“».

Начало сентября. Все еще отвлеченность. Нет того просветленного, веселого и всепоглощающего взгляда на вещи.

29 августа – У меня с утра две Анапы¹². Лучше: бритье, ванна и пр. И днем – врасплох: коварно вызванные врачи. Снова карета «скорой помощи», снова приемный покой. Знающая меня и болтливая врач. В 30-е реанимационное. Донага и в постель. Капельницы – всю ночь до утра. Не сплю всю ночь. Самая неслыханная из всех гроз минувшего лета. Не до нее.

30 августа – Малый утренний сон. Совершенно солнечно. Коротко Мазурский. Беда с судном и уткой. Весь день опять под капельницами. Зав. отделением Наталья Викторовна, сцена узнавания меня как автора – и резкая перемена в обращении. Н. В. вся лучится, бегаёт достаёт сигареты, бег. за спичками. Весь персонал пухл, ласков и миловиден. Визит (познакомиться) врача из соседнего (нереанимационного) отделения. Визит (познакомиться) врача из реанимационного отделения. Крайняя благосклонность. Тягостная память о прошлом (июньском) светлом сидении в больнице. Я. И пр. Тогда было празднично, теперь и бессонницы затхлы и угнетены.

Контрвеселость

Безотрадность

Антипросветленность

В больнице читаю о Гарибальди, etc. Сражение Уругвая с Аргентиной с участием корсара Гарибальди и его банды итальянских волонтеров на стороне Монтевидео, 43–46 гг.

Найти хоть какую-нибудь историю Латинской Америки начиная с доболиваровских времен.

31 августа – И сегодня, хоть и обещали перевести в 4-е отделение, остаюсь лежать голый в 30-м отделении. Ну и прекрасно. «А куда вы спешите. Разве у нас плохо?» – «Ну, как может быть хорошо, если даже штанов не дают» и пр. Третья подряд система капельниц. Благосклонность ко мне еще больше. Любуюсь на них. Первый визит ко мне – и то заочно – Шевелев с минеральными водами и беломором. Снова у постели этот поклонник из 30-го отделения. А вечером уже в одежде, крайняя слабость, прогулка по небольшим коридорам. «Укротительница тигров» по телевидению. Телефон. Звоню Ю. Р. – дома никого. Звоню Г. Нос. – тоже никого. Полубессонница без всяких почти сожалений о славном июньском пребывании в Кашенко.

1 сентября – С утра переселение в 4-е отделение, не без неохоты. Крутая перемена климата – зловоние, и злобность, и суматошность. Вынужденное купание, грубости, знако-

¹² Название портвейна.

мые хари. И день не приемный. Но вот – почти часовая беседа с заведующим отделением, Юрием Моис. Полная доверительность и дружелюбность крайняя. Мне предстоит здесь 18 дней. «Таких гавриков, как Вы, у меня один» и пр. Забавен его испуг, что о них написано будет. «Ну, тогда можно выпустить и раньше». Вечером опять все испоганено. Телефона не дают. Взбешен почти до слез. Опасаюсь бессонницы, но ничего: хоть ущербно, но сплю.

Больница. Картина выползания из кризиса. Пища: 29-го – nichts, 30-го – стакан кофе, пакет кефира. 31-го – тарелка жидкого супа. Стакан кофе. 1-го – Вечер немножко и чай. 2-е и 3-е в обед. 2-го – Все съедено. Поздно вечером – голод. 3-го – Все съедено + помидоры, яблоки и 2 яйца. И т. д.

То же самое со сном.

С 29 на 30-е. Под капельницами. Сплю несколько минут.

С 30 на 31-е. 6–7 часов

С 31 на 1-е. 5 час

С 1 на 2-е. Около 6 часов

С 2 на 3-е. Около 5 часов

С 3 на 4-е. Уже около 10–11 часов

Один после укола орет: «Типичный бюрократизм и профанация! Сегодня ночью я взрываю Кашенко!»

Все в разных степенях умственной протрации, у каждого своя неповторимая форма ублюдочности... и пр.

Каждое утро будят: «Жизнь невозможно повернуть назад!» или «Три желания, три желания» и пр.

7 сентября – Нет, все-таки спал больше вчерашнего. Ожидаю вечером приезда Яны и Г. Нос. На уколах бесстрашен. В 4 начинаю ждать. (Я. больше жду из тщеславия, чтоб проникся медбрат Борис.) Вчера Г. Нос. говорила, что обязательно придет, а Яна добавила: «Ой, и я тоже». Нет никого. Немного зол, но не глубоко. Впервые не выхожу к телеэкрану. Сплю весь вечер, сплю всю ночь.

9–10 сентября – Во все глаза слежу за всем. Внеочередные парламентские выборы в Нидерландах. Христианские демократы наконец-то оказались в меньшем числе, чем социал-демократы. 45–47. Вернее, их названия: ХДР – христианско-демократический призыв и ПТ – партия труда.

Больница. 10 сентября. Последние процедуры.

Ник. Мельник. говорит мне: «Ходят слухи, что глаза у тебя снова посинели». – «Да нет, – говорю я, – как раз все посинело. Кроме глаз».

15 сентября – День выхода из клиники. Ровен и прямолинеен. Не до занятий. Прощание с медперсоналом мило и даже: «Если что не так, не обессудьте». Всеобщие улыбки и благожелательность. В 15:30 дома. Приведение всего в порядок. Все-таки 3 бутылки пива.

Меня стирали и перекручивали в конце августа – начале сентября, потом первую половину сентября полоскали. Теперь я вывешен на просушку.

Пригожих людей не люблю, окаянные мне по вкусу.

2 октября – Суббота. Возвращается с курсов моя первая бандероль с оценками «отлично».

За всем этим не заметил, как в октябре рухнул социал-демократизм ФРГ и вместо Гельмута Шмидта стал Гельмут Коль. После 13-летнего социал-демократа снова ХДС.

Говорю осенью 1982 г.: Я, в сущности, не пьяница. У меня свой довольно прочный и довольно веселый стержень; в инъекциях чего-нибудь постороннего я не нуждаюсь (то есть ненужность искусственных возбудителей, избыток собственных смехов и трагизмов).

Совершенная неспособность кручиниться или быть удрученным.

Мне мешают заниматься германским. 11–12 ноября. 11-го – сообщение о смерти Брежнева накануне. 12-го – чрезвычайный пленум с избранием Андропова генсеком отрывают меня от дел.

Надо отметить в июне 1983 года десятую годовщину моей творческой бездеятельности.

1983

1 января – Поздно просыпаюсь, продолжаю лежать и новогодничать. Большой запас вина у Г. Нос. В гостях Над. Дорофеева. Чок. шампанским (я, как всегда, с 29-го, лежа). Все остальное смутно и незначительно.

2 января – И с самого побуждения дурно, начало тошнот и рвот. – У Нос. постоянно есть что. Чуть подозрительно безотказно и много. Уже 6-й день лежа. Ко мне в комнату Нос. переносит и проигрывает. Малер. Вертинский.

3 января – Теперь уже шквал тошнот. 2 бутылки портвейна препровождаю в тазик – откуда берется? И так весь день. Нахожу к вечеру сил дойти до телефона, звоню Я(не): «Очень плохо. Пусть приедет Ирина, наилучшая из сестер милосердия. Я. говорит, что, наверное, тоже приедет». Спасительный радедорм.

4 января – Последний день. И день «водворения». Тошноты с утра, ожидаю девок. У Г. по-прежнему находится чем окрепнуть. Но бездыханен. Появление сиделки Ирины. Еще портвейн. Теперь Г. и И. заодно, оживляюсь и подписываю акт о капитуляции. Ирина оперативно подгоняет такси. Едем сквозь тьму втроем, дорогой досас. остатки. Глумление в приемном покое. Обещанное 30-е отделение. Кровосоство, капельница и пр. Засыпаю.

На католическое Рождество я был награжден обмороками. На православное Рождество – не лучше – физиологической, бессонной тревогой за свое сердце, прошу что-нибудь вроде корвалола.

Шуточки в больнице: «Курить я никогда не брошу, а вот пить – всегда буду».

*Не могу быть образованным,
А хочу быть парализованным.*

Почему непонятно, первый диагноз в приемном покое: «острый алкогольный галлюциноз». Говорю Нат. Викт.: «Смешно же. Надо иметь хоть одну пустяшную галлюцинацию, чтоб иметь галлюциноз».

«Журнал интенсивных наблюдений»

Не забыть обход со студентами, слишком много у других коек, у меня: «алкогольный делирий», с другой группой: «абстинентный синдром». И не привлекаю потому ничего внимания.

5 января – Первое утро в реанимационном отделении Кащенко.

С 9 января – полное восстановление сна.

С 10 января – окончательное восстановление аппетита.

(Не забыть 8 января трагическую историю с капельницей. Если б я не знал тех. отключения, etc.)

6 января утром милейшая Наталья Викторовна: «Ну, Веничка, счастливо, больше мы не увидимся!» – «Это как понимать?» и т. д.

Декламация в 4-м отделении: «Ты не бойся, пьяница, Носа своего, Он ведь с нашим знаменем Цвета одного».

Приобрести себе за городом маленький дурдомик.

Этот улыбающийся круглопузый имбецил – с неотрывной улыбкою глядит на меня, глядит и поглаживает пузень. Потом уже не может – его разбирает – отвернется, попрыскает, фыркнет, утирает слезу от смеха и снова смотрит на меня, смотрит, улыбается.

Еще один: Виталий Викторович. 8-й год здесь. В 1-м отделении, за кражу окурка ему ложкой вышибли глаз. Подходит к зеркалу постоянно, рассматривает свой белок. По заказу поет «Мурку».

Такой уж дух в 26-м отделении. Лучше броситься под 26-й трамвай, чем отработать полдня в 26-м отделении.

Почему заразительна тошнота и зевота, а вот кашель и чих – нет?

Больные в 4-м отделении, стоит им надеть белый халат, для каких-нибудь побочных надобностей, уже самоутверждены, глумливы, с потребностью покуражиться над «дурочками», etc.

Что ж, лучше быть в реанимации, чем в эмиграции. Лучше наш советский крематорий, чем ихние поганые кафешантаны.

12 января – Среда, и значит, определенно, сегодня никого не будет. Обилие уколов. Все возрастает раздражение. Отсутствие на этот раз всяких льгот и всякого особого попечения. И плевать. И гостей не надо. И хорошо, что снова обошлось без бессонницы, хоть вечером и было разбухание головы и перебои сердца.

13 января – Крепну. В январе еще не было такого спокойствия и почти-не-нарушаемости. Серж Бобков, Анат. Воробьев. Гости: первая гостя – Ир., потом Тимак, потом Г. Нос, с неожиданной Ниной Черкес и ее Володей. Шумно. И под занавес – Еселиха с компотом. Старшая сестра уже смиреннее, допустив шестерых. Уже могу заняться немецким, но не начинаю. Обида: не было Я.

14 января – С утра неожиданно: врач Лариса («вы мне симпатичны, и я вам очень рекомендую») говорит о поездке в Поливановскую больницу¹³, во избежание худшего. На месяц. Вначале оглушен, потом смиряюсь, потом даже разгружен. Переезд возможен сегодня. В гостях – Иринка. Слишком много смеха, и даже курю втихомолку. Обещает приезжать в Поливаново с Я. Хорошо, хорошо.

15 января – Настроение великолепное. С утра хохоты в компании Бобкова и Воробьева. Свидание с Г. Нос. Все о предстоящем Поливанове.

¹³ Филиал Психиатрической больницы № 1 имени Н. А. Алексеева.

Поливаново. Ротонда – флигель, палата на трех. Оба постоянно, днем и ночью лежат, закрывшись с головой. Один скрипит зубами неустанно (говорят, кому-то откусил нос, едва разжали и отцепили). Другой тоже накрыт с головой, то и дело вполголоса: «а зачем? а почему? а зачем? а почему? а зачем?» и т. д.

При входе в Поливановскую больницу лозунг:

«Здесь вывод прост и ясен – пьянству нет!
Не то затмит бутылка белый свет!»

На стенде в поливановской больнице: «Алкоголь – великий убийца. От алкоголя гибнет больше жизней, чем от руки настоящих убийц, чем от зимней стужи» (К. Сикорский).

20 января – И почему-то смятение души. Сегодня и завтра не будет никого. Первый тетурам и война против тетурама. Первые «наружные работы» на воздухах. Сумеречно, безгрёзно, ровно, безрадостно.

Певцы поливановской больницы, певец-барабанщик еще поет: «Я был душой дурного общества».

Певец Дима начинает компилировать:

«Придешь с работы, усталый и голодный,
И бросишь кости на цементном полу,
А надзиратель, подлюка-блядь, не скажет:
Давай, братишка, соломки подстелю».

У него эта соломка переходит в песню о Сеньке Буденном и пр.

И самый неподкупный из певцов: Молин.

В сверхсолнечный день 25 января у костра поет, опустив голову: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть покрыв». Ему: кончай эту муру, иначе сигарету хуй дадим, давай «Дан приказ ему на запад». Исполняет пародию на «Дан приказ». После сигареты, опустив голову, начинает «нрзб.»: «И солнце померкнет, и звезды покатаются с неба». Опять: «Кончай эту поебетину, давай Луку Мудишеву» и пр.

О певцах здесь говорят: упал как-то вместе с патефоном с 5-го этажа и с тех пор все поет.

Нынешние народные шуточки: стук, то есть степень стука, измеряется в андропах.

Для чего ты упекла меня в этот каземат, в этот равелин, убийца человек?

Относительно квартиры на Флотской, предстоящего шестилетия ее. Все пленником себя я здесь считаю, но разве я живу как пленник?

Все полосами. От Архангельска до Поливаново, от Я«ны» до Ю«лии» и пр. Николай Чернышевский говорил в аграрных своих статьях, что Россию губит чересполосица.

Покуда я был в Поливаново, стихотворчеством начала заниматься Носова. Вот четверостишие (первая строчка заимствована из Есенина, после ее с Яной поездки в Петушки):

Тут разрыдаться может и корова,
Глядя на это бледное лицо.
Корова разрыдалась бы, но то корова,
А Юлия Рунова ни за что.

Г. Нос. отработывает на меня барщину и вдобавок платит моему сыну оброк.

В «Правде» от 23 января Рейган обвиняется в том, что не удосужился взять в руки хоть один том сочинений Ульянова-Ленина.

Меня еще спасает то, что каждый из них – один, а меня много.

2 февраля – И вот что странно: четвертую неделю подряд ни единого плотского позыва.

9 февраля – Весь день валят снега. В церковном подполе с ломиком и раствором. Все так же спокоен, бодр и уравновешен. Вечер песен Высоцкого. Краткий визит Коли Мельник. Начало немецкого.

10 февраля – Солнце и почти минус 10 градусов. Снова бодро, снова в том же церковном подполе, раствор и раствор. И не надо глядеть на дорогу и ждать кого-нибудь. Чуть немецкого фев. Сплю мертвецки.

11 февраля – В ночь сулили минус 18–20 градусов. Ничего подобного. Снова каменщицкие работы в церковном подвале. По-прежнему никого не ожидаю. Вечером – русская историография и немецкий. Спокоен, деятелен, ничем и никем не обуян. 1982 год вспоминаю без чувств и с недоумением.

12 февраля – И обещанных оттепелей нет. По случаю субботы – освобождение от работ. Переговоры в верхах: окончательно установлена дата освобождения: пятница, 18 февраля. Поглядываю на дорогу: немецкий и чтение урывками и «с» неохотой.

Лозунг в Поливанове: «Каждого 18-го алкоголика ожидает падучая болезнь».

Выписан 18 февраля 1983 года с итоговым диагнозом: «дипсомания».

В журналах 8 марта слишком много о «горькой доле прекрасного пола в странах капитала».

Вот о женщинах Нью-Йорка:

«Все больше и больше женщин опускаются на дно жизни. Они прозябают на улицах, курсируя от одного мусорного ящика к другому».

7 марта, промеж и без того-то хмуростей, узнаю о вчерашнем торжестве ХДС.

11 марта – В качестве сиделки Коля М. за имбирной (он, конечно). Я лежу со 2 марта. Потом – Иринка. Потом – звонок незнакомки и появляется Вера Ворошилова. Ожидаю опекуншу Черных и вечернего бегства на «Юго-Западную». Конец малины. Вторжение (учтивых) санитаров. «Вен. Вас., Вен. Вас.». Вселение – и опять в 4-е.

12 марта – 4-е отделение. Тут же распоряжение в реанимацию. («Разве я в ней нуждаюсь?» и пр.) Реанимация. Ласково приветствует Мазурский и Нат. Викторовна. И сразу под капельницу. От Г. приносят беломору и соку. Ходят слухи, что в связи с карантином свидания запрещены. Безрадостный вечер.

13 марта – Чуть оживаю, но без всякого аппетита. Повезло: с утра на ногах, знакомство с бойким врачом-усачом, чаепития, телевизор и пр. Гости: Г. всего на несколько минут, уступает место прибежавшей Ир. Все. Теперь у меня уже есть голубая рубашонка, бумага, etc. Слаб.

14 марта – Вот вопрос: как быть с Ю.? До 25-го меня не выпустят никоим образом, я убедился. Пошло прахом, что меня прямо отсюда уберут домой (вчерашнее Г. заявление). Предстоит 30-е отделение, и неизвестно насколько. Все равно, увереннее с каждым днем, солнце, капли и потихоньку отступление сугробов.

Странный психический недуг в больнице 21–22 марта. Голова одновременно пусто-порожна и тяжела. Оцепенение и нервозности. Беззаботно и крайне безрадостно.

Атмосфера в Кашенко в конце марта очень напоминает прошлогодний апрель здесь же. Снова сгребают и жгут листья. Птахи и букашки. И те же еврейские провокации, только на этот раз на сирийской границе. И на этот раз все это вместе – грустнее во сто крат.

Загадал 24 марта: вот когда оттает эта узкая полоска изо льда и снега промеж двух лип – и выйду на волю.

Встань, Венечка, встань, пригоженький, к тебе смерть пришла, коньячка принесла.

Оказывается, в психиатрии есть такое понятие «агитационное состояние» у больного.

28 марта – План не регенерации, не реанимации, а реконструкции. Договоры на воздухах с Нос. и Ир. Л.

Пациент, каждое утро в 6 стучит в буфетное окошко и просит хлеба, при этом припевает-приговаривает: «Миллион, миллион алых роз...»

29 марта в больнице, всерьез обдумываю пьесу.

30 марта – Нет. Бодрость все длительнее. Просыпаюсь, как все эти дни, на рассвете, щебет птиц. Прогулки под солнцем без всяких пальто. Дважды звоню Ю. на службу, неудачно. Букашки на земле и в воздухе. Снова в саду, костры из листьев. Ир. в гостях, с ней гуляния, весело в беседке с кефиром. Совершенно смехотворна и мила в своем плаще. Вечером тревога – дизентерийный карантин и могут задержать. Крайне разговорчив со всеми.

31 марта – Бодрячество, уже ставшее привычным. Даже две унылые гости – Нос. и Ес. меня не отягощают. Балагур. Пусть по выходе мне предстоит трудоустройство, военкомат, диспансер – пусть, я на все готов. Выход из больницы отсрочивают примерно на неделю – тоже пусть. Неунываю. Мне некуда спешить. На дворе по-прежнему около плюс 15 градусов.

Мальчик Алексей «нрзб.» со 2-го курса биофака МГПИ сидит здесь за «нестереотипность мышления и образа жизни».

8 апреля – День выхода из больницы. Прощание с персоналом. Андрей и Алексей провожают меня до ворот. Дома. До вторника я могу быть спокоен. Сразу же подключ. к бормотухам.

1982 год – беспримерный год довершился беспримерной зимой.

В апреле в больнице интеллигентик-шизофреник спрашивает ни с того ни с сего: «Вениамин Вас., а трудно быть Богом?» – «Скверно, должно быть, хлопотно. А я тут-то при чем?» – «Как же! Вы для многих в России кумир».

Вторая половина мая – вся под знаком бракоразводности и помещений в клинику. Взрыв 20 мая – созваниваются даже Ю. Р. и Нос. о браке.

14 июня – вторник, арест Г. Носовой¹⁴.
Начало одинокого бытия.
Еду оформляться на вахтерскую службу.
Юрий Андропов вступил в должность президента.

*Я такой безутешный счастливчик в кругу этих неунывающих страдальц.
Моя трудовая деятельность неоднократно прерывалась аплодисментами.*

28 июня – В Кащенко. Как легко я передвигаюсь повсюду. У Нос. совершенно патологический вид. Чрезвычайно жалко.

9 июля – С Т«амарой» В«асильевной» в Кащенко. Нос. нас встречает на скамейке у клумбы. Нос. уже целует меня на прощанье.

Работаю без выходных. Учусь без каникул. 13 июля.

Утром 17 июля – первый граммофончик распустился на ипомеи у меня над балконным диваном.

Определить, в какой квартире эта женщина и что за фамилия. Не в 1–2–3-й. И не в 50-й и 53-й. Проследить. И не в 36-й.

Утром 18 июля – первый мак.

Утром 19 июля – Солнце. И второй лиловый граммофон над моей балконной постелью.

Вот и проследил. 20 июля вечером. У нее 3-й этаж, значит 14 или 18 кв. Подходя к дому и уходя, машинальный взгляд в 3-й этаж.

Утром 21 июля стою у окна. В 8:10 утра проходит. О, как повернулась!

*Не хочу быть полезным, говорю я,
Хочу быть насыщным.*

26 июля – С Ир«иной Леонтьевой» пробуждение на епифановской терраске. Дождь и дождь. Отменяем свой поход за малиной и грибами. На платформу – весело – с платформы за очками и снова перрон. И все под дождем. Успеваю на службу. Голоден. Врывается Ир. с кучей еды. Оказывается, Галина дома и окончательно выписана. Дома: Г. держится несколько особняком. Звоню Ю. и обещаю быть. Но не решаюсь.

28–29 июля – Рунова. О том, что более близкого человека нет, согласие о женитьбе и перемене фамилии.

Все семейные тяжести теперь на моих раменах.

Все. До 24-го числа замыкаюсь, сохну, зябну, корплю над языком. Во мне отключат горячую воду до 24 августа.

С воскресенья, 7 августа, приступил к белому переписыванию всех работ и хвостов; раб. 7, раб. 8, отчет по допущению экзаменации.

¹⁴ Г. Носова попала в психиатрическую клинику.

3 августа – Тошнит, знобит, слабость, безрадостность. Одиноко. Все-таки собираюсь и ко времени на службу. ОНА. В 9:30 – Г. с бидоном пива. Сонливость. Никаких занятий. Г. снова о разводе. Дома: Коля Мельник говорит о ситуации: Ирина – Юлия и невозможность что-нибудь предпринять. Агдам. Сонливость. Звонок от Черных с предложением на завтрашние именины.

4 августа – Звоню к Ю. в целях консультации: где и каким образом производят бракоразвод. Получаю телефон. Звоню. Но вторую нашу беседу прерывает Г.: «А я никакого развода не дам. Я не хочу развода».

С этих августовских дней начинает съедать меня неприкаянность – нечего положить на сердце, некуда преклонить голову, некуда и не с чем пойти. 8-го с утра почувствовал: совсем щемящий и один, и слеза приближается к мокрым местам.

Однако не унываю и мурлыкаю. И про себя (вместо майского «Он оглушен был шумом внутренней тревоги») – бальмонтское «О сердце, как сердце болит!» и почти: «Душа моя скорбит смертельно».

Еще одно постановление Совета министров в ВЦСПС об усилении мер по укреплению дисциплины. Шучу по этому поводу: «Москва прежде звалась Бирюлево, теперь – Строгино».

Немецкий. Традиционно в 4 дня заполняю сентябрьскую домашнюю тетрадь: 30–31–1–2 – сентября.

5 сентября, точно в срок пишу первую контрольную III курса и отправляю.

Наконец, 15 сентября. Первая бандероль с курсов: апрельская, майская, дополнительное чтение. Все – 5.

27 сентября – Нина Черкес. Звонит о пребывании Яноша¹⁵ в России, о его обожании и пр. Спектакли в Варшаве и Лодзи¹⁶, с успехом, преимущественно комическим. «Вы на Западе престижная фигура». Янош, узнав о моей вахтерской работе: «У нас в Польше люди стояли бы в очереди, чтобы посмотреть на Веничку».

Юбилей 8 октября. Ровно полгода, как я в последний раз покинул П. П. Кащенко.

4 октября – Скорее на дежурство от придав. и враждебности Г. Никакой день рождения субсидироваться не будет.

15 октября – После Покрова. Опять солнце и тишь, плюс 14 градусов. Безслужеб. день. Пиво. Золотистый портвейн. Ванна. Еще золотистый портвейн. Враждебность Г. Звоню к Р., дважды. Об окончательном решении развестись. Р. на это больше чем благосклонна. В поисках Ир. – звоню в Текстильщики: мне сообщают, что Ир. приехала вчера и теперь с Я. на спектакле. Ну, ну.

21 октября – Бутыль бормотухи с утра. Бутыль вечером. Не иду ни на какую службу. Возобновление телефонного разговора с Ю., и очень мило. Решено: 24-го я отмечаю день рождения у нее.

А вернусь на бровях, на бровях, на бровях своих чернобровых!

¹⁵ Янош Жеромский, польский пианист.

¹⁶ Речь идет о спектаклях по мотивам поэмы «Москва – Петушки».

Вот еще узнаю о своем дне рождении (когда 30 октября собираемся с Ириной Л. в гости к О. Седак.) – узнаю, что О. Седак была на нем. И в тот же вечер у Ю., оказывается, она звонила мне – свидетельствует Авдяш, и я порол несусветицу и отказ. от нее.

Заказ из литературного общества Новосибирского научного центра: «Пьесу такую, чтоб все животики надорвали». Да зачем же животики?

1 ноября – Выдержу ли двойное дежурство? 4 часа выдержал. 4 славян. пива и никаких занятий. Знакомство с жилищей 26 кв. – у нее – бодро лечу домой, а не взять ли андроповки, наконец?

10 – Решаюсь идти на мучительную службу. И там – разг., корвалол, черная дремота.

11 ноября – На слабых ножках бреду на дежурство. И все дежурство сосредоточен на черном и ненужном.

14 – Как ни черно утро (и не только), тащусь на дежурство. Мучительно высиживаю и бездеятельно – какая еще может быть деятельность. План: операция «Хрусталь». Осуществляю. Никну. Снова под 4-мя одеялами. Вечерняя Г. снова о разъездах и разводах.

15 – Еще молодцом. В пурге Мосскельмаш. Флакон за 66 и Эликсир. С Г. все о разъездах. Наконец предлагаю ей ее же мыслью времен праздников: обменяться с Ю. Со службы дважды звоню Ю. – никакого понимания. Дома – еще звоню, Г. бескорыстна, Р. с оскалом. Ю. просит дать трубку Г. Их разговор, ни к чему не приведший. Обещаю завтра у нее быть.

23 ноября – Письмо из курсов от Глазуновой, с просьбой все-таки сделать ноябрьскую работу в пределах 1–9 декабря. Подчеркнуто: Если необходима моя помощь, срочно сообщите.

23 ноября – С тех пор как служу, никогда так тяжело не поднимался на службу. Две поездки за пивом. После дежурства сталкиваюсь в магазине с болваном Олегом, у него две бронебойных. Потом – Коля Мельник., в гостях с ним уже весело, две сухих. Спать.

24 ноября – И снова тяжелейший подъем на службу. И снова две поездки за пивом. Мучительно, не дожидаясь двух часов, домой. Разг., разг. Сон, разг., сон. Г. с 2-мя пивами и корвалолом – уснуть.

25 ноября – Вроде бы чуть-чуть полегче. И на дежурство. Чувствую себя сноснее. Всего немного пива. А после дежурства в одиночестве «Осенн. сад». И 3 пива. И – никакого немецкого.

28 ноября – Утром на дежурство. Неудача с пивом. Выдержу ли двойное дежурство? Нет, не выдержал. С трудом высидел и одно свое. И 29–30-го – уже практически оставляю службу.

1 декабря – Не могу идти получить на службе свой расчет. Посылаю Г. с запиской-доверенностью. И вино, по случаю бесславного окончания моей трудовой карьеры.

5 декабря – Других не помню. Но 5-го пиво на Мосс., немного вина – и в отдел разводов, о котором все эти дни толковала полоумная Г. В отделе разводов – задержка из-за фотографии на паспорте. В гостях Кононенко и Кицис. Спрыскиваем неудачи.

7 декабря – Г. спешит, я иду навстречу ей во всем, что относится к разводу. Немножко выправляю себе физиономию портвейном и еду в фотографию. Продолжаю выправлять физиономию.

13 декабря – «Кавказ». Письмо на курсы с объяснением задержек и обещанием наверстать к Новому году. Мадера.

21 декабря – Второй день весны. На Мосс. Потом операция с посудой. Вечером Г. выдает мне на белый портвейн и сообщает, что разделение квартир будет на Петрозаводскую (ее) и Ждановскую мою. Уезжает на ночлег неизвестно куда. Дважды длительный разговор с Ю. Р. по поводу обмена.

27–29 декабря – все еще весна и слякоть, но не до того. Продолжает нагнетаться напряженность, искусственно создаваемая Г. Кто меня выручает в эти дни? Лабрюйер и К^о. Не знаю, по-моему, так. 29-го звонок к Р. относительно Нового года.

31 декабря – Так оно и есть. Откуда-то облегчение. И даже ванна. И бутылка алабашлы, да и после нее Г. исчезает вечером отмечать Новый, 84-й к матушке, оставляет мне еще 2 бутылки алабашлы. И вот один. Ни от кого никаких звонков, никому не звоню. Только в 1-м часу ночи звонок к Ю., поздравляю, но уже смутен и пьян. Лопнуло то, о чем грезил (с разг.) вторую половину декабря: ровно в 12 час., бубн.¹⁷ вместо шампанского и пр. Ни от кого не дождавшись звонка, тупею и засыпаю.

1984

1 января – 84-й начинается с умирания. Просыпаюсь один, как и засыпал в 83-м. Впервые в жизни. Звоню Ю. Р. «Ну, как тепленький я был в новогоднюю ночь?» Обещаю на днях нагрянуть.

9 января – В ожидании квартирных смотрин и расторжения брака. Хрустальная операция. Вермут. Потом «Кавказ». Г. появляется вечером и призывает быть готовым к завтра.

10 января – Я с каждым днем все одушевлен. Прибрежное. Дворец расторжения браков, долгая, но веселая морочка. Г. мрачна, как окунь. Звонок к Ю. о состоявшемся, о чувстве свободы. И пр.

11 января – Итак, ожидать до 10 апреля.

3 февраля – остаток вчерашнего алабашлы. Бегал за бормотухой. Еще за бормотухой. Звоню Ю., говорю, что Г. с дрожью ожидает вторжения людей в белых халатах.

7 февраля – День исчезновения Г.

Звоню к Я. – Я. наводит справки и сообщает об аресте Г.

9 февраля – О разводе с Ю. Она говорит о моем полном праве на односторонний развод, если жена в психбольнице и пр. Отказываюсь. С Ес. говорю о вероломстве ее подружки.

18 февраля – В 11 еду (впервые) в Кащенко на свидание с Нос.

20 февраля – Решаюсь трудоустроиться.

1 марта – Уф, нехорошо. Все-таки надо вставать, бриться и ехать от Ю. на первый день службы. Сухо прощаюсь, еду на дежурство, не могу, отпрашиваюсь до 5-и, бутылка вина – звоню Ю., звонит Ю. Первое зябкое дежурство.

4 марта – Прощаюсь с Р., бодро чешу на свое второе дежурство. Все на выборы. Из дома звоню Ю.: все хор., всю тебя т^олс^тушка, – «Я тоже». Немецкий. Весь день ровен и добротен. Ир. потихоньку отступает, и смиряюсь. Жаль Г. Нос.

15 марта – Просыпаюсь на Юго-Западной один. Ю. возвращается со службы. Движемся ко мне. Я через Кащенко: первый разговор с Г. Нос. об отмене развода и пр. Славно. Еду к себе – там уже Ю. с обилием продуктов.

6 апреля – Спал один (!). На дежурство ровно. Уже в плаще и даже без плаща. Пересаживаю сирени, липки и пр. Звоню к Р. Звоню домой – Нос. уже там. Ее первый приход на службу. Планируем на завтра к матушке.

7 апреля – Возвращение с дежурства, дома Носова. И – протягивает мне трубку: звонит Зимакова. О том, что сына берут в армию, что надо непременно встретиться. Договор на завтра.

(Звоню Ю., что немецкие занятия прерваны, что начался наплыв жен и пр.)

¹⁷ Эвфемизм.

8 апреля – Суматошное воскресенье. Поднявшись у матушки, мы с Нос., с часами, книгами, фотоапп., водкой, бальзамом, – домой. Дома – получаю свою ноябрьскую и декабрьскую немецкие работы – обе «5». По телефону от Ольги Седак. узнаю об эдинбургской постановке Петушков. Тимак. Не еду встречать Зим. – и звонка от нее нет, значит не приехала.

И это желание выпить – вовсе не желание просто выпить, а то же желание к демократии. Заставить в себе говорить то, что по разным соображениям помалкивало, то есть позволить взглянуть на те вещи по-иному. Исподлобья или одухотворенно, не важно.

12 апреля – На дежурство. Нигде нет даже пива. С каждым часом – полегче. В обед – 2 пива. И конец тяж. Снова бодр. В обед звонит Ю.: обещаю завтра быть у нее. Оба озабочены немецким – я ровно неделю не занимался. Вечер. Нос.: ее вернули на работу, но младш. науч.

22 апреля – Пасха. Превосходно, возвращение со службы. Невыносимо много звонков – в основном к Нос. 2 раза звоню Ю. – ее нет. Потихоньку и без энтузиазма отмечаю Пасху бутылкой портвейна.

26 апреля – Большая хрустальная операция на Фестивальной. И себе ничего, кроме 2-х пива. Галине Нос.: ананас, джем. Г., вернувшись, в восторгах. Немецкий.

27 апреля – Расположен отлично и ровно. Вспахиваю на дежурстве весь цветник перед домом. Прелестно. И милый дождь.

28 апреля – Свободный день. Немецкий не клеится. Весь гнев обрушиваю на позвонившую Ю. Я не желаю говорить, она желает. «Ну, так говори скорее, в чем дело?» – я нервно. Она: «В таком случае я тебе никогда не позвоню». Швыряю трубку, дрянь. Еду рассеяться к Ольге Седак. У нее в числе гостей итальянка Франческа (удостоверяюсь, что «Петушки» получили 1-ю премию на Эдинбургском драматическом фестивале). Толки о завтрашнем поэтическом вечере Пригова – на квартире Яны. Муж Ирины Сед. с водярой. Дома оказываюсь только в 2 ночи.

29 апреля – Звонок от Ю. (под предлогом Тамар. письма) – это после вчерашнего «никогда не позвоню». Тихо и мирно: о лете, о домике, о том, что сегодня уезжают в деревню и будут с утра 2-го. Обещаю быть с утра 2-го. Бутыль Кавказа. Еще бутыль Кавказа. К Яне на вечер Пригова не еду. И главное – И. там?

12 мая – Дежурство бодрое и мгновенное. Ир. обещанной нет. Нос. и Балашиха сообщают о звонке Зимачихи: Венедикт 15 мая в армию.

15 мая – Караваево. День проводов. Появление Сидоровых. Лежа на диване, развлекаю народ, в том числе сына. На провода уже с тошнотой. Но – ничего. В темноте, всякий раз, как ухожу на крыльцо курить, Венедикт разгоняет публику. «Дайте мне поговорить с отцом». Ухожу в разгар гармоник.

16 мая – Караваево. День после проводов. С Эженом за бутылкой водяры. Потом с ящиком посуды, еще за водярой. Долгие беседы с Зим. «Все о прошлом». Засыпаем.

И вообще люблю совершать действия, несовместимые с моим статусом.

С наступлением осени – начало телефонной весны. Тихонов закукарекал, закуковал Свиридов, Ольга Седакова запины-линькала, закурлыкал Тимак., остальные защелкали, засвистели, закудахтали.

6 июля – Намерение все округлить и закончить корвалолом. Но звонок Лёна. Надо ехать к Мессер«еру». Впервые. Предварительно бутыль бормотухи с Лёном. Едем, хозяин прекрасно

меня знает. Битов неведомо откуда. Вино и вино. Мессер.: «В Ерофеева Белла сразу бы влюбилась».

14 июля – Накануне от Ю. звоню Т. В. Она будет в Москве только 21–22-го. Решено с Ю. договориться с ней о ключах и об августовской поездке на север. Долой Среднюю Азию, и без того в Москве жара несносная.

17 июля – Странное дело: после вчерашних двух бронеб. прекрасно отдежуриваю смену, даже без капли пива. Чай, чай. Ожидаю сегодняшнего обещанного приезда Р. в Москву. Над лексикой своих немецких «Петушков». Поздно вечером звоню Р. – нет, еще не приехала.

Колвица. 13 августа.

Автобусом из Кандалакши на юго-восток. 8:30–9:40. Вниз, через мост у впадения Колвицы в залив Белого моря. Первая черника и первые сыроежки. Вверх по южному берегу Колвицы. Раздвоенный, громадный и грохочущий водопад с бывшей мельницей. Первые подосиновики, бездна грибов. Первые грузди. Прошлогодня брусника. Пропась недозрелой брусники. Первый костер и красная палатка в полдень. Разведка с В. вперед, голубичные кусты. С Ю. – сбор мхов. Первая форель. Еще десяток. Телячьи восторги. Редкий и быстротечный дождь. Солнце. Первый ночлег. Отважная Ю. «нрзб.» (Купание В«еры» Р.)

Колвица. 14 августа.

Сравнительно солнечное утро. Выхожу из палатки, гund. Р. в кос. Лихо забрасывает удочки. На костре готовлю завтрак. Чайки ныряют за рыбою. Почти в час дня снимаемся с лагеря. Над стремнинами, фото. У водопада привал. Первые люди, браконьеры. Вверх по притоку – с горы определяю, что это все-таки приток. Водопады. На перекате ледяная переправа. Первая морошка. Снова на Колвице. В 7 разбиваем второй лагерь. (На водопаде выпускаем обе форельки.) Подальше от речного шума. Чуть спирта. Грибов и ягод пропасти. Второй ночлег. «Нрзб.» (В. Р. по бревну через пропасть).

15 августа. Странствия.

У второго ночлега подымаюсь первый. Костер. Все та же ревущая река. Первое испытание дождем. В 2 ч. в путь. Снова приток, снова босая переправа вдоль бревна, под дождем и градом. По болотинам. Неожиданно выходим к мосту. По проселочной дороге – шоссе на Умбу, привал – пыльным автобусом – Кандалакша. Куда теперь? Решаем: Кировск – почтовым поездом – Ленинград – Мурманск – весело – в полночь автобусом въезжаем в Кировск – на Там«арину» квартиру.

Кировск. 16 августа.

Позднее пробуждение, и все удовольствия, что мы не под небом, а в Кировске дожди и все заволочло.

Малый Вудъявр. 17 августа.

В полдень выходим в поход – на вокзале, билеты на 22-е – пешком по железной дороге до Юкспориока – от Кукисвум вверх к Малому Вудъявру – черника – переправа через Вудъявр – костер – мы с В. Р. поднимаемся на предгорье Тахтарвум – в дождь возвращение – к Кировску и солнцу – грибные заботы – и мертвый сон.

Кировск. 18 августа. Первый день без радуги. С утра обложные дожди.

Кировск. 19 августа.

Воскресенье. Я – никуда, иногда немного спирта. Весь день обложное небо и дожди: с температурой, горлом и кашлем.

20 августа. На склонах Айкуайв«енчорра».

Пешком из дома, по солнцу и холоду. Мерзнут руки и лбы. По школ. склону. Массы черники, набираем 5 литров. По скалам. Морозящие дожди – возврат домой на автобусе.

21 августа. На склонах Вудъяврчорра.

Последний пеший поход – единственный день без дождей – и с солнцем – через Белую речку – подъем по отрогам – грибы – вдаль уходящее ущелье – фотоснимки – назад вдоль Белой речки – последние грибные заботы.

22 августа. Кировск. Отъезд.

Р. отягощает последний день чистоп. и максимализмом. Трое с рюкзаками – самый теплый день. В 4 ч. отъезжаем из Кировска. В 18:30 – отъезд из Апатит. В 20:00 – из Кандалакши. Бойко. Таращимся на Белое море. И – бутыл медвежьей крови. Не сплю. Лодки. В 2 ночи – Кемь. Засыпаю.

23 августа – Петрозаводск. Конец карельских дождей. Волховстрой. Чудово. Засыпаю на несколько часов. Новгородская область.

Вот что у меня растет (к 31 мая) – бешеные бобы, выюнки, душистый горошек, маки, настурции, ноготки, космеи, периллы, бархатцы, васильки, астры, гвоздики, фиалки, георгины. Портулак.

25 апреля продолжаю рассады: еще 12 бобов. Выглядывает первая неказистая настурция.

26 апреля сажаю в горшочки неизвестные бархатцы, выюнки. Жду.

Чудовищно растут бобы. Пока отставляю балконные земляные труды.

1 мая – Высаживаю на балконе рассады фиалок и семена ноготков. Туда переселяю бобы.

2 мая – Высаживаю настурции в маленький ящик.

4 мая – Еще сажаю ноготки промеж фиалок.

5 мая – Высаживаю немножко японских васильков, ипомеи и что-то неизвестное.

7 мая – Высаживаю бархатцы и два вида гвоздик. Еще космеи.

9 мая – Начинают всходить первомайские ноготки. Обнаружил рано утром, вернувшись с Юго-Западной. Начиная с 9-го выползают потихоньку все ноготки, в том числе посаженные 4-го.

10 мая – В ящике для настурций не первая ли настурция появляется (посаженная 2 мая). И не японские ли васильки проклевываются (5 мая).

17 мая – По возвращении из Караваева: все взошло, кроме душистого табака (10 мая).

19 мая – До обидного мало взошло настурций (3–4) и выюнков (2). А гвоздики – еще неизвестно, гвоздики это или нет.

20 мая – Нет, точно гвоздики, и их все больше.

(Душистый горошек.)

21, 23-го – Пересадки рассады во все стороны. В горшок – пиреллы.

24 мая – Бобы достигают потолка (подоконничные). Уличные бобы начинают перевиваться друг с дружкой.

31 мая – Появляется первый душистый горошек (23). Еще сажаю гвоздики.

1 июня – Еще появляется душистые горошки и периллы (23).

4 июня – И балконный боб достиг потолка. А душистых горошков – 8. Куда их, подлецов, рассаживать?

6 июня – Вечерняя гроза с ливнем. Бедствие в основном для ноготков в «нрзб.» ящике и для бархатцев. И васильки сгибаются.

8 июня – Еще дожди, холодные.

9 июня – Еще бедствия. Неслыханный ветер. спасаю все бархатцы. Дожди без милосердия и «нрзб.»

10 июня – Скоро будет первый «нрзб.»

В ночь на 11-е сулят почти морозы. 9–11–12-го – То и дело спасаю цветы.

18 июня – Все еще холода и ветра, и все еще продолжаю спасать.

19 июня – Сажаю портулак розовый в нижний ящик. Немного пересадок.

19–20 июня – Замечаю: цветут бобы.

21 июня – Первый ноготок.

25 июня – Вот и второй ноготок.

28 июня – Первый бархатец (темный).

29 июня – Первая настурция.

2 июля – Первый василек (розово-белый).

4 июля – Первый синий василек.

8 июля – Первый бархатец (светлый).

9 июля – Первая космея фиолетовая.

11 июля – Первая белая космея.

16 июля – Рано утром первый мак.

21 июля – Рано утром первая ипомея.

(В 20-х числах понемногу чахнут от черной сыпи настурции и несколько ноготков и космей.)

С 21 июля – Каждый день вспыхивают ипомеи-однодневки.

25 июля – Их сразу 12.

29 июля – Первый душистый горошек.

30–31 июля – Первый русский желтый исполинский бархатец.

1 августа – Замечаю, что пробиваются на 2-х георгинах загадочные две завязи-пипочки.

6 августа – Сразу 13 ипомей рассыпаются по балкону. Продолжаю наблюдать за пипочками георгинов.

Первые дни августа наконец-то астры пошли в рост и уперлись в перила.

9–10 августа – В канун отъезда на Кольский окончательно распустился первый георгин.

24 августа – Утром по прибытии с севера вот что вижу. Настурции исчезли, съеденные чернотой, большинство ноготков тоже. Ипомей намного меньше. Пуще всего цветут бархатцы, в особенности махровые. Маки отцвели. Васильки почти тоже. Космеи тоже в черноте, но цветут. Бобы цветут бешено и сверху донизу. И душистый горошек.

29 августа – Борюсь с белыми тварями на астрах, намеренных цвести. И с черными тварями на ипомеях, настурциях, космеях и ноготках.

Ночь на 1 сентября – и первый белый георгин. Продолжают надуваться красные.

1 сентября – И опять первая настурция, после черной немочи.

5 сентября – За два минувших дня явилась первая астра. «Но разве это астра!»

6 сентября – Уже много длинных и выморочных астр. Диковинной окраски георгины. Простуженные.

7 сентября – Последняя ипомея отцвела и повисла.

21–26 сентября – Теплынь. 16–20 градусов. Цветут: последняя, наверное, настурция. Худосочные астры – две хилые календулы. Надуваются новые георгины. По-прежнему бурно цветут: бархатцы, горошек, бобы.

29 сентября – В последний солнечный сентябрьский день сбор плодов: стручки бобов в зарослях, семена бархатцев, выюнков и васильков.

8–9 октября – Распустился последний оранжевый георгин.
10 октября – Выселяю с балкона внутрь дома все фиалки.
15 октября – Срезаем стручки душистого горошка.
Ночь на 16 октября – Первый мороз. *Finis*.
Ночь на 17 октября – Еще мороз.
20–21-го – Погожие дни, плюс 12–13 градусов.
22 – Поливаю зеленые и так не расцветшие гвоздики. Остальное мертво.
Ночь на 31 октября – Мороз (третий в октябре). Обираю семена махровых бархатцев.
10 ноября – В ночь выпал снег, который станет окончательным.
13 ноября – После двух ночных морозов (13 градусов) вспомнил, что забыл ископать корневища георгинов. И хрен с ними! Они того не стоят.

1985

Вот как писалась «Вальпургиева ночь»:
До 19 февраля – обдумывание и копание в старых бумагах и блокнотах.
19–20–21–22–23-го. Печатаю 1-й акт. Занавес.
25–26–27–28-го. 7 страниц 2-го акта.
2 марта – 8-я страница 2 акта.
3. 3–4–5-го – 9-я стр. 2-го акта.
6–7–8-го – Подъем. Заканчиваю 2 акт. 14^{1/2} стр. Занавес.
10 марта – первые 3 стр. 4-го акта.
12 марта – 4-я стр. 4-го акта.
14 марта – 5 и 6 стр. 4-го акта.
Ч. 15–16–17–18-го – 7-я стр. 4-го акта.
19–20-го. Подъем. 4 или 5 стр. 4-го акта.
Ок. 24-го – Заканчиваю 4-й акт.
25–30-го – Третий акт, впоследствии забракованный.
31 марта или 1 апреля – Никуда не годная 1-я стр. 5-го.
2–3–4 апреля – Больница.
5–6–7 апреля – Разбираю хаос принесенных черновиков.
9 апреля – Больница. Отдаю стр. 1–4 5-го акта.
11 апреля – Больница. Отдаю стр. 5–8 5-го акта.
Од. 12 апреля – Больница. Отдаю стр. 9–12 5-го акта.
Из. 13 апреля – Больница. Отдаю стр. 13–18 5-го акта.
14 апреля – Пасха. Нахрапом делаю весь 3-й акт.
3. 15 апреля – Больница. Отдаю предисловие. 19–21 стр. 5-го.
Г. 16 апреля – В полдень ставлю точку. Отдаю последние 5 страниц 5-го акта, писанные вчера и сегодня утром. *Finis*.
С 17 апреля начинаю извлекать материалы и обмозговывать «Диссидентов». Совершенно пока не ясен финал. Но главное: хозяин заведения Миша Каплан. И его веселые и слабоумные друзья-нонконформисты.

17–18 марта – Выхожу понемногу из состояния без вдохновенности. По страничкам продолжается 4-й акт.
19–20 марта – Тихо продолжаю 4-й акт, с прочитыванием готовых кусочков Надье Балаш. Прежняя система горячих спиртных.
21 марта – Откровенная водяра, и Некрасова в гостях. Застопоривание 4-го акта.

22 марта – Яна у нас. К вечеру будто бы Ир.

23 марта – Публичное платное чтение у Иодковских. Со мной Нос. и Яна. 1-й, 2-й и почти 4-й акт. Большой успех. Фотовспышка и пр.

24 марта – День, в котором, по-моему, под аккомпанемент холодного и горячего спиртного заканчиваю 4-й акт.

25–28 марта – Продолжение печатания. Но уже неряшливо и впоследствии, в апреле, забраковываю 3 акта.

29 марта – Пьяненький вечер публичного чтения у Марии Фоминой. Виктор Ерофеев, Пригов.

30 марта – Мур. в гостях. Читает 4-й акт. Нехотя даю ему 3-й, и он прочитывает со снисходительностью «интермеццо».

1 апреля – Осталось свидетельство: записка к Г. Нос. с просьбой дать на бутылку, а последний, 5-й акт я за это обещаю отстучать в 4 дня.

2 апреля – Вторник. Корвалол. Полчекушки. Санитары. Спокоен. «Только на 5 дней». Отделение реанимации. Весь вечер под капельницей. Позволяют курить. Любезное обращение.

3 апреля – В реанимационном отделении. Визит Рашидовича. Все подчеркнуто мило. Капельница. Чудо: полстакана. Дозволение одежды. Аппетита нет по-прежнему.

4 апреля – С утра чувствую переселение. В 31-е. Ровное и бодрое состояние духа. Рассматриваю за окном: клочки оттаявшей травы. Ровная и вялая весна. Вечером Г. Нос. Бумага, авторучка, очки, штаны. Прекрасно. Мартовские рукописи.

5 апреля – 31-е отделение. Привожу в порядок хаос принесенных рукописей. Все готовлю для 5 акта. Весь день – в этом. Один пациент подходит: «У вас интеллигентное лицо» и пр. Масса уколов, деловит.

6 апреля – Вербная суббота. Впервые съедаю все меню. В ожидании гостей. Яны нет. Нос., Лён, его приятель. Куча приношений. Весело. Чудно. Но отбор для пьесы притормаживаю. Бессонница до 3-х ночи.

7 апреля – Вербное воскресенье. После бессонницы. Неутомим. Весь день – отбор для 5-го акта заканчиваю. Теперь можно переписать набело. Бодро и непоседливо. Аппетит – уже требую добавок. И снова бессонница до половины третьего.

8 апреля – Переселение в спокойную палату. Стойкая благосклонность врачей. Позволено позвонить домой: требую от Нос. прежних актов для ориентировки и «Москва – Петушки» для персонала. Вечером – Нос. О приезде Бориса Ер. Как быть? За окошком валом валит снег.

9 апреля – Весь день в отличном и победном настроении. Рыженькая Вал. под влиянием «М. – П.»: «Я потрясена, В., книгой. Это обалденно, ваш юмор, выше булгаковского» и пр. И даже не делает сегодня мне никаких уколов. И – разрешение на прогулки. 1-я прогулка. Тот самый садик и беседка. Все-таки: четыре страницы пишу набело и вечером отдаю пришедшей Нос. Начало 5 акта есть. Бессонница до 4-х.

10 апреля – Снижение во всех отношениях. Раздраженность крайняя, и закончились чернила, и остервенение, и не на чем выместить. Прогулка в 4 ч. – в назначенное время появляется Нос. С ней по скамейкам: мне нужны и стержни для работы, и таблетки для успокоения. Нос. бежит в аптеку и возвращается с корвалолом. Засыпаю. Пропавший день.

11 апреля – Ну вот и снова возрожден. Чистый четверг. Мне передают стержни. И – набело следующие 4 страницы 5-го акта. Холода и никаких прогулок. Вечером – веселая встреча с Г. Нос., отдаю ей написанное. Появляется Лён, дивится нашему мажору и утраивает его. Превосходно.

12 апреля – Страстная пятница. Еще холоднее и снег за окном. Снова никаких прогулок. Короткий приход Нос. – отдаю ей очередные четыре страницы (9–12) 5-го акта. Нос. в восторге. А у меня временная апатия. Но продолжаю 5-й акт.

13 апреля – Уже и солнце, но около нуля градусов. К приходу гостей готовлю очередные (13–18) страницы 5 акта. Носова. Потом – Ирина Л. (отдаленно). Потом – Тим. Потом – Л. Майкова. Все с приношениями, и довольно оживленно. Вечер – даю себе отдых от трагедии: «Континент»¹⁸, телевизор, грустно относительно Ир. Л.

14 апреля – Пасха. Прекращение ночных морозов. И деловое расположение духа. Прогулки запрещены, но при вытаскивании мусора, под солнцем все-таки звоню Ю. Р. (не видел с 14 февраля, не звонил с 28 марта). «Когда к тебе можно заехать?» – Р. о занятости, перегруженности, о гостях, как всегда. Я – о своем житье вне Москвы и о писанине. «Ну, до свидания». Она: «...Почему так спешно?» – «Да уж так. До свидания». Кладу трубку. Весь день, отложив финал 5-го, сижу над третьим актом. В один день весь его реконструирую, набело переписываю, все 14 страниц. Отлично.

15 апреля – Снова процедуры, работы в реанимации. В 2 часа – Нос. Отдаю ей весь вчера написанный нахрапом 3-й акт. Нос. в восторге: итак, остается только самый конец 5-го акта. Предисловие – посвящение. Вечером гости – Нос. со своей Ольгой, Ольга с шоколадом. Нос. – к Мур. с материалами. Чуть позже – еще гость, через окошко – Мельник. 5-й акт закончить немедленно. Делаю еще три странички. Остаются две.

16 апреля – И заканчиваю трагедию. В полдень завершаю последние две страницы (22–23). Свобода. Добавляю «Крохотное послесловие». За окном – дожди, я удовлетворен и спокоен. Ванная, прогулка под дождями. Проходящий незнакомый врач просит «Петушки». «Вашу книгу так рекламируют, что...» Обещаю. Вечером гости. Нос. и Некрасова. Чрезвычайно весело, если б не затюканная Некрасова. Вручаю Нос. последние 5 страниц последнего, 5 акта. Нос. окончательно в восторге и опять от меня едет к Муру. Еще запоздалые гости: Коля Мельник., Черных, Саша и с рыжей бородой и в коляске почти 2-месячный Кирилл. Чертовски весело у входа в отделение: о предстоящих крестинах, об о. Варсонофий, о законченной сегодня драме и пр.

17 апреля – Вчера, закончив трагедию, нынче потихоньку приступаю к блокнотикам для 2-й, «Диссиденты». Сосед-новичок всматривается в меня и улыбается. Художник из Мосфильма. Уступает мне место у окна. «Я давно о вас слышал» и пр. Ровен и общителен поверх всякой меры. «Нрзб.» обещает пробно отпустить меня на субботу-воскресенье. Звоню Г. Нос. – она о «хороших новостях», связанных с Францией и Англией. Прекрасно. 2-й день сплошные дожди.

18 апреля – Прекращение дождей, но погода от этого не лучше. И не веселей. Второй день выборочной работы над блокнотами к «Диссидентам». Гуляния днем – Г. Нос. в гостях. Сообщает об успехе трагедии в Мос. – шевелевских кругах – «нечто эпохальное» – и о чтении в кругу Островской с колоссальным успехом. Сотн. Гарик хочет даже навестить меня в больнице. По-прежнему сверхообщителен. Сомнения относительно Ю.

19 апреля – Как только проснулся и развернул 42-й «Континент»: «едва ли не все самое лучшее в современной русской литературе ограничивается именами В. Е. и И. Бродского». И – уже радость. Последние вливания. И – в отпуск до понедельника. С Г. едем домой, чтоб успеть к свиданию с фр. Ал. Я впервые дома после 2 апреля. Знакомство с Ал. Часовая деловая беседа. Обзор издательств: Буэнос-Айрес пока не издавал, но контракт остается в силе. Большие приветы Горб-аневской и Макс-имова. Склоняюсь в сторону Континента.

Все дело в окрыленности (между прочим). В «Дисс.».

С 17 апреля – Начинаю выбор материала для «Диссидентов». Блокнот зима 79–80 гг.

¹⁸ Пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» будет опубликована в парижском журнале «Континент» (1985, № 45).

18 апреля – Идея: провести Гур. Через все три драмы. Слепец в последнем. Юный стихоплет (под Гарики) – в «Диссидентах». (Интрига отсутствует. Ее заменяет ожидание интриги.)

19–20–21 апреля – Отпуск из больницы и прекращение собирания материалов для «Диссидентов».

22 апреля – Механически исчерпываю блок. 2 за 82 г.

23–24–25 апреля – Чуть-чуть черпаю из блокнота Болшево.

26 апреля – Прекращение «первоначального накопления».

22 апреля – Утром возвращаюсь в больницу. До полудня еще ничего. Потом – неодушевлен., туп, сонлив, вял. Механически вычерпываю для «Диссидентов» из блокнот.

23 апреля – То же самое. Безжизнен. Прекращены даже черновые работы над блокнотиками.

25 апреля – Отчего то все? Простуженность? Фарингит? Слабость? Наверное, в «Диссидент». Все то же, на прогулки совсем не выхожу. Рашидыч сообщает: завтра – домой. Первая гроза. Вечером – Носова, сообщает: трагедия уже в Белграде. Последняя ночь в больнице.

26 апреля – Пятница и последнее утро в больнице. В 11 утра я уже на воле – все-таки болезнен и нелегко добираюсь домой. Потом Носова с большой бутылкой карлсбад. ликера. Следом – Над. Балашова, Лён с Машей и канадкой. За шампанским. Публичное чтение 5-го акта. Ольга. Итак, выпускной банкетик состоялся.

23 апреля – Визит в больницу югослава. В ноябре 84 вышло журнальное издание, в марте этого года – отдельной книжкой. Очень большой успех. Алекс. Баднарович. Просит фотокарточку, ибо фотокарточку пришлось ему заказывать в США. Нос.: вчера уже в 12 часу ночи он влетел, оставив такси на дворе, с тем чтобы меня приветствовать и на меня взглянуть. И все только повторял: Ер! Пет! Я хоть взгляну на квартиру, где он живет. Об известности везде, в Европе и США – «ничего с вами не могут сделать?». Об экземпляре трагедии, о возможности поставить ее в Югославии силами молодежного театра. (О печатании: впервые делается исключение для иностранного автора.) Сплошные рукопожатия. (Он позвонил вчера раньше, чем себе домой.)

Серб Александр на мой вопрос, много ли он смеялся при переводе, ответил: Я больше плакал.

25 апреля – На фоне уже 4-дневной болезни: маленькое вечернее оживление. Хотя вчерашнее интервьюирование с чертом и не состоялось, но нынешней ночью (в 1-м часу). Носов., оказалось, разбудил – звонок – такси – трагедия и портрет. Ожидать его звонок в понедельник. Итак, трагедия поплыла, первый пункт – Белград. То есть город, давший импульс для написания.

28 апреля – Вечерние чтения 4-го и 5-го акта: люди с магнитофонами: Шевелевы и еще одна чета, 2 магнитофона.

30 апреля – А фарингит надо всем возобладает.

1 мая – Весь день холодные ветра с дождями. Конечно, никуда не выхожу. Все длятся горловые недуги и крайняя вялость. Горячий токай почти ничего не достигает. За вчера и сегодня – звонки иногда неожиданные: Епифан зовет на дачу. В. Гудкова – к себе. Гостья Лидия Майкова – про прочит. всю трагедию и удаляется.

2 мая – Болен и беспомощен, в который уже день. Никуда не выхожу. Телезритель. Звонок от Мур. из Ленинграда – «нежный привет от Костюхина». «Нрзб.» совет – вылечиться через посредство Тани Закк. Звоним Закк. Она через 2 часа появляется с вонючкой и эвкалиптом. Вечерние курсы лечения. И ванна.

4 мая – Безоблачно. Начало мая: около 20 градусов. Впервые выхожу на прогулки, полоскания помогают. Дважды – пешая прогулка в макулатурный пункт, и с успехом. Два фильма «Суворов» и «Оленья охота».

6 мая – Прекращение мажоров. Горло не отступает.

12 мая – Визит Ир. Викт.: завтра к 10 утра на Каширку на биохиманализ.

8 и 15 мая – поездки на Каширский центр на процедуры.

14 мая – И всю ночь сплю. Визит Ир. Викт. Объясняю ей, что на анализы идти не мог, что всю ночь прогулял с женщиной. Вечером – вино за 2.20. Завтра – предстоят гадости. (Утром звоню Ю.: «Так навсегда расстались?» – «Навсегда».)

15 мая – С Нос. на Каширку. Процедуры. Наказ Ир. Викт.: «Ни в коем случае. Тут же звонить!» Уговариваю маленько коньячок. Пропасть лекарств. Засыпаю.

16 мая – С сегодняшнего дня по росписи лекарств горловых и психиатрических. Вечером к Лёну с готовым экземпляром для госпожи «нрзб.». Все речи вращаются вокруг генсековской речи об алкоголизме.

17 мая – Все холода. Звонки от Ир. Викт. и из Белграда. Визит милой Яны Щедриной. Звонок о назначенном новом чтении трагедии. По инициативе Любчиковой и К^о.

18 мая – Чтение трагедии переносится на субботу, на сегодня. Смогу ли с моим горлом? Корвалолы. Еду на М. Бассманную. Все говорят, что я выгляжу больным, почерневшим и исхудавшим.

Разномастные мнения о трагедии, читанной 18 мая почти целиком. Марк и Лазаревич одними своими пожатиями выразили все. Любчикова на следующий день по телефону: «Это восхитительно, это гениально!» Боря Сорокин – «о зрелости таланта» и предупреждение относительно 3-й части триптиха.

А вот еще мнение о трагедии: «Это издевательство над человеческим духом, вообще над литературой». «Я бы в 5 минут такую сочинила» и пр.

20 мая – Чета Мельниковых заказывает чтение у них 25 мая.

28 мая – все длятся пустые и больные дни. Назначено чтение трагедии у Шаховских не то в пятницу, не то в воскресенье. Срываюсь, еду вечером к Тимаку. Переговоры с Шаховским относительно дачи. Бегаю вокруг в поисках пива – и нигде ничего не находим.

29 мая – Когда закончится болезнь? Гудочек в гостях, привозит маленькую ссуду для моей Шаховской поездки.

3 июня – Утренний отъезд. Ярославский вокзал. Дмитров – Кимры. 3 часа по Волге и Старице. Наружно спокоен, и только две язвы горла и Ю. Р.

4 июня – Первые гуляния без хотений. Ландыши. Купавки, болотца. Погода сносная, но ниже привычной. Вечером – гуляния по берегу Боровка. Тишь и как будто бы отрада.

5 июня – Второй «день» уже почти и не подымаюсь: ни на прогулки, ни в огороды. Все, что есть, на себя напялив, принимаю снотворное и сплю. Вечером – небольшая прогулка к востоку. Ничего не делается.

10 июня – Тяжелая болезнь и дожди продолжают. Маленькое спасение в порошках стрептоцида. И снова весь день неподвижен. Вечером – сквозь дождь – неожиданно приезд Г. Нос. Дивуется недугу. Уезжать немедленно.

13 июня – Все то же. Ждем Шаховского, чтобы выехать в Москву для лечения. Я – как всегда, бессловесный пласт. Вечером – Шаховской. И с маленьким презентом. На закате могу даже немножко посидеть на крыльце.

14 июня – Рано, до 5 утра, поднимаемся с Г. Нос., едем в столицу – моросящий дождик – катер входит в Боровик – Шаховской и Таня провожают – Кимры – Савелово – поезд из Углича. В 13:00 уже в Москве.

15 июня – Первое утро у себя в Москве. Болен и неподвижен по-прежнему.

16 июня – Все так же болен. Но почти весь день на ногах, по случаю бесчисленных гостей.

17 июня – Снова больше на ногах, чем в постели.

18 июня – Превозмогая болезнь, утром с Г. Нос. в диспансер для направления в каширский центр. Сама больница отставлена до завтра. Чай с коньячком. Чай с водярой. Визит Там. Вас. с подарками.

19 июня – В Каширский центр. Вступительная беседа. Теперь ожидать вызова. Чаи с водярой. Уже 4-й день могу читать, без охоты. Веселая Яна уезжает. Готовлюсь к самому худшему.

20 июня – С утра вызов в больничный каширский центр. Сборы, едем. Тут же вступительная беседа, направление, помещение в 3-ю палату. Вечером – забегает Нос. Короткий список того, что мне необходимо. Спасаясь стрептоцидом. Первый укол кардиомина.

21 июня – Начало обследований. Уколы. Кровь, кровь, еще раз кровь. У невропатолога, у терапевта. Коротко заходит Нос. вечером. Начало амитриптилина.

24 июня – Продолжаются обследования: у окулиста. Рентген откладывается до послезавтра – тревожное ожидание, загадочное слабительное, клизмы и пр. При вливании глюкозы в постели – сердечный приступ. (Валокордин! Срочно!) Ир. Викторвна после отпуска.

25 июня – Обследования продолжают. Капельница с утра. Потом – на электрокардиограмму. 6-й день уколов «нрзб.», но давление не повышается. Неудача с ухо-горло-нос. Рефлекс выталкивания сильнее меня. Очищение чрева для 26 июня. (Марк Гринберг с чаем.)

26 июня – День, которого трепетал, – и с утра уже поднимают для второго промывания чрева. Рентген, исследование печени и кишечника. Тут же – на капельницу. Чуть-чуть легче на душе: звоню к Г. Нос. Сообщаю новости, клянчу шоколадку. Понемножку начинаю читать (Лотман, В. Некрасов).

27 июня – Опять обследование. Глотаю мел в рентгеновском кабинете. Барий. Вернувшись, снова под капельницу. Вечером Г. Нос. в гостях: говорю, что получше. Любичкова с ромашками, черешней и помидор. Рассказывает, как Боря Сорокин выезжал во Владимир для чтения моей драмы, и с успехом. Вот и Боря Сор. с соками, компотами и пр. Довольно мило.

2 июля – Болезненно однообразно. Утром – в нервическом отчаянии и слабостях. Потом – двойная капельница. Потом – Г. Нос. с земляникой, черникой, клубникой. Мертво.

3 июля – То же. Весь в дрожаниях – потом двойная капельница. Чуть лучше. В гостях – Лён. Вечером – уже знакомства, и 5-й человек, меня знающий. (Корреспондент «Московского комсомольца» по телефону: «Вы знаете, кто здесь лежит?» и пр.)

4 июля – Как обычно. Судорожное утро, в ожидании капельницы вожделенной. И – спокоен. Коля Мельник. в гостях. Вечером – Галл. со своей Ольгой, клубника, черешня, земляника, почти весело. Вечером – почти исчезает чувство подавленности и несвободы. Переписываю Высоцкого.

5 июля – Уже почти нет утреннего синдрома, но тем ощутимее горло. Привычная укрепляющая капельница. И Нос. в гостях, снова клубника и пр. Я уже немного оживленнее и даже смешлив. Но – поднялся – дурно. Послезавтра сулят первую прогулку. Переписываю Высоцкого.

7 июля – В номерах спокойно. Ожидаю Г. Нос. с И. Вас., вместо того – Нос. с Т. Вас. и Валерием Котовым. Земляника. Вялая беседа. Чуть позже – Тимак. с клубникой. Холодный июль продолжается. Неприкаянность. Джон Рид.

8 июля – По обыкновению: полупустое и холодное утро – завтрак – капельница дв. – обед – сон – Г. Нос. с земляникой и Ольгиными вишнями и абрикосами. Чтение все-таки идет. Мих. Геллер. «Машина и винтики».

9 июля – Все, как заведено. «О минувшем ни следа, о грядущем ни намека». Горло. Ожидание капельницы. Кап.-2. Сонный день. Гости. Ник. Мельник. и его Сергей. Сплю. Г. Нос. с термосом, клубника и пр. Чуть спустя – Лён и Леня Прудовский.

В июле поступают охлаждающие суждения о драме. Приятель Розы – плагиат «Кукушкиного гнезда». Знакомый Мельн. – этот человек внимательно смотрит программу «Время».

16 июля – Продолжение прежнего. Кап.-2. К вечеру два гостя – Тимак. и Г. Нос. Малая прогулка. Одушевляет одно: возврат к эротическим эмоциям и чтение записок 1984 г. – взволнован и Р.

25 июля – раннее опять пробуждение. Балуюсь Шукшиным. Снова кап.-2. И снова Г. Нос. в гостях. На этот выходной никакого отпуска. Холода.

27 июля – Совершенно свободен. Никаких отпусков. В 11 утра появляется Г. Бездна черной и красной смородины, клубники. Гуляем (сидим на скамье, прохлад.). Вечером – смотрю открытие фестиваля и снова спать.

28 июля – Остаюсь на Каширке. Дни проходят мгновенно. Сплю. Будят только для обеда, для ужина и прихода Нос.

29 июля – Если не считать стоматолога и получасового гуляния с Нос. – сплю весь день. И тем спасаюсь от горловых дел.

30 июля – То же самое. Сонно безмерно. И даже гостей нет. И прекрасно, что нет. Спать.

2 августа – Готовлюсь к отправке домой. На этот раз – один. Метро. У порога дома – столкновение с Нос. Телевидение и балконные цветы.

5 августа – Пытка бритьем. Возвращение в больницу. Стоматолог. И сплю весь день с маленькими паузами. Приезд Майковой с арбузом, малиной и пр.

7 августа – Последний раз у стоматолога. Теперь лимфатический узел – средоточие всей боли. Остается прежний лозунг: больше спать.

8 августа – Спать и спать. Верх бедствия – когда будят. Будят, пришла Г. Нос. Еще будят, пришла Алена Некрасова. Толки о переходе в институт ЛОРа. Ничего не известно. Горло прежнее.

15 августа – Как обычно, поднимаюсь с горлом и лимфоузлом. Вчерашнюю терапевтичку сменяет сегодняшний хирург. Договор с Ир. Викт. завтра с утра на онкологическое обследование. Спокоен.

16 августа – несмотря ни на что, совершенно спокоен. Готов к испытаниям в Бауманском диспансере. С Ир. Викт. едем. Палач лор. Пункции. Потом – операция с биопсией. Я выдержал, меня гладят по головке. Теперь все на месте, и И. Викт. может мне ничего не добавлять. Рак. Пришедшую вечером Г. Нос. взять меня на выходные. И. Викт. отговаривает. Остаюсь один.

17 августа – Последнее пробуждение на Каширке. С утра появление Г. Нос., и все-таки увозит меня домой. Там Любкина пол-литра и пр. Визиты. Тимак. Балашиха. Обе Андреевны. Там. Вас. Отдыхаю, и даже балашовская стрижка.

19 августа – Запоминающийся день. Преображение. К 9-и с Г. Нос. едем в Каширский центр для выписки. В последний раз в своей однопалате. И. Викт., прощаясь, смотрит с величайшим состраданием и жмет лапу. В онкологию. Очередь в 2518 каб. «Нрзб.» о том, что мне предстоит. Под действием всего этого – домой. Сразу в 1 ч. 45-минутную очередь за спиртным. И сообщить некому – от Гуд. до Ю. Р., все не отвечает. Боря Сор. Вермут, водка, подъем духа. Обзваниваем ближних. Даже бодро Еселиху. Тупой А. Некр. говорю, что здоров, как только можно.

20 августа – Преодолеваю себя утренними чаями с добавлением водки. Снова едем – на последнюю консультацию в онкологический центр. Лён. В очередях. Наконец – профессор Оголевцев, ждать полторы недели.

21 августа – Горловые тяжести утром. Чай с коньяком. Галл. с утра отправляет телеграмму к Р. Звонок из-под Москвы Ирины Якир. (дважды «Венечка, родненький» и пр.), обещает быть в субботу. В гостях – Балашова. Лён. Все-таки вечером на вызванном такси втроем – я, Г., Бал., – едем к луне на вечер записи голоса. Сопровский, Островский, Сапгир, Пригов, Попов, Величанский – чтение кусков из трагедии. На такси домой к часу.

24 августа – Суббота. Такая же постельная неподвижность весь день и ожидание. Чаи с малым коньяком. Таня Закк в гостях, болтушка, мимоходом о возможной помощи из Парижа. Тимак. Потом, к вечеру, стечение народов: Гудочки, Мельник. и Лера, Лазаревич. Впархивает и выпархивает Иринка с Майк. Все, прощаясь, целуют и некоторые крестят.

28 августа – С утра бесконечные звонки, и Нос. пропадает надолго, чтоб вторгнуться в самую сердцевину Блохинвальда.

29 августа – И сегодня не призыв. в клинику. Определенно – завтра. В полусне. Забегает и попадает Яна. Заезжает Т. Вас. – но как уезжает, не слышу, сплю. Ир. дежурит у постели. Поздно вечером – Ир. Викт. на своей машине, с башкирским медом. И снова сплю.

1 сентября – Воскресенье. Все надеются на вторник.

3 сентября – Пестро. Утром – госпитализация откладывается, может быть, завтра. Восстанавливаю силы чаями с каплей. Ожидаю в гости милую Ир. Як. Т. Вас., ночевавшая у нас, тоже принимает участие в беседах с Ир. Як. Несколько часов с Як. Прощается, обнимает, целует. «Венечка, родненький». Завтра она уезжает на месяц, обещает позванивать. Следующие гости: Ольга, подруга Нос., потом Роза. Звоню Ю., и Ю. соглашается приехать. Встречаю ее в 8 у остановки 76-го, но до того неожиданно вторгается компания Тани Закк и В. Мур. Встречаю Ю. в белом платье, в накидке. Дом – Ю. и Г. не здороваются. Три часа Ю. в кресле, я возлежу. Мне все лучше от крох коньяка. Постепенно все прощаются и уходят, Таня Закк подмигивает. Появление Ир. Леонт. Заскакивает к нам и Ю. на полминуты. Провожание Ю. растягивается до полуночи.

5 сентября – Вот оно. Уже рано будит звонок. Ерофеева везти на госпитализацию. Подъезжает Т. В. Едем вчетвером. У Каширской присоединяется Лён. Дух¹⁹, и отказ от госпитализации. Г. Н. по всем инстанциям, даже с угрозами. Лён: «гордость русской литературы» и пр. Короче, приехать завтра к главному врачу Кондратову. Возвращение. Г. Нос. выскакивает на Новокузнецкой за мах. коньком. Дома – куча снотворных, и сплю весь вечер, ночь и утро. Пробуждение от боли в ушах.

6 сентября – На этот раз утро с сухими чаями. Ничего. Снова катим на Каширку. Беседа с Кондратовым, объяснительная, быть во вторник на перекомиссии. Втроем: я, Г. Нос. и И. Леонт., возвращение домой. Звонки отовсюду. Т. Вас. в гостях.

7 сентября – И так, ждем до 10-го. Чаи с каплями.

10 сентября – В холодную жуть едем втроем (Г., Т. В.) на «перекомиссию», в которой даже не пришлось участвовать. Возврат – все холодные ветра в горло. И неизвестно, когда теперь госпитализация.

12 сентября – И вот – день госпитализации. Я и пробуждаюсь в несколько лучшем состоянии и обхожусь безкапельным чаем. Вызов. Яна Щедрина. Катим на Каширскую – окончательно. Т. В. уже там. Вселение на 23-й этаж, 7 палату. Первые обследования и беседы с достаточно милым врачом Олеговичем. Вечером первое посещение Г. Нос. с припасами. Звоню Гудочкам, звоню Р., Р. обещает быть завтра, но «без никого» у меня.

¹⁹ То есть запах алкоголя.

13 сентября – Первое пробуждение в онкологической верхотуре. Анальгетики. В бегах. Моча. Эл-кардиограмма. В поисках радиоизотопно-диагностического отделения. Укол изот. Запись в библиотеку. Мимоходом читаю День поэзии.

16 сентября – тяжелое пробуждение, клянчу анальгетик. Получше. В бегах. Кровь на биохим. Рентген гортани. Г. Нос доставляет склянку бауманской биопсии. В гамма-кабинете радиоизотопной диагностики, неподвижен и долго распластан. Потом – лучше. Гости: Зайцев и Мишель с розами. Г. Нос. в настроен. О звонках Якирки.

17 сентября – несмотря ни на что, в утренних бегах. Рентген гр. клетки. Спирограф. Еще рентген. Дурно о моих легких. Вечером принимаю гостей – Ю. Р. с Т. Вас. Потом – Лён. Т. В. норовит свернуть разг. Лён намерен увести дам. Все трое удаляются. Хмурый кивок уходящей Р.

18 сентября – Гости начиная с полудня. И круглый день дожди. В полдень – Яна в белом халатике и Г. Нос. Запасают меня чаем. Малый сон. Тимах. Гудочек (без Гудчихи). Ирина Викт. с букетом гвоздик. Следом Марк Гринберг (без Люси). Следом Ник. Мельник. (без Леры). И – в довершение, когда мы курим на балконе с Ир. Викт. и мальчиками, подъезжает Таня Закк. Вечер с Таней Закк. И бега курить на черную лестницу.

Говорю Носовой 16 сентября: славная девка Татьяна Закк. Так и хочется погладить по головке. И не только по головке. И умирающий гладиатор шучу.

В больнице в гостях 18 сентября. Таня Закк: «Вы у нас в Париже классик». Рассказывает, что в дни книг-торг. ярмарки Анна, представительница от издательства «Галлимар», все-таки не поехала ко мне с Т. из трусости: классик. Да еще больной.

19 сентября – Вчерашних гостей было слишком много, ломота в черепе. Температура. Озноб. Свист ветров за окном, второе одеяло. В полдень Г. Нос. Говорю ей, чтоб всех отважила от «похода» ко мне.

23 сентября – День, который мне казался потенциально суетным и тяжелым, оказался разгружающим. Утром – на компьютерную, потом в больничной очереди на рентген грудной клетки. В ожидании противной фиброскопии. И – решительная беседа с Олеговичем: никаких фиброскопий, операция послезавтра, и тут же врывается Г. Нос. Изготовление чаев и милые беседы.

24 сентября – День последних прощаний. Утром забегает безгранично обаятельная в белом Таня Ростовцева. Г. Нос., следом – сестры с уже ненужными подарками (пельмени, с икрой). Боря Сорокин. Т. Вас. и И. Вас. двигаюсь в путь под напором влезающих Л. Черных с Мельник., В. Мур. с Т. Закк. Довольно весело, и то и дело в бегах на черную лестницу, покурить. Порознь и стадами. Розы, астры и пр. Нам не делают нареканий. Уходы. Последний, перекрестив, Боря Сорокин.

25 сентября – Утро, маленькая дыба – в кабинете ультразвука – уколы – уколы – везут – высшая дыба. Потом – содрогания и бессонная ночь в реанимационной. Ужас не проходит.

26 сентября – В пелене. В крови, в соплях – на тележку – из реанимации везут в свою 7-ю палату. Через зал перевязок. Вот и гости. Гал., следом Яна. Гудчиха глядит с выражением сомучения.

27 сентября – Продолжительная борьба с удушьем и мокротами. Еще перевязка. – Г. везет в кресле. Сегодня Гудочек со всей возможной помощью. И – Ир. Леонт. в белом халатике, тихая дежурная. Вечером подымается температура, но Г. не позволяют остаться.

28 сентября – Рано с утра – Г. Нос. Хвалюсь: сам ночью пил боржоми и пр. Улучшение состояния духа.

29 сентября – если б не это вековечное полуудушье.

30 сентября – Но пробуждаюсь от удушья. Весь день поменьше мокротных натисков, чем в 25–29-х. Галина с утра и до вечера с перерывами. Заглядывает Лидия Майкова. Часа два гостит Там. Вас.

1 октября – И солнце. На перевязке сообщают, что снятие зонда и швов 8-го числа. Гал. с утра. После перевязки легче дышать, больше сижу. Галина впервые сдает пост Ю. Р. Спокойно. Вечер с Ю. Р. И ненадолго в гостях Гринберг. Довольно оживленно.

2 октября – 7-й день после операции. Ветра за окном нагоняют обещанное на завтра бабье лето. Г. Носова. Впервые температура ниже 37 градусов. День перевязок. В гостях Ю. Гудочек. Чуть позже – Б. Сорокин. Вечером снова Г. Нос.

3 октября – Бабье лето. Снова дежурит Носова. Заезд Т. В. с носками и соками. Она говорит, что Р. будет только завтра. Нос. говорит, что Леонт. будет только в субботу. Лидия Майкова снова.

4 октября – Утреннее объявление об отмене уколов. Подготавливаюсь, что трубку снимут 8-го. Весь день чувствую себя бодро, если б не вечерняя коллизия хамки-медсестры. Гал. Нос. Потом Лён о своем на 6-е число намечаемом пиршестве. Яна. Потом – Зайцев с лекарствами. Спроваживаю Яну – тут же Ю. Р., оживленные диалоги, начало шалостей. Г. Нос поздно вечером. Г. Нос и Ю. Р. совместно дежурят и суетятся. Впервые.

5 октября – Утром снимают часть швов. Еще один страх меня покинул. Бреюсь и оживлен. Весь день тихо и уд-но. 10-й день после операции. Галл. Нос. утром и поздно вечером. Полтора часа Т. В., уже купившая билет на север. Горечь: начало болей в печени, умоляю Бога.

8 октября – Значит, день, как и предполагалось. Наконец снимают зонд из носа. И швы остальные. Первый глоток. Я – в восторге. И Г. Нос., подошедшая с утра, тоже. Пробую на вкус все подворачивающее под руку. Р. нет. Мур. будет только 10-го.

9 октября – Все туманы и теплынь за окном. Г. Нос. уже меньше забот, она гостит около 2-х часов, не более. Чтение – высвободилось время для этого – конкретики от А до Я. За этим занятием в 6 вечера меня застает в холле Ю. Р. Весело, но Р. мне не оч. нравится, она пришла, потому что ей позвонила Г. Нос. Т. В. очень коротко. В 7 вечера их изгоняют: провожаю до лифта.

Ты становишься болтливым, Ер., как всякий немой. Прекратить. 10 октября.

15 октября – Первая прогулка, хоть и мизерная. Г. Нос. появляется к полудню. На прогулке диво: Коломенское вдали, еще ромашки и клевер под ногами. Облучение все откладывается.

16 октября – Чередую Эйдельмана и Пушкина. Внизу: разметка у радиолога – теперь в ожидании долгих облучений. Сопряженное с ними долгое и сухое пребывание здесь. Весь вечер – борьба с мокротами.

18 октября – Вторую ночь мороз минус 21–23 градуса. Бесснежие. В полдень – Г. Нос. Сопровождает меня до 1-го облучения и уезжает на именины матушки. Ровная и спокойная настроенность. На несколько минут вечером забегает Ир. Як. Приносит письменные принадлежности, уезжает на 10 дней на Украину. Весь день один. Тишина. «Портреты в колючих рамах» В. Делоне. 9-й день нет Ю. Р. (?).

21 октября – Понедельничная суeta, солнечная столица сверху. Второе облучение. «Багровый остров» Булгакова. Вечерние гости: Гал. и Яна. С розой, с примусом и пр. Возвращение к прежнему смеху. Приготовление ко дню рождения: когда? где? решение завтра сделать разведочную вылазку в сторону Коломенского. В связи с днем рождения звонили все, от Седак. до Епифана.

22 октября – Намеченное первое большое гуляние не состоялось: сложности с пластиковой трубкой. Дважды Г. Нос. В раздражении решаю отменить все дни рождения. Однако

раздражение скоропреходяще. «Зойкина квартира» Булгакова. Эйдельман продолжает душить Павла. Кинофильм «Выстрел в тумане», 1963 г.

23 октября – Вечернее гуляние состоялось, но вот еще маленький удар: рука во время гуляния немилосердно ноет и вынуждает прекратить и возвратиться: никаких именин. Добиваю «Грань веков» Эйдельмана. Чудо. В гостях, и ненадолго только Г. Нос. Ровно 2 недели, как нет Ю. Р.

24 октября – Утром, сонный, отмечаю день рождения черным кофе с шоколадно-коньячными колечками. И трогает даже «Девушка без адреса». И полпятого первый появившийся – Елифан. Неузнаваем. Следом – Гринберг. Потом – Г. Нос. Я – только мал. 40 граммов чего-то заморского. Оживленно, мило. И поздно, почти в 11 вечера, – врывается с пятью розами Яна. Много приветов отовсюду.

25 октября – Опять час ожидания облучения. Тянет в сон. Будит Г. Нос. в 5 – ехать домой. Нехотя собираюсь, едем. Впервые после 12 сентября. Флотская. Московская особая с чаем. Гости: Мур. и Таня Закк. Веселый вечер. Первая проба курить.

26 октября – Пробуждение раннее у себя дома. Тревожно. Понемногу успокаиваюсь балзамом с чаями. Ирина. Короткий визит Яны. Короткий визит Тимака, Еселиха. С Г. прогулка по солнцу – в магазин, коньяк. Вчетвером едем. И вот снова Каширская, ВОИЦ. Я, Г. Нос., Ир. Л. Здесь были за мое отсутствие 2–3 человека. Остаюсь один. Кроха – коньяк., и спать без снотворного. Назавтра сулят начало зимы.

С 25 сентября. Пара изо рта у меня нету. В сущности, с 25 сентября я сколько угодно могу дышать на зеркальце. Не потемнеет. Но это не значит... etc.

Зеркальце – страшноовато, но чепуха. А вот как я теперь буду (с) пива пену сдывать? 18 октября.

Спектакль в Брюсселе d'apres V. Erofeiev (то есть по мотивам В. Ерофеева).

Вот еще что обнаружил 15 октября. Самый больной жест теперь для моей руки – жест поднесения ко рту стакана.

Я – сторонник труда безударного.

Все откладываю письмо: 1) Зимачихе, 2) Гушиной Т. В., 3) Рунихе. На ноябрь.

1 ноября. Гал. сообщает о беседе с полячкой Ольгой. Та говорит, что организует в Польше посильную помощь, что многие откликнутся, узнав, для кого она назначена.

И медсестры бегают, как мурашки.

27 октября – Возврат к обычной каширской жизни. Нет, случайно обнаруживаю в шкафу 6 баночек голл-мюнх., дар не заставшего меня Александ. 5 из них уговариваю. В гостях Марк Фрейдкин с исполинскими грушами и театральными пародиями. Потом – Ирина Л. с харчами из Флотской. Потом – супруги Величанские (впервые). Весело – их сменяет Гудочек. Мажорен до исхода дня. Поздняя Гал. Нос.

28 октября – начинается привычноколейность: на рентген – еще на рентген – обход – на облучение, 7-е. Последняя мюнх. Баночка, и конец именин. Г. Нос. в гостях ненадолго. Чуть позже – Майкова с желтыми хризантемами и 4-мя экз. Проверяю и правлю. За окном – снежные бураны.

29 октября – Прежняя зима со свистом и метелями. Остываю к чтению. Все нехотя: и Пушкин, и Булгаков, и полковник Румянцев. Настроения мирные, и абсолютно спокойные.

1 ноября – Туманы, иногда с дождем. Ровно 2 часа в очереди на облучение (теперь двустороннее). Не читается, не пишется – дремлет. Г. Нос. будит вечером. Кофейничаем. Чуть позже – Нина Фрол. с гостинцами. Часовая беседа (Г. Нос о Ю.: «Она сказала, что кризисный период прошел и она больше здесь не нужна»).

Очень мило. Выдается справка 21 октября. Дана в том, что гр. Ерофеев В. В. находится на лечении. 25/09-85 г. оперирован – резекция гортаноглотки.

Только 30 октября узнаю, что со мной заняты гамма-терапией.

31 октября мой львовский сосед читает «Петушки» по-польски. Итог: «Д-да-а-а... Я никогда не читал ничего подобного... Неудивительно, что ее перевели на столько языков». И пр.

2 ноября – Двухдневный антракт с облучением. Маленький страх: не сужает ли горло начавшее вчера двупольное и т. д.? Спокойно и противоборствую. Телевидение от «Front ohne Gnade»²⁰ до «Потерянной экспедиции». Чтение последних стихов П., Пулковского меридиана, и реляции Румянцева, и Ницше. Впервые за 52 дня обитания в ВОНЦе – ни одного визитера. Непривычно. Наедине с бедствием. R.

И уж конечно, никаких шуток с безмолвными звонками. Да и противно. Ни в одном году не было такой прочной, выношенной неприязни и отворачивания к Рун. За вычетом нескольких дней.

4 ноября – Худо: с утра подседают безобразного соседа. Еще скверность: три с половиной часа в очереди на облучение. Все переношу стоически. Но – ни обходов, ни прогулок, ни логопедов, ни библиотек. Вечером Г. Нос. Весь день с Вересаевым. «Пушкин в жизни». Вечерний визит трех девчонок, Маши Фоминой и К^о. Мило и весело. «В Ленинграде вас еще больше чтят, чем в Москве», «Спасибо за то, что хорошо выглядите» и пр. Целуют и упархивают. Хризантемы.

5 ноября – Назначена первая ноябрьская прогулка. Второй день без дождей и с солнечными пятнами. Г. Нос. в 11 – час гуляний по замерзшим лужам. И тут же – на облучение – и спать – просыпаюсь к самому вечернему приезду Нос. и Балашихи. Бал. Впервые. 100 г ликера с соками. Славно. Шоколад. Гораций. Планы вылазки 7 ноября на берег Москвы. После их ухода – падение бодрости.

9 ноября – ровно месяц, как нет Рун. Безцветнейшее из существ. И презренна.

Если враг не издается – его уничтожают.

Пишу 9 ноября, наконец, письмо к Т. В.: «Не унывай. И, пользуясь долгой зимой, расширяй свои познания, безграмотная».

Опять уединяюсь: письма, наконец к Т. В. на север, к Зимак., в Кировск. О себе и о Вен. – младшем. И набрасываю короткое письмо к польской переводчице.

²⁰ «Фронт без пощады» (нем.).

14 ноября – Шестидневка облучения длится. Прибавились новые озабоченности: ожидание «выпускных» проверок на будущей неделе. И 25-го ВТЭК. Значит, заточение продлевается до 25-го.

15 ноября – Пятница до обеда – дремотно. Потом беготня по разметкам, вестибюлям. 20-е облучение. Осталось 5. Дремлю – будят гости. О. Седак (впервые) и Марк. Фр. Не совсем ловко с ними. Позднее пришедший Лазаревич – уже веселее. И Г. Нос.

18 ноября – Начало последней башенной недели. В самом деле – начинаются обследования. Сегодня чудом избегаю их – оттяжкой вызова на облучение. Потом – спал. Потом – неприкаян. И – никого в гостях. Вечером нет охоты смотреть никаких «Евг. Гранде», спать.

19 ноября – Четвертый день подлинной и окончательной зимы. Облучение и болезненные функции в смотровой.

На занятиях логопедией с Р. 20 ноября четче всего получается «сука», «проблядь», «блядуга» и пр.

21 ноября – Наблюдаю за Женовой и окончанием диалогов. Где пресс-конференция президента?

Поздно вечером слушаем с Мир. Ил. его приемник на волне 46. В самом деле – ровно в 22:30 начало передачи о «Петушках». Читают (едут), в районе Павловопосадской глуши.

Ребятишки пытаются определить, чем вызвано чтение именно в эти дни: антиалкогольная кампания в России, Женевская встреча лидеров, моя горловая болезнь или продвижение «Шагов командора».

21 ноября – Мирон сообщает о приезде Тани с гостинцами из Парижа.

22 ноября – Последний лечебный день в ВОНЦ. Долгое ожидание ультразвука. Потом – сломя голову – на последнее облучение. Обед и сон. Будят запиской от Тани. Потом – вторжение пьяных Зайцева, Мишеля и Жанны. Вечер с коньяком и славянским пивом. Превосходно. Г. Нос., мелькнув в полдень без меня, более не появляется. С Мироном Ил. Слушаем в 22:30–23:00 продолжение «Петушков», до Воиново. Трудно уснуть.

По радио 23 ноября – «Даже в самые черные дни сталинизма из сердца русских писателей не исходило такой безнадежной и трагичной ноты» и т. д. Во вступлении – о том, как восприняли впервые: несоответствие «Венедикт» и крестьянская фамилия «Ерофеев».

23 ноября – Порожняя суббота, предпоследний день на башне. Маленькое нездоровье и отсутствие живости, звоню к Г. Нос. с Мироном. Дремлю. Почти в 5 – Нос. Прекрасно. Коньяк и кофе. И тут же Ир. Леонт. Вечеринка. Г. Нос. уходит с разгрузкой. Ир. Л. остается. Я – нейтрален. Провожая до лифта, мило, цел. *Bis morgen*. В 22:30 под смесь компота с коньяк. – слушаю свои «Петушки»... от Крутое почти до 105 км. Не спится и крепость духа, и желание возобновить «Мишеля Каплана».

24 ноября – Воскресенье на башне ВОНЦа. Пустоты и дремоты. Ир. Л. нет. Лидия Майкова с цветами и 2-мя червонцами за экз. И Гал. Нос. Смушенная звонками, не остается слушать по «Свободе» «Москва – Петушки». Я слушаю с 22:30 до 23:00. О 113 км. Крошечная бессонница. Последняя ночь.

25 ноября – Последний день на башне ВОНЦа. Спокойно изготовлен. Мгновенная ВТЭК – вторая группа.

26 ноября – И впервые пробуждаюсь у себя дома. Пиво, конечно, необходимо. С Нос. первая прогулка в наш магазин. 3 пива. Яна в гостях. Я. и Г. заняты бурным передвижением мебели в доме – я, для противовеса, собираю всю посуду. Никогда не сдавал на такую сумму –

13 рублей. 2 сухих. Ркацители, 2 сухих венгерского. Мур. и Таня Закк. Прелестно. Еще вечеринка. Т. З. баснословная, и о Париже.

Нынче должны закончить чтение «Москва – Петушки» и дать что-нибудь вроде маленького послесловия.

Париж. Импрессии Тани Закк. «Нрзб.» пьесу не печатает. Макс-имов», преодолевая свою неблагосклонность ко мне, все-таки согласился. Оттеснен и вытеснен Вася Аксенов. Больше всего восторгов у Нат. Горбаневской: не то что из лучших XX века, а прямо тут же вслед за Александром Сергеевичем и пр., и пр.

Хучь бы четыре часа подряд побить едыну.

И вообще, что значит «последнее слово». Мы живем в мире, где следует произносить слова так, будто они – последние. Остальные слова – не в счет.

О, какая дурная шутка: раковая шейка.

Отчасти – да. Но весь я не свихнусь.

Молод еще господь со мной спорить-то.

1986

9 января – В полдень, сквозь буран, все с тем же надорванным сердцем – сквозь магазин (пива нет) – на почту (письма нет). На Флотскую – сухого нет. Сквозь буран же – на Петрозаводскую, и вот у меня 2 сухих. Приклеиваюсь к столу, но первого вчерашнего порыва уже нет. Отъединен решительно, заявляю, чтоб ко мне не входили ни 3-летки, ни 25-летние. И снова ложусь спать, трясясь от слез.

К Лёну или еще кому-нибудь за кавказскими тостами, чтобы в «Фанни» их ослабоумить и обесмыслить до пределов.

При таких образах жизни, при таких модусах вивенди – как бы мне к весне живота не решиться.

11 января – В основном преодолел декабрьско-январскую запойную полосу, и состояние духа выравнивается до степеней теперь возможного.

12 января – Унылая канцелярская работа с бумагами, безвдохновенно. Начал 8-го с порыва, 9-е и 11-е пропущены, несколько строчек 10-го, достаточно строчек 12-го. Но все не то. Во всем все не то. Спокойствие. Завтра я должен шлепнуть, чего бы это ни стоило.

2 приглашения

1 из филфака Парижского университета.

1 из Сорбоннского центра онкологии.

Зав. кафедрой славистики.

Старший хирург-клиницист Сорбоннского центра.

Может, вставит искусственную гортань.

К анкете чрезвычайно придирчивы.

Я написал: не менял.
Они поправили: не изменял.
Степень родства: ближе некуда.

Голоса лишен.
А филология об этом и не подозревает.
Они в этом нашли чего-то манифестальное. И решили сунуть вперед.

Я купил (7) рубашек
(жалко носить)
Хотел купить и 8-ю,
Но подумал: зачем?
Все равно в этом году умирать. И слеза с полкило.

Утром 24-го было 5–7 длительных звонков. Но я не подходил.
А – если б я подошел – постучал.

Напротив того, раньше мы переписывались 1 раз в 4 месяца, теперь 4 раза в месяц (после ноября 85-го).

А в Париже бормотуха дешевле трамвайного билета, дешевле минеральной воды.
А знакомых больше, чем в Москве.

6 апр. – Воскр. Отмечаем первый пенсион. И жаль, что нельзя побольше положить в сберк.

18 апр. – День визита Paris – Алекс. Вот и сообщ., что вызовы в П. давно уже высланы и только что получены. Завтра мне их привезут. Ну что ж, спокойствие и «поразмыслить». «Мертвый сезон по тел.». Почти начало лета.

Какие чернобыльские пошли анекдотцы: «Мирный атом в каждый дом». «Какая самая широкая река на Украине? Днепр. Нет. Припять. Редкая птица долетит до ее середины». И т. д.
Погулять по Булонскому лесу.

2 мая – Лето кончилось. Трагедия длится: ни в одном магазине нет ничего, кроме дорогих коньяков. В гостях носовская подружка Валентина. Решаются: на ура ехать в центр в поисках спиртного. И возвращаются – проклятия – с початым венгерским шампанским (2). 2-го или 3-го в гостях Саня Пирогов с крохами самогона. Звонит Тих.: зовет в деревню. Невозможно. «Потом».

6 мая – Рано проснувшись, занят Библией и пр. Мысль: куда же я без пиджака. Снимаю 80 р. в надежде купить пиджак и часы. Галине, принесшей 1 дорогое сухое и 3 пива, говорю: сухое выпью, только после покупки пиджака. Едем. Неудача в «Руслане» (Смоленская пл.). Снова едем. Неудача на Новослободской («Богатырь»). Едем с двумя пересадками в Богатырь на просп. Мира – тоже ничего. Пустые возвращаемся. Но самочувствие ровное, и сегодня впервые увидел на балконе 7 первых проклюнувшихся (в ряду маков и васильков). И сегодня теплее: доходит до +11°. Отличное вино.

15 мая – Нос. утром говорит, что сегодня в 2 часа непременно должны быть Якирка и финн. Глотаю корвалол и слабую брагу. В самом деле – финн, и умнейший. Бегу за маленькими коньячками и пивом. Чокаемся. Он сообщает о том, что в Финляндии идет перевод «Пет.» «самым лучшим переводчиком». Что призыв к печатанию меня в Финляндии звучал в улич.

печати. Что пьеса – лучшее, что он читал за послед. 5 лет. А «Пет.» – лучшее литерат. произвед. 70-х годов. Цитирует статью обо мне в Лит. энциклопедии США. Очень приятно.

31 мая. Субб. День окончат. сдачи документов в Париж.

Мне 5-го числа принесли пенсию в 12 часов. В 14:30 она кончилась. Июнь 86-го.

8–9/VII. 8-го звонок ликующего Лёна. Завтра под окном у нас будет стоять машина и отвезет в Переделкино. Остальное стерлось.

9/VII. В самом деле, машина под окном (чуть вина). За рулем Саня Рабинович. День знакомства с Беллой. Сквозь всех сопровождающих ее и меня – порывистый жест-бросок. Славная. Громадная гостиная, куча шкаликов. Она, по примеру Ирины Якир, спроваживает кого-то «из» меж нами сидящих мужиков. Теперь уже весь вечер локоть в локоть, уже весь вечер коленка в коленку. Всё о любви, о сожалении о том, что не довелось встретиться прежде. Как я хотела вас видеть. И эта штука совсем не портит вашу красоту и пр. и пр. Чтение пьесы по магнитоф. Мне Беллой поставлены розы, и тосты, тосты.

10/VII. Не спится. Под впечатл. передел. визита и пр.

22–23/VII. Вчера я говорил: того, что мы набрали в магазине, хватит до листопада. На 22-е в самом деле хватило. А вот уже 23-го утром – последние крохи. Бедняге Носовой приходится снова бежать во все удлиняющуюся очередь на Флотской. И возвращается с дорогостоящими красными сухими. Всё обещаю приступить к «Фанни Каплан».

25/VII. ОВИР дает о себе знать ровно через 2 месяца после окончательной отдачи заполненных документов. Новая придирка. Галине Носовой предстоит на будущей неделе новая беготня. К концу лета – конец ОВИРа.

30/VII. День Беллы Ахмадулиной. В самом деле, как и обещали, подъезжают на машине. Скорые сборы. Едем. Беллочка почти угрюма до Переделкино. Первая прогулка в лесу: Мессерер, я и Носова. И уже первая горсть грибов. Маленький банкет.

Нам весело не пьется,
Мы песенку поем,
А в песенке поется
О том, как мы не пьем.

В антракте – прогулка по лесу уже вчетвером. Белла умиляется мною на фоне леса. Еще банкетик. Белла произносит речь (тост) за меня, слишком лестный: «И талант, и ум, и стройность, и красота» и пр.

9 авг. Теперь уже сам могу стоять за сухим на Флотской (и опять с помощью Эдуарда). Между тем Носовой все хуже, и все предчувствия помещения в клинику.

13 августа. Взятие коварной Носовой. Они были вызваны для меня. (Весь день сухие, корвалолы и дремота.) Обстоятельства переменяются. Очень поздно 5–6 чел. Ее увозят. «Надолго», говорит один.

25 августа. Сегодня истекает трехмесячный срок со дня подачи прошения. ОВИР молчит.

Не дают, суки, не дают мне погулять-пофорситься-повыябываться по Елисейским полям. Не дают пособирать грибы в Булонском лесу.

2 сент. Утром Г. Нос. увозят в новую больницу, на Каширку.

С 7 сент. (мал. и тщетное нарушение 8 сент.) – введен в доме без подсказок и давлений – в одностороннем порядке – мораторий. И даже брага пусть стоит, ск. ей след.

Уже 7-й день сухого домашнего закона. К вопросу о моратории. Это не кв. 78, а испытательный полигон, «штат Невада», и центральный его персонаж В. Ерофеев, эсквайр.

14 сентября – Нос. последний день на побывке. Расположение духа ровное и первородное, как в дни зеленоградских гербариев. Решаем: по случаю сплошного солнца – не в Переделкино, а в парк у Левобережной. Великолепный променад с полудня до полчетвертого. Я не собирал грибов уже 45 дней. Жаден до каждого дерева и до всего. Грибы зонтики, немножко чернушек, опят, сыроежки. Ликую. Нос. отъезжает к матушке. Я один, вернее, в отличном расположении духа наедине с грибными чистками, варками. 5-й Чайковского по телевидению и тут же 5-й Шостакович. Нос. возвращается с немислимым количеством съестного. Планы выездов: в Добрынихи, Абрамцево, Переделкино и пр. Только б не испаскудилась «нрзб.» погода.

15 сентября – Нос. выпускают окончательно послезавтра.

Лён говорит по телефону 16 сентября, что какая-то закордонная станция передает «Петушки» опять.

16 сентября – «Хмурое утро». И весь день – в дождях, непогодах и слякоти. Загород пока отставляется: за Фетом из приложения к «Ниве» и Брюсовым. В полдень решаю быть деятельным. Направляюсь в центр. Вс. Рождественский и Чехов в Пуш. лавке. В ГУМе – пласт.: Русского сонета, Дельвиг и Полонский. Умница. Вернувшись домой, тотчас же и сквозь те же дожди – стою в очередь с посудой. Сдаю на 6 руб., возместив в точности расходы на пластинки. И на всякий случай 4 пива. Весь вечер в стихах Дельвига, Ап. Григорьева, Полонского.

А пиво взято из принципа. Чрезвычайное положение, введенное 7-го, подверглось искусу сухим (8-го) и упрочило к нему брезгливость: корвалолом (15-го) – только снотворное и отупевший эффект. Пиво – для того только, чтоб убедиться, пронаблюдав, что и оно не надобно.

17 сентября – Вот и последнее – пиво – дискредитировано. Для опыта: вчерашняя покупка 4-х пив, 2 вечером и 2 утром. 17 сентября – и наблюдаю за негативностью и паскудством маленьких следствий.

И табак. 14-го – ни одной затяжки. 15-го и 16-го: приблизительно по 1–1½. 17-го – только ½ сигаретины с фильтром. Прекрасно.

По радио и телевидению продолжаются игры в «полную информативность» в России. Министр финансов выступает в пресс-конференции 20 сентября и точно называет размер черныбыльского ущерба: 2 млрд руб. То есть побольше червонца на каждого взрослого человека России.

«Гласность» и «духовность» – не было дня в августе – сентябре, чтоб слова эти десятки раз на день не употреблялись по телевидению.

Еще смешнее. «Комсомольская правда» за 20 сентября. Горбачев беседует с краснодарцами. «Вот тут мы недавно с Раисой Максимовной читали Достоевского...»

Оказывается (по записной книжке 84 г.), состоялся первый визит с Лёном к Мессереру. 6 июля 1984 г.

Скоро будет 20 дней самопроизвольного непития (!). А это – средняя продолжительность жизни комнатной мухи.

Боре Сорокину: по телефону:

Бормотуху и портвейн
Я не пью таперича,
В этом главная заслуга
Михаил Сергеича.

25 сентября – День юбилеев и прощаний. В холодильнике 2 свадебных, но мне наплевать. Солнце. Пока нет никого, с грузом макулатуры доезжаю до Петрозаводского пункта – ради Перро и Грима. Снова осечка: произвол. выходной. С грузом назад. Появление Балашихи. Следом – Т. В. с последним визитом и сухим. Пьем годовщину моей операции, пьем отъезд Т. В. на север, 80-летие Дм. Шостаковича и пр. По телевидению последняя серия «Отцов и детей». Общая растроганность.

И к 25-му числу распустились (все лето неподвижные) белые фиалки.

У Носовой не может быть повода для недовольства: 10 лет тому назад она говорила, что за 2 года она не видела, чтоб я ел хлеб или сидел за письменным столом. Теперь я каждый день ем хлеб и каждый день сижу за письменным столом.

27 сентября – Суббота. Впервые проснувшись, обзираю все крыши и деревья в снегах. («Что ты рано, осень...» и т. д.) Настоящие снежные бураны до 2-х, а в 2 все моментально стихает. Обещанной именинницы нет – Балашихи. Потому цежу приготовленные на этот случай 500 г массандровского Кокура. И с раннего утра, под первый снег, кручу Дельвига, Полонского, Стоковского. В гостях Майкова. Приношу извинения за то, что нынче не совсем уравновешен.

8 октября – Весь день в бумагах. Записи 20-летней давности. И 1-я книжка моих Паралипоменон (вторая половина 84 г., исток всего). Две маленькие вылазки на почту за пенсионом: напрасно. Зато 6 пива. Кратковременный визит Эдуарда с отдачей кредита. Все о погоде. И лучшей не сулят. Рано спать.

Вот еще что плохо. С каждым днем все безвдохновенно и неприязненно ко всем, и большие глухоты при слушании музыки – почти силком, – и нет уже той бешеной страсти читать все подряд. Ничего читать не стоит. От этого – «Паралипоменон». Чтоб понять следующий за тем 85-й.

12 октября – Превосходно. Утром еще за русской исторической песней. Потом – визит Балашихи. Наконец выплыл из крымского мрака. В. Лён – зовет на 1-й советский вечер авангардистов-концептуалистов. В 3 часа – еду. В восторге почти от всех чтецов. Финальная шальная демонстрация мод под чудовищное музыкальное сопровождение. Подходят и знакомятся. Подходят и другие и напоминают о знакомстве. Из круга Седак., Фоминой, Дудинского и просто незнакомые. С выражениями благодарности и пр. Возвращение в 9 вечера «веселых и приятных мыслей полон». И рано засыпаю.

12–13 октября. Едва успеваю переводить восхищенные свои взгляды от всех своих (почему-то бурно расцветших) фиалок – на бурно же вздымающуюся и контролируемую брагу. 1-я: 11-го вечером, 2-я: спустя ровно 36 часов, 13-го утром.

Две именинные бражки уже имеют наименования. Первая – Офигенная. Вторая – Заебательская. Надо повесить этикетки. (Утром 15 октября.)

20 октября – Покровское солнце скрылось. Всю землю мглой заволокло. Никуда не выглядываю. 2 бадьи моей браги шуметь перестали, стало быть, готовы к употреблению. И начинаю впотреблять. Вперемежку с музыкою: и трофейные от Андреевен пластинки, и новооткрытый Берлиоз. Перемежая вечером усталость от браги.

21 октября – Настолько ухажу в брагу, что день у меня выпадает. И я следующий день среду, 22 октября, всерьез считаю 21-м. У меня отнимают мас. банки, и розлив по бутылкам прихотливо прячут по всей квартире. Смутно. И на дворе – тоже.

23 октября – ну вот, теперь все ясно: нынче 23-е и день рождения завтра. Смешно исчезновение 21-го. И начинаю прислушиваться к звонкам, и первые гости: Эдик. Сухое вино. Звончок Леонтовича о благополучном исходе операции. Все-таки и немножко бражки. И рано вечером явление младшего Венед. Радостно.

24 октября – Участвуют: Ю. Гудочек, В. Гудочек, А. Леонтович, Б. Ахмадулина, Б. Мессерер, Л. Любчикова, неожиданно Яна, Даша Леонтович, Владис. Лён и его громкие тосты. О. Седак, Валерий Котов, ни с того ни с сего Саня Пирогов с еще худшею брагою, чем у именинника; Майкова, любимица Таня Закк, ненужный Эдуард. Слишком шумно. Слишком все-таки мало говорил с Беллой. Слишком часто сепаратничал с Епиф. и пр. в своей комнате.

26 октября – Почти без движения. И никого в гостях. Страшен снаружи и изнурен изнутри. Единственная пища дня – громадная бутылка смеси малиновой воды с остатками ликера. Возобновляются желудочные боли 19-го, но семикратно. И невозможно понять, что «нрзб.» страдает. И сердце, и нехватка воздуха, и, главное, желудок.

30 октября – И наконец день, непохожий на те. Рано встаю, и практически без желудочных болей: очень поздно вечером вчера звонила Белла: к 12-ти надо быть в ВОНЦ на обследовании. Успеваю даже вымыться. Ровно в полдень – мы на 17-м этаже. Страх перед гастроскопией. И конец ее. Тут же – наверх, первая проба у логопеда. Вечером по телефону и в разговорах удовлетворение тем, что язва. И самое употребительное вечером слово: язва. Ольга в гостях. Ольга Седак. звонит и обещает быть. После полуночных чтений только в 3 опрокидываюсь спать.

Согласен на вечера 1 ноября и 3 ноября, а на нынешний вечер Булата и Беллы в ЦДЛ – не выполз.

3 ноября – На вечере в литературном кафе. Опять много незнакомцев, приветствующих меня (может, когда-нибудь пил с ними?). И напротив сидящий с запиской: отравление было случайным или умышленным? (о драме). Пишу в ответ: «Я сам этого не знаю». Пишет: «Очень милая драма. Спасибо». Устно говорит: «Можно сказать, классик». И пр.

11 ноября – Все-таки неможется после вчерашнего пиршества у Якирки. Конец зимы. Утром исчезают последние снега. Непогоды и слякоти. В гостях Балашиха. Тут же – Г. Нос. И хором договариваемся шлепнуть шампанского. Шлепаем. К вечеру мне все хуже с желудком, и я от следующих гостей (Вера, Сорокин) уже отъединяюсь у себя со своей болью. Всеобщее участие. Стало быть, и завтра никуда не сдвигаюсь: ни на чтение Беллы, ни на выставку Сысоева.

Всю осень – все толки о беспощадном наступлении демократии на Россию, возвращение на Родину Андрея Тарковского, витающая в воздухе идея частных издательств, статья о Лихачеве, о Правде, публикации Флоренского, Гумилева, Набокова. И пр. и пр. Литературные новые кафе, Чингизова «Плаха» и С. Аверенцев над нею. И фильм «Покаяние» и пр.

Все сделать как-нибудь через попу. Назначить директором Малого театра Егора Кузьмича Лигачева (лучше Егора Лигача Кузмичева), а перед входом соорудить статую Фридриха II с созвездием Кассиопеи на брюхе.

14 ноября – Легко принимаю то, что в другие дни обернулось бы «днем испытаний»: на повторное исследование моей язвы. Столкновение с Нос. на Новокузнецкой – ВОНЦ – снова блуждание с этажа на этаж. Еще одна гастроскопия. Возвращение домой через Пушк. лавку,

приобретаю себе «Исландские саги» (первая трата со времен пенсионера). Безоблачно. Диета на неделю. Вечером в гостях Б. Сорокин – зачастил, подлец. После ухода его, допоздна с перепиской Сталина – Черчилля – Рузвельта.

Снова, как прежде, каждое утро подымаюсь чуть-чуть до рассвета: «с первой полоской» – и наблюдаю. Не признак ли выздоровления от язв? Но ведь к ночи – снова ломоты и боли, после двухсуточной паузы.

17 ноября. И в самом деле год назад посещавшие меня в больнице девчонки не преувеличивали, в Ленинграде популярность больше московской. Вот и Ольга об Елене Рабинович – переводчице и коммент. Флав. Филостратовой «Жизни Аполлония Тианского»: («Да, она твоя страстная поклонница. Она сама тебе пришлет Филострата»).

19 ноября – Просыпаюсь не вполне здоров, но у меня почти полбутылки коньяку. Тяну его, как давеча, с горячим чаем. Периодические нелады в желудке. Спустя полмесяца снова сажусь за злополучную «Плаху». Г. Нос. откуда-то достает болгарского сухого (не покупала 2^{1/2} месяца). В гостях вечером отличная девка Ольга, весело. И почти не тревожит, что послезавтра – в ВОНЦ, где могут и опрокинуть на месяц в постель.

А русский скажет на высшем Суде: «А ты-то кто? Не глубок ты, я вижу, и недалек».

20 ноября – Впервые так поздно подымаюсь, чудесно. Звонок от Милы Леонтович: снова зовет пожить, отдохнуть в Абрамцево, независимо от погоды. Говорю: если завтра на месяц не брякнут в ВОНЦе в кровать – буду непременно. Мне презентуют бутылку сухого (по случаю того, что завтра ехать в ВОНЦ). И снова веселая Ольга в гостях, с подарками – пластинками Варламова и Шостаковича. И еще бутылка сухого на трех. Перед сном кинофильм «Дядюшкин сон» 1973 г. Чувствую себя прекрасно.

Починил говорилку.

21 ноября – Все осенние дни казались чрезвычайно короткими и стремительными. Сегодняшний – очень долгий день. Сборы на окончательное решение ВОНЦа. В кабинете получаем справку, которая даже у Нос. исторгает возглас: «Без рецидивов». Прекрасно. В кабинете у Олеговича. С 1 декабря – занятия у логопеда.

А в Австрии, допустим, по утрам пьют черный кофе и без сахара.

2 декабря – Ну, конечно, потепление. В журнале «Октябрь» № 11 публикация стихов Вл. Набокова со вступительным словом Андрея Вознесенского.

И с обещанием в самое ближайшее время опубликовать «Защиту Лужина» (!).

3 декабря – Ну, конечно, теплеет изо всех сил. В декабрьском «Огоньке» впервые представляют Ходасевича (статьей Вознесенского и стихами).

22 декабря – Хоть одна тьма да разрешается. Снова – в последний раз – поездка в Аэропорт. диспансер для ВТЭКа. Все. Я перевтэчен. Сдабриваю это горячим кагором.

1987

1 января – День не существовавший. Утром еще ухватываю что-то сухого и по телев. кусочки «Обыкновенного чуда». И сплю почти до полудня 2 января.

2 января – Нет. Что сегодня 2-е – это почти не вызывает сомнения. Но тяжело, что провалилось 1-е и все немислимые «нрзб.» и пр. Последний трояк, данный Нос., с Амбалом вдвоем на шампанское. Тягостно. Главное: в эти новогодние ночи возобновление Нос. росписей стен.

Любка. Делаем вот что, росписи уничтожить новыми обоями. Мимолетно Надька. Амбалы забирают всю посуду 86 года и все крохи денег, только взамен – немножко шампанского и сухого. Вечер: усиление конфликтности в доме. Нос. в очередной раз сбегает, и неизвестно куда. Постигаю размеры порчи книг, журналов и пластинок. Любка на всякий случай остается.

Об оттепелях. Что там академик Сахаров, когда в новогоднюю ночь по 1-й программе телевидения позволили Жанне Бичевской спеть «Шумел камыш».

В паспортах таких людей, как я, надо вводить новые графы. Например, «размах крыльев» и пр.

6 января – Продолжение идиотических утрат: военный билет, свидетельство об окончании немецких курсов, 1-я четверть Благой вести, пенсионная книжка и все, что было вложено за обшлага паспорта. Утверждается, что все это для ОВИРа в субботу.

8 января – И – снова схватка по поводу репродукций в той комнате. Лён. Призывает или вызвать Ю. Р. сюда, или съехать к Ю. Р. «Но мы же в контрах». Пиво.

И в силе остаются еще две рождественские загадки: исчезновение часов и Беллочкиной авторучки.

9 января – все то же – стужа (и дома в шарфе и шапке), тьма, а за стеной зачумленность. Ну что ж. У меня последние 2 трояка – но почти 30 градусов морозу – в Заонежье. Почти час в очереди. И вот у меня 3 дешевых ркацители и 2 пива. И горячее столовое. И за вечер восстанавливаю свои поденности с середины декабря.

10 января – Нос. – посланная за корвалолом (срочно), возвращается с елкой через полтора часа. Надсада.

Вот, прекрасное средство от сердца, говорит возвратившаяся черт знает откуда Г. Нос. Смотрю: рамнил, «препарат обладает всеми характерными свойствами слабительных средств».

11 января – Седьмой день стужи. Снова в шапке и кашне. Безмозглости за стеною все длятся: исчезновение шести книг за ночь. Исчезновение дорогостоящих витаминов. Вчера принесенная елка выброшена на балкон вместе с продуктами. Покуда сдержан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.